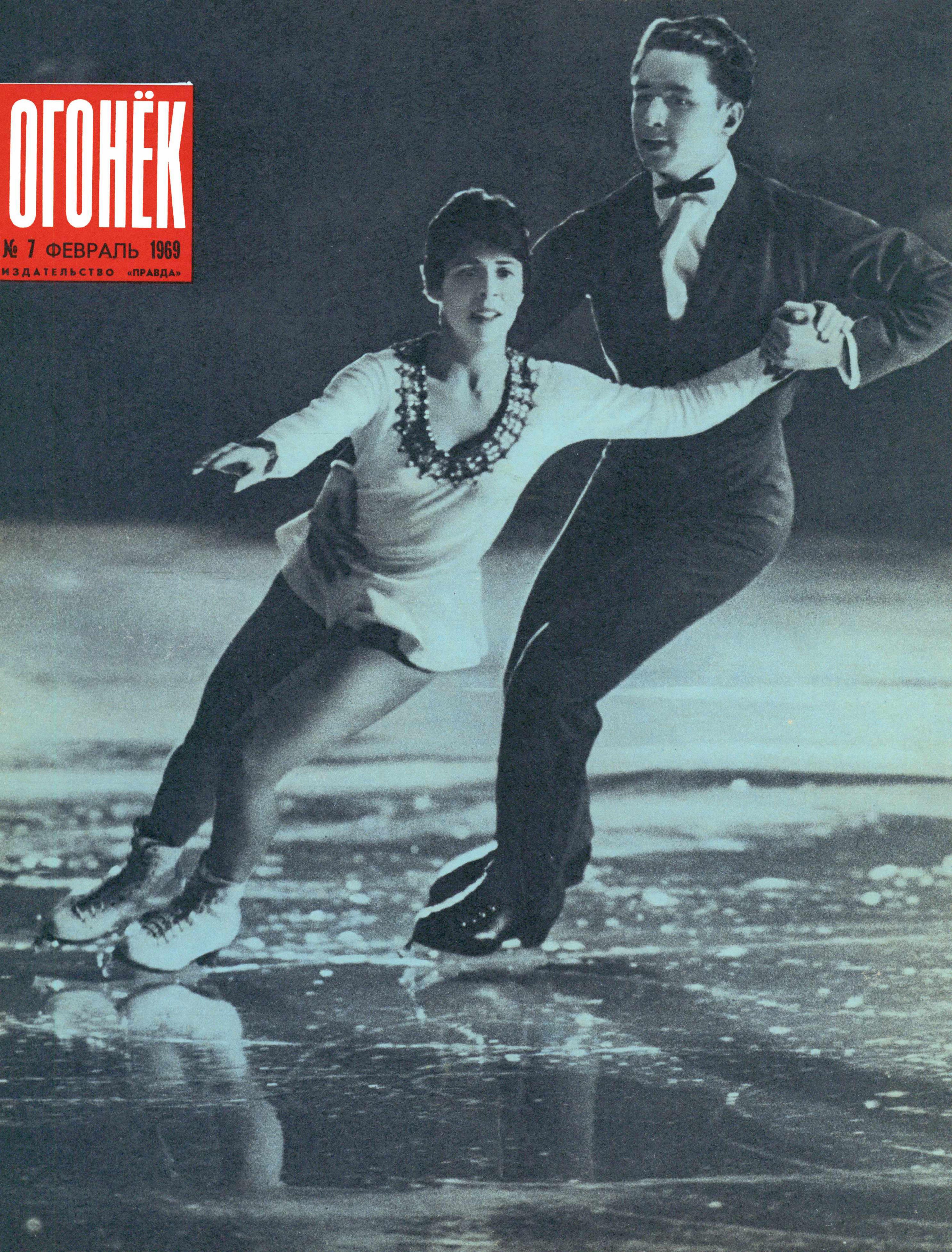

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Токаря Александра Ревтова рекомендовал на рабочий факультет Кувандыкский завод механических прессов.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

15 ФЕВРАЛЯ 1969

№ 7 (2172)

На рабочем факультете настроение рабочее.

РАБФА
ШЕСТИДЕ

Когда лекции закончены.

КОВЦЫ
СЯТЫХ

Тяжело в ученье, легко на экзамене. Галя Илюхина штурмует высоты математики.

«...Рекомендован общим собранием работников завода, цеха, участка...» Весомые эти слова — в путевках будущих студентов рабфака. Репортаж о таких рабочих факультетах в Оренбурге смотрите на стр. 2—3.

16 МАРТА — ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ

В ДОРОГЕ И ДОМА

Морозное февральское утро. Заставленное локомотивами депо Москва-Сортировочная. Машинист пассажирского электровоза Владимир Федорович Федотов только что вернулся из очередного рейса и, как всегда, полон впечатлений.

— Можно годами ездить по одному и тому же маршруту,— уверяет он,— но каждый рейс по-своему неповторим. Начать с полотна дороги. Для нас, машинистов, это сама жизнь. Как бы ни совершенна была техника, аппаратура, надо все время наблюдать. Реагировать быстро и точно. Вот вам простой пример: взят с соседней дороги дальний поезд. Он поступил ко мне с опозданием. И первая моя забота — ввести его в график. Времени немного: еду от Рязани до Москвы. Надо рассчитать каждую минуту, учесть, когда пройдет электричка, обязательно ее опередить и затем уже до самой столицы, пользуясь зеленой улицей, жать на всю железку. Стоит ли говорить о том, какое громадное удовлетворение получаешь, когда поезд этот после всех перипетий прибывает в столицу без опозданий?..

Теперь об экономии. На сэкономленной электроэнергии нам удалось провести несколько поездов. Что это значит? Государство ни копейки не затратило на электроэнергию для этих рейсов. И мы, машинисты, получили денежное поощрение.

Владимир Федорович Федотов пришел в депо еще мальчонкой. Носил на паровоз обед отцу — кадровому машинисту. Затем стал кочегаром, помощником машиниста паровоза, техником по обучению будущих водителей поездов, а когда дорога перешла на электрическую тягу, опять поступил учиться и вот нынче скоро уже десять лет — машинист пассажирского электровоза.

...Идет собрание железнодорожников локомотивного депо Москва-Сортировочная. Да, того самого, о котором идет речь в произведении В. И. Ленина «Великий почин». Выступают рабочие, мастера и выдвигают кандидатом в депутаты столичного Совета Владимира Федоровича Федотова. Он и ныне депутат Моссовета. Товарищи снова оказали ему доверие.

Спрашиваю Владимира Федоровича, удовлетворен ли он своей депутатской работой.

— Не совсем,— отвечает он.— Еще не все сделано, о чем просили меня избиратели. Хотя немало времени, энергии отдаю депутатским делам...

З. ХИРЕН

На снимке: машинист электровоза В. Ф. Федотов.

Фото М. Савина

ЗАБОТЫ У НИХ БОЛЬШИЕ

Предвыборная кампания в разгаре. Началось выдвижение кандидатов в депутаты, активизируется деятельность агитпунктов, подводятся итоги — от выборов до выборов. В агитпунктах белорусской столицы часто слышишь вопросы: «Расскажите, как выполнялись наказы избирателей, как работали депутатские комиссии, что сделали они, получив наше доверие и полномочия?»

...Тетрадь называется «Учет поручений депутатам, членам постоянной комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению городского Совета депутатов трудящихся». В тетради записи: «Проверить состояние столовых на промышленных предприятиях», «Проверить состояние транспорта в медицинских учреждениях», «Проверить работу пунктов неотложной помощи детских поликлиник», «Подготовить доклад о состоянии медицинского обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны»... Это задания. В каждом учтены, как правило, просьбы избирателей, их наказы. И по каждому что-то предпринято, намечено, осуществлено.

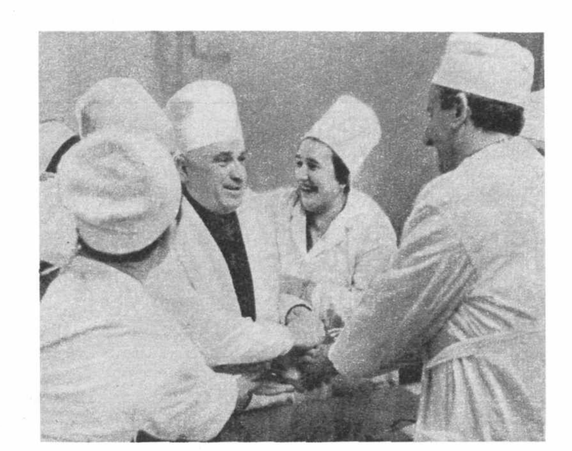
Лучше всего, как известно, заметно крупное. Так вот, несколько слов о крупном. За два года в Минске открыты больница на 400 коек по улице Орловской и типовая поликлиника в новом микрорайоне на Харьковской; стоматологическая поликлиника на улице Якуба Коласа; вошли в строй новые корпуса третьей клинической и инфекционной больницы; скоро прибавятся еще две поликлиники в Заводском районе. В нынешнем году первая клиническая больница получит новый великолепный хирургический корпус... За всем этим — бесконечные заботы тридцать одного депутата, членов комиссии по здравоохранению, председателя комиссии Зои Георгиевны Алукиной, ее заместителя Алексея Ивановича Шубы — заботы о хороших проектах больниц и поликлиник, о форсировании сроков строительства, о приобретении самого современного оборудования, о кадрах.

...Это итоги. О них много говорится сейчас на агитпунктах Минска. На днях город узнал приятную новость: депутат многих созывов горсовета, бывший партизанский комбриг, главный врач первой клинической больницы Алексей Иванович Шуба удостоен звания Героя Социалистического Труда. Несомненно, тут сыграла роль и его депутатская деятельность.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Коллеги поздравляют А. И. Шубу.

Фото А. Мызникова.

НЕДЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА

ИСКУССТВО СОЛНЕЧНОГО КРАЯ

Из далекого Дагестана в город на Неве приехали триста мастеров искусств: артисты, музыканты, художники, писатели, поэты. Маленькая горная советская республика знакомила со своим национальным искусством. И то, что местом для творческого отчета был избран город великого Ленина, подчеркивало реальность осуществления мечты вождя, верившего в то, что со временем и малые народы будут иметь все условия для свободного творческого роста.

Все жанры искусства представили горцы. Во Дворце культуры имени Горького нам довелось смотреть государственный заслуженный ансамбль танца «Лезгинка». Шквал аплодисментов сотрясал стены. Горцы покорили молодежь Нарвской заставы своим огненным темпераментом, искрометным мастерством. В ансамбле собраны лучшие национальные традиции танцевального искусства аварцев, лакцев, лезгин, даргинцев... Отточенная виртуозность и неиссякаемый темперамент мужских танцев, кружевной рисунок женских поражают зрителя.

В концертных залах восторженно принималась программа самого молодого в Дагестане эстрадного ансамбля «Гуниб», названного по имени высокогорного, овеянного легендами аула. Горячо встречали выступления ансамбля песни и танца, актеров Кумыкского музыкально-драматического театра.

Симфонические и камерные концерты отличались разнообразной и интересной программой: премьера первой симфонии молодого композитора Ш. Чалаева «Горы и люди», премьера кантаты «Сказ о Свободе» С. Агабабова. Исключительный успех выпал на долю композитора Мурада Кажлаева, который известен ленинградцам своими песнями и балетом «Горянка» в Академическом театре оперы и балета имени Кирова.

Музыкальные коллективы, артисты, композиторы и литераторы выступали не только в лучших концертных залах и театрах города, они побывали в цехах у рабочих, у военных моряков, мастеров сцены... В экспозиции, развернутой в залах Русского музея, было показано свыше семисот произведений живописи, графики, скульптуры, работы мастеров декоративно-прикладного искусства. Всеобщий интерес вызвали знаменитые изделия аула Кубачи, мастеров серебряной насечки, балхарских гончаров...

А в трех кинотеатрах шел фестиваль документальных и хроникальных фильмов.

Всюду, где выступали музыкальные и театральные коллективы, писатели и композиторы, вместе с ними был и народный поэт Дагестана, лауреат Ленинской премии Расул Гамзатов, чьи мудрые слова всегда вселяют жизнелюбие.

На творческой встрече в Большом зале филармонии с любовью Расул Гамзатов говорил о городе Ленина.

— Мое творчество рождено кро-

РАБФАКОВЦЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

В. ТИХОМИРОВ, специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Рабфак — слово не новое. Для наших отцов оно и до сих пор родное, близкое. Рабфак — дорога к знаниям, дорога, по которой шли тысячи и тысячи рабочих и крестьян в двадцатые и тридцатые годы.

Сегодня это слово опять приобрело популярность. В нынешнем учебном году во многих институтах разных городов открылись рабочие факультеты. На них принимают рабочую и колхозную молодежь.

Зачем нужно было возрождать рабфаки в 60-х годах? По многим причинам.

— В сельских школах не хватает учителей,— объяснила мне преподаватель Оренбургского педагогического института М. С. Кирьянова.— А к нам поступают преимущественно горожане. Получит такой студент диплом и стремится устроиться на работу в городскую школу. К жизни в селе он не готов, никакой привязанности, любви к деревне он, естественно, не питает. Вот и получается заколдованный круг. Выпускники сельских школ слабее подготовлены, чем горожане, в силу той же причины: не хватает в деревнях учителей высокой квалификации. Поэтому лишь немногие парни и девчата из сел выдерживают конкурс. А рабфак — это подготовительный факультет...

Наш разговор прерывается многоголосьем шумной компании девушек. Это пришли к Маргарите Сергеевне ее подопечные рабфаковцы, вчерашние выпускники сельских школ, трудовые книжки которых начинаются с исконных крестьянских профессий — доярка, скотник, работник полеводческой бригады... Шесть месяцев подготовки под руководством опытных институтских преподавателей помогут им успешно сдать приемные экзамены. Вернее, выпускные. Потому что выпускные экзамены для девушек на рабфаке будут одновременно и приемными в институт.

Нелегко поступить в институт выпускникам сельских школ, но и у многих горожан возникают сложности. Человеку, несколько лет проработавшему на заводе, трудно конкурировать на вступительных экзаменах с юношами и девушками, только что окончившими школу. Конкурс есть конкурс: студентом становится тот, кто получит более высокие оценки на экзамене. Но давно известно, что далеко не всякий отличник-школьник после вуза становится, скажем, хорошим инженером. Найти свое призвание на школьной скамье трудно.

Староста рабфака в Оренбургском филиале Куйбышевского политехнического института Коля Загорнов до сих пор не может понять, почему в свое время он поступал именно в

Народный поэт Дагестана, лауреат Ленинской премии Расул Гамзатов на Кировском заводе.

Канатоходцы.

вью моих гор, искусством моего народа. Горная тропинка привела меня в этот зал, в этот город, неразрывно связанный с высотами русской литературы, поэзии и культуры.

На Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС поэт увидел тех, кто создает турбины, осветившие аулы. На Кировском заводе — тех, кто сделал первые тракторы, распахавшие межи предгорных полосок Дагестана, и тех, кто сейчас собирает мощный «Кировец».

— Я преклоняюсь перед вами, ленинградцы. Спасибо за то, что ваши сердца протянулись к народам гор.

Неделю длился в Ленинграде смотр достижений литературы и искусства солнечного Дагестана, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Этот смотр показал подлинную зрелость и глубокую народность искусства горной страны.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото В. Герасичева.

педагогический. Только теперь, проработав два года электромонтером в экспериментальной лаборатории медногорского завода «Южуралэлектромотор», понял, что совершил ошибку, и ныне он абсолютно уверен в своем выборе.

— Кончу электротехнический факультет и вернусь работать на свой завод.

— Так ты ведь еще не в институте?

— Поступлю. После такой подготовки на рабфаке и получить двойку на экзамене? Это исключено. За несколько недель уже столько задач по математике перерешали, сколько, наверное, за всю школу не приходилось.

У товарищей Коли Загорнова трудовые биографии тоже открываются коренными рабочими профессиями — слесарь, токарь, упаковщица, шофер, монтажник...

Разные биографии, разные специальности, разные институты, но есть у всех рабфаковцев одно общее — доверие товарищей по труду, доверие первых рабочих наставников. Далеко не каждого посылают на рабочий факультет. «Рекомендован общим собранием работников завода, цеха, участка...» — очень весомые строчки в путевках будущих студентов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КТО ГОВОРИТ ОТ ИМЕНИ ЕВРОПЫ?

Спартак БЕГЛОВ

В высказываниях «железного канцлера» Бисмарка, который с помощью меча и дипломатии интриг создавал «великий немецкий рейх», можно найти такие строки: «Я всегда слышу слово «Европа» от политиков, которые хотят получить что-либо от другого государства, но не смеют требовать этого от своего имени».

Эти слова приобретают особый смысл сейчас, когда в Брюсселе и Люксембурге, Бонне и Лондоне министры отставные и действующие начали очередную кампанию за «спасение Европы».

Какой Европы? Почему ее надо спасать и от кого? И кто говорит от имени Европы?

Внесем сразу ясность: для некоторых буржуазных политиков с определенного момента Европа сократилась наполовину. Они говорят «Европа», а имеют в виду лишь западную часть нашего континента. Один герой Салтыкова-Щедрина в свое время решил, как известно, «закрыть Америку». Империалистические политики, видимо, исходя из того, что произошло в 1917 году в России и после 1945 года в странах к востоку от Эльбы, решили таким же образом «закрыть» половину Европы. Такого рода политики не мыслят жизнь без противопоставления одной половины Европы другой. И когда они кричат «спасайте Европу», то это просто-напросто значит, что для них наступило время очередного крестового похода против социалистических стран.

Министр финансов в боннском правительстве Франц Иозеф Штраус считает себя «истым европейцем». Он давно уже ратует за «европейскую атомную бомбу», серьезно уверяя, что печется не только об интересах милитаристских, реваншистских кругов, но и о «спасении Европы». Той, милой сердцу Штрауса «Европы», в которой западногерманскому империализму вновь отданы многие командные позиции и в пределах которой они рассчитывают стать соучастниками так называемого «европейского ядерного потенциала», то есть своего рода коллективных атомных вооруженных сил.

Найдутся ли люди, готовые пойти навстречу этой опасной бредовой мечте? Представьте, находятся. Например, английская дипломатия стремится сейчас активизировать Западноевропейский Союз, этот филиал Атлантического блока, и заручиться поддержкой правящих кругов Западной Германии во имя «объединения Европы». Какой Европы? Разумеется, речь снова идет о Западной Европе и «объединять» ее собираются только из чисто антисоветских, антисоциалистических побуждений.

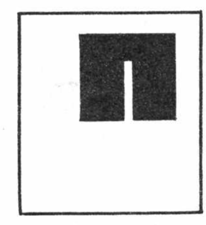
Казалось, куда логичнее было бы ожидать от Англии политики более мудрой, уравновешенной, делающей ставку на приобретение авторитета и престижа действиями, цель которых заключается в разрядке напряженности. Ан нет! Претензии на роль верховода в западноевропейских делах сохраняются, но расчет уже строится на том, чтобы еще больше рассорить Запад и Восток и заработать капитал на нагнетании напряженности.

Тот факт, что Лондон избрал Бонн в качестве особого объекта ухаживаний, не случаен. Он вполне укладывается в рамки определенного политического курса. Французская газета «Фигаро» рассматривает это как закладку основ «подлинной военно-политической оси Лондон — Бонн». Что ж, история знала и раньше антикоммунистические «оси» и «треугольники». Но в данном случае речь идет не просто об антисоветской геометрии в политике, а о деле, пахнущем уже самой настоящей политической алхимией. Той самой алхимией, с помощью которой пытались в Мюнхене добыть драгоценный мир для Запада за счет сговора с реваншистским милитаризмом против Востока. И не случайно английский министр обороны Д. Хили избрал недавно именно Мюнхен для произнесения речи с призывом к НАТО быть готовой применить первой атомное оружие против Восточной Европы. То, что варится сейчас в английской политической кухне, попахивает самым настоящим «ядерным Мюнхеном».

Нельзя дать монопольное право говорить от имени Европы тем силам, которые все еще цепляются за обанкротившуюся политику «холодной войны» и заигрывают с мюнхенским призраком.

Корсунь-Шевченков

Маршал Советского Союза И. С. КОНЕВ

осле победоносной битвы на Курской дуге стратегическое наступление Советской Армии успешно продолжалось во второй половине 1943 года. На южном крыле советско-германского фронта войска Первого, Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов к началу 1944 года освободили от врага Киев, Черкассы, Днепропетровск, Кировоград и многие другие города, захватили важные оперативные плацдармы на правобережной Украине.

Этими победами были созданы благоприятные условия для проведения новых операций, цель которых заключалась в полном освобождении правобережной Украины и Крыма путем расчленения и уничтожения по частям крупных группировок врага, противостоящих Первому, Второму и Третьему Украинским фронтам.

Успешные боевые действия на юге давали возможность вернуть Родине важные промышленные и сельскохозяйственные районы и открывали путь для освобождения от фашистских оккупантов Балкан и Польши.

Однако, прежде чем приступить к освобождению правобережной Украины, требовалось уничтожить гитлеровскую группировку в среднем течении Днепра, в районе Канева. Обороняющаяся здесь Корсунь-Шевченковская группировка войск противника, используя благоприятную для обороны местность, образовала глубокий выступ, вклинившийся в стык между Первым и Вторым Украинскими фронтами. Крупные силы этой группировки, нависшие над смежными флангами фронтов, создавали угрозу контрнаступления гитлеровских войск, задерживали выход наших армий в западные районы Украины.

Немецко-фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать Корсунь-Шевченковский выступ, оно все еще не хотело мириться с тем, что «Восточный оборонительный вал» окончательно потерян. Гитлер и его генералы полагали, что им удастся сильными ударами сбросить наши войска с плацдармов на Днепре, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы правобережной Украины и установить сухопутную связь со своей крымской группировкой. Отход же от Днепра, потерю правобережной Украины Гитлер не без основания рассматривал как разрыв всего стратегического фронта немецких войск. Наконец, немалую роль играли и политические соображения. Удерживая Корсунь-Шевченковский выступ, Гитлер пытался скрыть провал своих стратегических планов в войне на Восточном фронте. По всем этим причинам противник принимал все меры к созданию в районе Корсунь-Шевченковского выступа устойчивой обороны, которая в дальнейшем послужила бы исходным рубежом наступательных действий крупного масштаба.

Следует подчеркнуть, что и местность в районе выступа очень способствовала созданию обороны. Многочисленные реки, ручьи, глубокие овраги с обрывистыми склонами, множество крупных населенных пунктов способствовали созданию оборонительных рубежей на большую глубину. Гитлеровцы использовали эти благоприятные условия для создания прочной обороны с развитой системой инженерных сооружений. На правобережной Украине гитлеровцы сосредоточили крупные и наиболее боеспособные соединения и части — всего 93 дивизии, в том числе 18 танковых и 4 моторизованных из 28 действующих на всем советско-германском фронте.

Уступая нам количественно в пехоте, авиации и артиллерии, противник имел здесь некоторое превосходство в танках и штурмовых орудиях. Наиболее сильная танковая группировка врага — до десяти дивизий — располагалась в районе Умани и Кировограда. Непосредственно же в Корсунь-Шевченковском выступе на участке Тыновка — Баландино оборонялись правофланговые соединения 1-й танковой и левофланговые соединения 8-й полевой армий немецко-фашистских войск.

Наземные войска врага существенно усиливались авиацией. Перед Первым и Вторым Украинскими фронтами действовали основные силы 4-го воздушного флота немцев.

Войска противника, хотя они и понесли значительные потери в предыдущих боях, были вполне боеспособны. Большая часть их длительное время находилась на советско-германском фронте и имела большой боевой опыт.

Ликвидировать Корсунь-Шевченковский выступ, уничтожить расположенную на нем вражескую группировку — вот в чем состояла первоочередная задача войск Первого и Второго Украинских фронтов, развертывающих совместно с другими Украинскими фронтами общее наступление с целью полного освобождения правобережной Украины. Выполнить эту задачу требовалось как можно быстрее. Мы понимали, что противник надеется получить передышку, привести в порядок свои войска, закончить строительство оборонительных рубежей, с которых, как я уже говорил, он намеревался в будущем начать наступление. Для такой надежды у него были основания. И прежде всего распутица, превратившая в конце января все дороги в сплошное месиво, которое не могли одолеть даже повозки, запряженные волами. Вражеское командование не ожидало крупного наступления наших войск в такое время года.

12 января Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о ликвидации Корсунь-Шевченковского выступа. Операцию предстояло совершить двум фронтам: Первому Украинскому — командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин, члены Военного совета генералы К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко, начальник штаба генерал А. Н. Боголюбов,— и Второму Украинскому, которым командовал автор этих строк, а членами Военного совета были генералы И. З. Сусайков и И. С. Грушецкий и начальником штаба — генерал М. В. Захаров.

Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами под основание Корсунь-Шевченковского выступа окружить и уничтожить обороняющуюся в нем группировку. Начало наступления Ставка определила: Первому Украинскому фронту — 26 января, Второму Украинскому — 25 января. Разница в сроках обусловливалась разницей расстояний, которые должны преодолеть ударные группировки фронтов до Звенигородки, где они должны были соединиться. Координировал действия фронтов представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В полосе Второго Украинского фронта наиболее плотные порядки вражеских войск находились западнее и северо-западнее Кировограда, где после окончания Кировоградской операции противник сохранил сильную танковую группировку. Поэтому я решил главный удар нанести там, где противник его не ожидал,— севернее Кировограда,— силами четырнадцати стрелковых дивизий 4-й гвардейской армии и 53-й армии при поддержке главных сил авиации фронта, и, прорвав оборону противника на девятнадцатикилометровом участке Вербовка — Василевка, развивать наступление на Шполу. 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова, имевшую в своем составе 205 танков, мы намеревались ввести в сражение в полосе 53-й армии (командующий генерал И. В. Галанин) с задачей завершить прорыв обороны противника и, стремительно развивая наступление, к исходу второго дня выйти в район Шпола — Василевка — Скотарево-Крымки, чтобы перерезать пути отхода на юг корсуньской группировке противника. 4-я гвардейская армия под командованием генерал-майора А. И. Рыжова (с 3 февраля ею командовал генерал-лейтенант И. К. Смирнов), развивая после прорыва обороны противника наступление в общем направлении на Шполу, должна была создать по мере продвижения на запад внутренний фронт окружения.

Кроме главного удара, предполагалось нанести два вспомогательных: один — для отвлечения внимания врага силами 5-й и 7-й гвардейских армий в районе западнее и юго-западнее Кировограда, второй — силами 52-й армии (командующий генерал К. А. Коротеев) в направлении Малое Староселье — Городище в тесном взаимодействии с главной ударной группировкой, с тем чтобы эта армия приняла активное участие в разгроме врага.

5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус мы оставили в резерве, чтобы использовать его во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией для удара по тылам Корсунь-Шевченковской группировки противника.

Из района юго-восточнее Белой Церкви в направлении Звенигородки должна была наступать ударная группировка Первого Украинского фронта в составе части сил 40-й армии под командованием генерала Ф. Ф. Жмаченко, 27-й армии под командованием генерала С. Г. Трофименко и 6-й (только что созданной) танковой армии под командованием генерала А. Г. Кравченко, которая получила задачу замкнуть кольцо окружения, соединившись с танковой группировкой войск Второго Украинского фронта.

Задачу создания ударной группировки командованию Первого Украинского фронта пришлось решать в сложной обстановке. Войска этого фронта вели ожесточенные бои, отражая удары врага, насту-

СКИЙ КОТЕЛ

Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал-полковник М. В. Захаров. 1944 год.

пающего из района Винницы и Умани. Поэтому в состав ударной группировки для проведения Корсунь-Шевченковской операции вначале было выделено лишь шесть стрелковых дивизий и вновь созданная 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко в составе 5-го танкового и 5-го механизированного корпусов.

Подготовка операции осуществлялась в весьма сжатые сроки и проходила в напряженной обстановке непрекращающихся боевых действий. На нашем фронте все перегруппировки происходили ночью с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и графику. Для того, чтобы обмануть врага и обеспечить внезапность наступления, мы приняли самые строгие меры оперативной маскировки и дезинформации. Были созданы ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались передвижения войск и техники. Все это, вместе взятое, во многом способствовало успеху операции.

Первостепенное внимание Военный совет фронта уделил боевой и политической подготовке войск, отработке вопросов организации, взаимодействия и управления, разведке противника, изучению его обороны и подготовке передовых атакующих батальонов, или, как мы их называли тогда, штурмовых батальонов. Широко пропагандировался и изучался опыт Сталинградской битвы.

25 января войска фронта перешли в наступление. Для того, чтобы наша артиллерийская подготовка не обрушилась на прикрытие врага, а ударила по главной полосе его обороны, иными словами, чтобы гитлеровцы нас не обманули, было решено вначале провести мощный, но короткий артиллерийский налет и сразу же начать наступление передовыми батальонами. В случае успеха все было подготовлено для наступления главных сил ударной группировки. Такой метод прорыва вражеской обороны действительно обеспечил успех. Атака передовых батальонов, начавшаяся на рассвете, обрушилась на врага внезапно. Батальоны прорвали оборону противника на участке в 16 километров и продвинулись на глубину от двух до шести километров.

Вслед за ними были введены в бой главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий. После напряженных боев за опорные пункты и узлы сопротивления и отражения контратак врага наши войска в первый день операции прорвали оборону врага на 6—8 километров и овладели населенными пунктами Телепино, Радвановка, Оситняжка, Писаревка, Райментаровка. В 14.00 того же дня в бой вступила 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск П. А. Ротмистрова, которая к исходу дня продвинулась вперед на 18—20 километров. Танкисты оторвались от стрелковых частей, преодолели вторую полосу обороны и завязали бой за Тишковку и на подступах к Капитоновке. На этих рубежах танковая армия закрепилась, развернула левофланговые соединения на юг с целью расширения прорыва в сторону флангов. С утра 27 января танковые корпуса армий продолжали наступление на Шполу.

Противник, определив истинное направление нашего главного удара и почувствовав серьезную угрозу для всей своей группировки, поспешно начал собирать силы для срыва нашего наступления. Гитлеровское командование перебросило сюда танковые дивизии с Кировоградского направления. На флангах нашего прорыва гитлеровцы создали сильные ударные группировки: на левом — в составе трех танковых и одной пехотной дивизий, на правом — одной пехотной дивизии и танковой дивизии СС «Викинг». Однако маневр противника не был для нас неожиданным. Мы уже по опыту предыдущих операций знали, что немецко-фашистское командование обязательно попытается отсечь наши войска у основания прорыва, и заранее приняли меры, чтобы отразить врага.

На всем участке прорыва развернулись ожесточенные бои. Советские войска мужественно и стойко отражали следующие одна за другой вражеские контратаки и сами продолжали наступать. Все бойцы частей, принимавших участие в прорыве, проявили беспримерный героизм. Особенно отличились артиллеристы и танкисты. Они были подлинными героями этого крупнейшего сражения.

Когда я прибыл на командный пункт генерала П. А. Ротмистрова, расположенный на высоте около населенного пункта Оситняжка, обстановка здесь, откровенно говоря, была не из приятных. Кругом все рвалось и грохотало. Противник мелкими группами танков и пехоты то тут, то там выходил на тылы 20-го и 29-го танковых корпусов, пытаясь вызвать расстройство в их боевых порядках. Отовсюду по радио, по телефону, через связных поступали донесения об этих внезапных атаках, порой самые противоречивые. Населенные пункты в полосе прорыва то и дело переходили из рук в руки. Но Павел Алексеевич Ротмистров сохранял выдержку и хладнокровие и твердо руководил действиями армии в эти тревожные часы боя. В нужный момент было принято решение ввести в бой второй эшелон — еще один танковый корпус и стрелковые дивизии 4-й гвардейской армии. Это помогло быстро расчистить полосу прорыва, обеспечить фланги и продолжать наступление к Звенигородке.

Неоценимую помощь наземным войскам оказала авиация, в частности 1-й штурмовой авиационный корпус под командованием генерал-лейтенанта авиации В. Г. Рязанова и 7-й истребительный авиационный корпус под командованием генерала А. В. Утина.

В ночь на 28 января в сражение вступил 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова. Тут я позволю себе несколько забежать вперед и подробнее рассказать о боевых действиях казаков. Мы понимали, что век конницы отошел в прошлое и война, которую мы ведем, есть война моторов. Но, реально подходя к использованию всех сил и средств, считали, что корпус донских казаков в этой маневренной операции сослужит хорошую службу. Тем более, что казаки — не то, что в гражданскую войну — были основательно оснащены техникой: танковыми войсками и артиллерией. Так оно и получилось в действительности. Правда, ввод кавкорпуса в прорыв оказался делом очень сложным, хоть его действия и были обеспечены поддержкой авиации, артиллерией и проходили в тесном взаимодействии с танковой армией. Противнику удалось фланговыми контратаками занять рубеж Пастырская — Капитоновка — Тишковка и преградить таким образом путь кавалеристам. Корпусу пришлось спешиться, чтобы сбить заслоны противника. Совместным ударом второго эшелона 5-й гвардейской танковой армии, стрелковых дивизий 4-й гвардейской армии все фланговые атаки противника были отражены. Наши части вновь заняли Капитоновку и Тишковку. И лишь после этого 29 января корпус вошел в прорыв. Зато, когда корпус вышел в тылы противника, он прекрасно справился со своей задачей — главным образом на внутреннем фронте окружения и особенно в заключительных боях, когда немецко-фашистские войска попытались выйти из котла. Смелые действия кавалеристов нагнали немало страху на врага. Донские казаки в этой операции, сложной и трудной, не посрамили свою былую славу «донцов-молодцов». Их высокий боевой дух, а также боевые качества командира корпуса генерала А. Г. Селиванова, командиров дивизий и всего офицерского состава обеспечили успех корпуса в этой сложнейшей операции. Кавалеристы вписали в историю Великой Отечественной войны еще одну яркую страницу. За это им большое-большое спасибо. Особенно генералу Селиванову.

Вернемся, однако, к действиям нашей ударной группировки. Операция на окружение и уничтожение сильной, оснащенной техникой, маневренной вражеской группировки, как показывает опыт войны,— один из самых сложных видов боевых операций, требующий высокого искусства и воинского мастерства от командиров всех степеней. В условиях такой операции обстановка все время резко меняется. Возникает много сложных проблем. Нужно усиливать войска, развивающие прорыв и рассекающие фронт обороны врага, и одновременно отражать фланговые атаки у основания прорыва и, наконец, подтягивать силы для создания внешнего и внутреннего фронта окружения.

Отсюда возникает необходимость маневрировать войсками, брать их с тех участков, где нажим врага слабее, и, разумеется, с тех, которые не подвергаются его атакам. Именно так мы и поступали, маневрировали — да еще как! — совершая в ходе наступления сложные перегруппировки войск. Как я уже говорил, всякий маневр крайне осложнился очень плохим состоянием дорог. Однако все перегруппировки войск были совершены скрытно и своевременно. Благодаря этому удалось не только отразить ожесточенные атаки крупных сил противника на флангах прорыва, но и успешно завершить окружение Корсунь-Шевченковской группировки врага, а также отразить массированные атаки на внешнем фронте окружения.

28 января 20-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала И. Г. Лазарева достиг Звенигородки. Первыми в нее ворвались части 155-й танковой бригады подполковника И. И. Прошина. Навстречу им с запада на окраины Звенигородки с боем вышли передовые части ударной группировки Первого Украинского фронта под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Савельева.

Таким образом, танковое кольцо наших войск замкнулось. Однако это кольцо было не сплошным. Да и не могло быть. Образование

внешнего фронта окружения происходило в условиях непрерывных контратак и контрударов врага. И подвижные войска, сомкнувшиеся у Звенигородки, естественно, не могли заткнуть все возникающие бреши. Поэтому командование фронта принимало все меры, чтобы стрелковые части нашей ударной группировки, иначе говоря, царица полей — пехота, как можно скорее заняли рубеж Звенигородка—Искренное — Водяное — севернее Златополья, чтобы образовать внешний фронт окружения, и рубеж река Ольшанка — Бурты — Ольшаны, по которому проходил внутренний фронт. Сделать это удалось с большим трудом и не сразу: мешали бездорожье и плохая погода. К тому же враг не сидел сложа руки, непрерывно маневрировал и атаковал, пытаясь сорвать продвижение наших войск. Несмотря на все это, войскам нашего фронта удалось закрепиться на указанных рубежах. В свою очередь, войска Первого Украинского фронта образовали внешний фронт окружения на рубеже Тыновка — Рыжановка — южнее Звенигородки — Биевцы — Яхны, устье реки Рось — Крещатик. Кольцо окружения наглухо захлопнулось. В окружении оказались десять кадровых немецких дивизий, в том числе дивизия СС «Викинг» и мотобригада СС «Валония». Всего около 80 тысяч солдат и офицеров, до 1800 орудий и минометов, более 250 танков и много другой военной техники. Командовал окруженной группировкой гитлеровский генерал от артиллерии Штеммерман.

Однако гитлеровцы были уверены, что они вырвутся из котла. Их атаки нарастали. Особенно жаркие бои разгорелись на внешнем фронте окружения с 1 по 3 февраля. Сосредоточив на фронте Юрковка — Лысянка четыре танковых и две пехотных дивизии, гитлеровцы перешли в наступление против 5-й гвардейской танковой армии и частей 53-й армии.

Одновременно навстречу этой наступающей группировке, в направлении Крымки, нанес удар и Штеммерман. После упорного сражения гитлеровцам удалось потеснить наши части на внешнем фронте окружения и овладеть населенным пунктом Крымка. Однако дальше, несмотря на ожесточеннейшие попытки, гитлеровцам продвинуться не удалось. Удар же изнутри кольца вообще успеха не имел. Части 52-й и 4-й гвардейской армий отразили атаки противника и к исходу 5 февраля овладели важным опорным пунктом противника Вязовок. В это же время конники генерала Селиванова, совершив обходный маневр, захватили Вербовку и Ольшаны. В результате наше положение на внутреннем фронте кольца значительно улучшилось. Таким образом, прорвать внешний (не говоря уже о внутреннем) фронт окружения гитлеровцам не удалось. Напоровшись на сильную артиллерийскую и танковую оборону, фашистское командование начало перемещать свои удары с востока на запад, в полосу Первого Украинского фронта, в район Лысянки. Это были самые тревожные для нас дни. Командующий группой армий «Юг» гитлеровский генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, который был уже однажды крепко бит советскими войсками при попытке деблокировать 6-ю армию фельдмаршала Паулюса в Сталинграде, видимо, извлек уроки из этой неудачи и на сей раз решил блеснуть своим полководческим талантом.

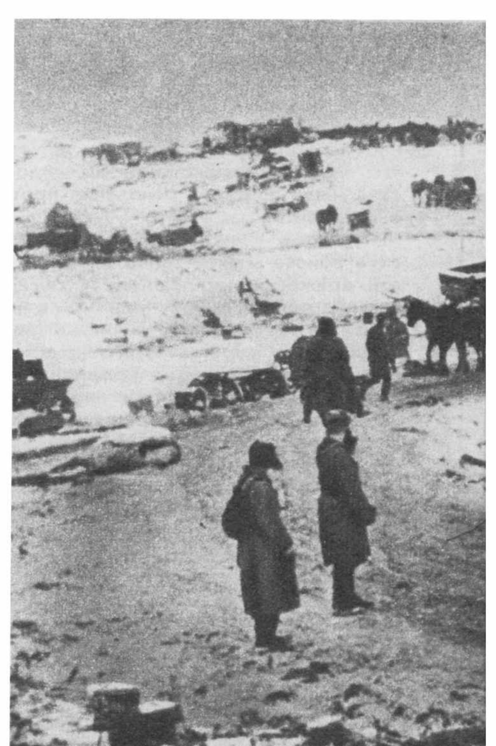
Тогда, под Сталинградом, он создал деблокирующую группу под командованием генерала Гота, в которую входили две танковые, одна моторизованная и семь пехотных, кавалерийских и авиаполевых дивизий. Здесь же, под Корсунь-Шевченковским, деблокирующая группировка насчитывала восемь танковых и восемь пехотных дивизий. Возглавлял деблокирующую группировку командующий первой гитлеровской танковой армией генерал Хубе. Манштейн был уверен, что такими силами Хубе прорвет фронт и освободит окруженных. Да и сам «фюрер» в этом не сомневался. В телеграмме Штеммерману Гитлер писал: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона».

Положение было критическим. Враг неистовствовал, пытаясь вывести окруженных. Генерал Хубе нанес сильнейший удар на Лысянку, чтобы кратчайшим путем соединиться с окруженной группировкой. Однако и мы не дремали. Командующему 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрову для обеспечения стыка между фронтами было приказано немедленно перегруппировать на правый фланг фронта, в район Лысянки, в образовавшийся коридор, вначале 29-й танковый корпус, а затем и главные силы 5-й танковой армии. Конечно, в этой перегруппировке была доля риска. Враг прилагает все силы, чтобы прорвать внешний фронт окружения, а я снимаю с него танковые войска. Но риск этот был обоснован. Во-первых, на внешнем фронте оставались стрелковые части, усиленные большим количеством артиллерии — порядка 300 орудий на километр,— инженерными сооружениями и минными полями. Во-вторых, средний темп наступления противника, если бы оно даже и было успешным, в условиях распутицы составлял бы самое большее 4—5 километров в сутки. Поэтому, даже допуская, что мы не сможем сдержать врага, ему, чтобы соединиться с окруженной группировкой и пройти пятьдесят километров от населенного пункта Вязовок, расположенного внутри котла, до Юрковки на внешнем фронте окружения, потребуется не менее десяти суток напряженных боев. За это время мы, безусловно, успеем разгромить и пленить всю окруженную группировку. Одновременно с маневром танковой армией я отдал еще ряд срочных приказаний о перегруппировке стрелковых дивизий и артиллерии, чтобы не допустить прорыва гитлеровцев в стыке наших фронтов. В частности, 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу я приказал по тревоге занять оборону в районе Кличкова, на высоте 234,5, чтобы предотвратить прорыв противника в западном и юго-западном направлениях.

Желая избежать излишнего кровопролития, за подписями заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, командующих Первым и Вторым Украинскими фронтами 8 февраля окруженным гитлеровцам был направлен ультиматум, в котором советское командование предлагало сложить оружие, гарантируя сохранение военной формы, а офицерам — и холодного оружия, оказание немедленной медицинской помощи раненым и больным, обеспечение питанием.

КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКАЯ ГРУППИРОВКА ГИТЛЕРОВЦЕВ РАЗГРОМЛЕНА. НА ДОРОГАХ РАЗБИТЫЕ ФАШИСТСКИЕ ТАНКИ, ОРУДИЯ, ПОВОЗКИ...

Фото И. ОЗЕРСКОГО.

Гитлеровские генералы отвергли этот ультиматум.

На помощь своим окруженным войскам немецкое командование бросило крупные силы авиации, пытавшейся снабжать гитлеровцев с воздуха. Однако попытки установить воздушный мост были сорваны нашими истребителями и зенитчиками. За несколько дней было сбито более двухсот транспортных самолетов врага. Внутреннее кольцо окружения в результате наступления нашего фронта все туже и туже затягивалось. В ночь на 8 февраля Штеммерман был вынужден отвести 11-й армейский корпус из района Городища в район Корсунь-Шевченковского, так как иначе этот корпус был бы отсечен войсками генералов Коротеева, Смирнова и Селиванова. Отход вражеского корпуса проходил в тяжелых условиях. Район Городища с трех сторон простреливался нашей артиллерией. Авиация наносила непрерывные удары по отступающему противнику. Все дороги на его пути были забиты повозками, автомашинами, орудиями. У теснин и мостов образовались пробки. Управление было потеряно. Противник при этом маневре понес крупные потери.

Между тем Хубе продолжал свои попытки прорвать оборонительные рубежи наших войск в районе Лысянки. «Держитесь, я вас выручу»,— то и дело радировал он Штеммерману. Восьмое, девятое, десятое февраля прошли в отражении непрерывных атак врага, которому ценой больших потерь кое-где удалось потеснить нашу оборону.

11 февраля немецкие танковые дивизии, наступавшие узким клином из района Ризино, потеснили наши части и к исходу дня вышли в район Лысянки. Между танковым клином Хубе и ударной группировкой, спешно созданной Штеммерманом из двух отборных дивизий, усиленных танковыми батальонами дивизии СС «Викинг» и моторизованной бригадой «Валония», осталось 10—12 километров. Создалась реальная угроза прорыва вражеской группировки.

В директиве Ставки Верховного Главнокомандования, полученной 12 февраля в 16 часов 45 минут, о причинах, вызвавших это напряженное положение, говорится следующее: «Во-первых, несмотря на мои личные указания, не было общего плана уничтожения Корсуньской группировки немцев совместными усилиями Первого и Второго Украинских фронтов. Во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена».

12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Как я помню, состоялся такой разговор.

Прежде всего И. В. Сталин с укоризной сказал:

— У нас в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт двадцать седьмой армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на Первом Украинском фронте, у соседа?

Я доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с Первым Украинским фронтом я ввел в коридор прорыва войска пятой гвардейской танковой армии, пятый кавалерийский корпус и стрелковые дивизии четвертой гвардейской армии с тем, чтобы загнать противника обратно в котел.

И. В. Сталин:

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я подтвердил:

— Да, по своей.

И. В. Сталин:

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

И положил трубку. Действительно, через 10—15 минут вновь раздался звонок. И. В. Сталин сказал:

— Нельзя ли все войска, действующие против окруженной группировки, в том числе и Первого Украинского фронта — двадцать седьмую армию, подчинить вам и поручить вам разгромить окруженную группировку?

Я доложил:

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение двадцать седьмой армии нашему фронту. Эта армия действует на другой стороне кольца окружения, то есть с противоположной стороны по отношению к войскам нашего фронта, с другого оперативного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом Первого Украинского фронта идут через Белую Церковь — Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно. Ведь сложно тянуть связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь, пока в коридоре идут бои, а напрямую связаться с двадцать седьмой армией невозможно. Кроме того, эта армия очень слабая, растянутая на широком фронте. Она не справилась с задачей удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лысянки.

Сталин выслушал меня и сказал:

— Мы обяжем штаб Первого Украинского фронта передавать все ваши приказы и распоряжения двадцать седьмой армии и оставим ее на снабжении Первого Украинского фронта.

Я на это ответил, что в такой динамичной обстановке подобная форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь накоротке. Все распоряжения будут идти с запозданием. Прошу армию не передавать в состав нашего фронта.

И. В. Сталин ответил:

— Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом. Тогда и решим.

Лично я так настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии по мотивам, изложенным в докладе И. В. Сталину. Еще должен добавить, что хотя я уже принял меры, чтобы окруженная группировка не соединилась с дивизиями Хубе, однако понимал, что взаимодействие между фронтами нарушено и переподчинение войск осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь дело в том, что

передача 27-й армии нашему фронту не увеличивала пока ее силы. Однако в 16.00 12 февраля я получил по телефону директиву И. В. Сталина о возложении на меня ответственности за разгром окруженной вражеской группировки. Потом эта директива была подтверждена письменно.

Получив директиву Ставки, я сейчас же решил вылететь на КП командующего 4-й гвардейской армией генерала И. К. Смирнова, чтобы быть ближе к войскам и на месте принимать необходимые решения, а также чтобы непосредственно связаться с 27-й армией. И хотя мой ПО-2 стоял наготове рядом с хатой, в которой располагалась моя штаб-квартира, вылететь было трудно: погода хуже некуда. Тем не менее я позвонил командарму-4 и сообщил, что вылетаю к нему в населенный пункт Толстое: этого настоятельно требовала обстановка. Генерал Смирнов возбужденно возразил, что принять самолет не может: нет площадки для посадки. Вокруг деревни Толстое, в которой расположился его командный пункт, пашня. Поля размокли настолько, что даже танки двигаются с трудом.

— Настелите соломы,— приказал я.— Сядем. Это ж кукурузник!

Через несколько минут я вылетел. Вскоре подлетели к Толстому, вижу: солома настлана. Самолет сел на солому, в конце площадки завяз колесами в грязи и скапотировал. К счастью, все обошлось вполне благополучно. Откуда-то притащили лестницу, и я спустился на землю.

Илья Корнилович Смирнов встретил меня на машине, на которой мы и добрались до штаба. Обстановка складывалась трудная. Чтобы выполнить задачу, поставленную Ставкой, надо было действовать смело, быстро и решительно. Все говорило о том, что немцы не собираются прекращать атак. Генерал Хубе каждые полчаса открытым текстом передавал Штеммерману, чтоб он держался, что он, Хубе, выручит его.

Более всего меня беспокоило положение 27-й армии. Поэтому первым делом я вызвал начальника связи и приказал немедленно проложить связь напрямую, по коридору прорыва, к НП командующего 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, который находился в деревне Джурженцы. К рассвету 13 февраля мне доложили, что прямая связь по коридору с командующим 27-й армией генералом Трофименко установлена. Связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта через еще не полностью очищенный от противника коридор между внешним и внутренним фронтом окружения, где шли бои, сумели протянуть провод.

Я тотчас же вызвал командарма-27 к телефону. Мы были знакомы и раньше: встречались с ним, когда он воевал в составе Степного фронта во время Курской битвы. Генерал Трофименко был человеком решительным и смелым и умело руководил войсками. Но я знал и его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. И, конечно, понимал, что всякое переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира: как к нему отнесутся в новом фронте? Поэтому я спокойно выслушал доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и боевом составе армии и вооружении. Слушая доклад, я чувствовал в его голосе тревогу и, посоветовав крепко и уверенно держаться, сказал:

— Вашу армию переподчинили мне. Я знал ее раньше как боевую. Для того и переподчинили, чтобы ей оказать действенную поддержку войсками нашего фронта. Вы уже знаете, что наш фронт кое-что сделал еще до приказа Ставки, чтобы вам помочь отбить атаки противника из Стеблева на Шендеровку. Товарищ Трофименко, я знаю вас давно и уверен, что вы задачу выполните. Я нахожусь близко к вам и готов всегда прийти на помощь. В районе Новая Буда и Комаровка находятся части двадцать девятого танкового корпуса и пятый кавкорпус. Полагаю, что к вам в Джурженцы скоро выйдет восемнадцатый танковый корпус армии Ротмистрова и два стрелковых корпуса армии Смирнова. Держите со мной регулярную прямую связь.

Забегая вперед, скажу, что в ходе операции я был весьма доволен действиями 27-й армии. А взаимное доверие между командованием способствовало успешному выполнению задачи.

К утру 13 февраля наше положение и на внешнем и на внутреннем фронте улучшилось и стало довольно устойчивым. Мы продолжали сжимать и дробить окруженную группировку противника и успешно отбивать его атаки на внешнем фронте.

Как складывались события дальше? Предпринимаемые генералом Хубе многочисленные атаки в течение 14 и 15 февраля с целью дальнейшего продвижения на юго-запад были успешно отражены нашими войсками. К 15 февраля сила деблокирующих немецких войск истощилась, и генерал Штеммерман получил приказ пробиваться самостоятельно в южном направлении. Это означало, что Манштейн потерял надежду деблокировать окруженные войска.

Продолжая напряженные наступательные бои, войска Второго Украинского фронта к исходу 16 февраля сжали кольцо окружения до предела. Данные разведки свидетельствовали о том, что гитлеровцы сделают попытку вырваться из окружения. Загнанные в ограниченный район, прилегающий к населенному пункту Шендеровка, они могли выбирать одно из двух: или сдаваться, или пробиваться напролом. Потеряв всякую надежду на помощь извне, командование окруженной группировки решило предпринять в ночь на 17 февраля последнюю отчаянную попытку вырваться из котла. По данным разведки и показаниям пленных, в ночь на 16 февраля и в течение дня в районе Шендеровки производилась перегруппировка и сосредоточивание сил с тем, чтобы в ночь на 17 февраля прорваться из окружения в направлении Лысянки.

Собрав крупные силы на узком участке фронта, Штеммерман рассчитывал с помощью своих уцелевших дивизий внезапной ночной атакой прорвать фронт наших войск и вывести из окружения хотя бы старший офицерский состав и штабы.

Если снегопад и пурга в эту ночь в какой-то мере подбадривали гитлеровцев и они рассчитывали, используя плохую видимость, прорваться, выскользнуть незаметно из кольца, то удары нашей артиллерии и авиации смешали их планы. Я не оговорился, именно авиация. Я понимал, что поднять самолеты в столь сложных метеорологических условиях — дело очень рискованное. Командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов подтвердил по телефону, что летать в такую пургу невозможно. Однако требовалось во что бы то ни стало зажигательными бомбами осветить сосредоточенные в районе Шендеровки войска противника. Поэтому я предложил Горюнову вызвать добровольцев... В ответ на этот призыв восемнадцать экипажей 392-го полка ночных бомбардировщиков доложили о готовности немедленно подняться в воздух. Первым пробомбил врага самолет капитана В. А. Заевского и штурмана младшего лейтенанта В. П. Локотоша. Они сбросили бомбы точно в цель. Загорелись вражеские машины и повозки. Метко отбомбились и другие экипажи. Над местом сосредоточения гитлеровцев заполыхало зарево пожара, который послужил прекрасным ориентиром для наших артиллеристов.

В три часа ночи гитлеровцы густыми колоннами двинулись из района Шендеровки — Хилки навстречу своей гибели. Враг предпринимал последнюю отчаянную попытку.

Натиск врага приняли на себя части 27-й и 4-й гвардейской армий. Я тотчас отдал приказ 18-му и 29-му танковым корпусам и 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, наступая навстречу друг другу, пленить или уничтожить противника. Решающее сражение началось. Неистовый штурм врага напоролся на непреодолимую крепость и силу советских войск.

Вот как рассказывал о последних часах окруженной группировки пленный обер-лейтенант Фридрих Вильгельм:

«Наше наступление из района Шендеровки началось в 23 часа 16 февраля, и, по-моему, из окружения никто не вышел. Я из Шендеровки выехал на подводе утром 17 февраля. Все дороги были забиты транспортом, кругом был неимоверный беспорядок. Все смешалось в один общий поток. Все бежали, и никто не знал, куда он бежит и зачем. На дорогах и вне дорог валялись разбитые машины, орудия, повозки и сотни трупов солдат и офицеров».

Да и в самом деле, как можно было пробить четыре полосы обороны — две на внутреннем фронте окружения и две на внешнем, да еще в центре коридора невредимыми пройти мимо организованных нами противотанковых районов истребительной артиллерии? Били гитлеровцев, пытавшихся вырваться из котла, не только войска обороны, но и маневренные ударные группы, танковые корпуса армии Ротмистрова и кавалерийский корпус Селиванова. Они находились у устья коридора, то есть на флангах предполагаемого прорыва. Им, как уже говорилось, был отдан приказ наступать навстречу друг другу между двумя и тремя часами утра, то есть именно в то время, когда гитлеровцы подошли к передовым позициям нашей обороны.

Танки шли в наступление с зажженными фарами, и поэтому видимость была хорошая. Они, словно молот, били по противнику то с одного, то с другого бока, прижимая его к центру коридора. Трудно описать сцены, разыгравшиеся на этом заключительном этапе сражения. В мятущемся снегу пурги, пронизанном яркими лучами фар и светом ракет, там и тут завязывались схватки. Бились врукопашную — штыками, огнем, автоматами, карабинами. Казаки с шашками наголо носились по полю боя, загоняя бегущих гитлеровцев в плен. Крики людей, рев моторов, выстрелы и разрывы слились в один сплошной гул.

Когда наступил рассвет, немцы, видя всю безнадежность обстановки, начали сдаваться большими группами...

Вместе с воинами регулярных войск мужественно сражались в тылу врага наши партизаны. Так, в центре кольца окружения отважно дрался с гитлеровцами партизанский отряд имени Тараса Шевченко под командованием Н. А. Дудченко.

Весь народ освобожденных районов поднялся на помощь Советской Армии. Дети, мужчины и женщины несли на руках снаряды, помогали нашим солдатам всем, чем только могли. В тяжелых погодных условиях эта помощь сыграла, бесспорно, большую роль в выполнении задачи, стоящей перед войсками Второго Украинского фронта в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки.

К утру 17 февраля со всей группировкой врага было покончено. За бессмысленное и преступное упрямство гитлеровского командования, отклонившего наш ультиматум о капитуляции, ценой своих жизней заплатили десятки тысяч немецких солдат. Погиб и командующий вражеской группировкой генерал-полковник Штеммерман. Его тело, обнаруженное у села Джурженцы, по моему приказу было предано земле немецкими военнопленными.

Так закончилась Корсунь-Шевченковская операция.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина отмечалось, что в ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. В плен сдались 11 тысяч солдат и офицеров противника [1].

За отличные боевые действия всем войскам Второго Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунью, была объявлена благодарность.

18 февраля 1944 года столица Родины салютовала войскам, завершившим уничтожение окруженной группировки врага, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

В результате успешного завершения сражения враг был окончательно отброшен от Днепра. Всякие надежды на восстановление вражеской обороны в его среднем течении были похоронены. Наши войска продолжали наступление, освобождая правобережную Украину и весь юг страны.

---

[1] К этому следует добавить потери противника при попытке прорвать фронт окружения извне: 20 тысяч солдат и офицеров убитыми и большое количество техники, в частности 329 самолетов, более 600 танков, свыше 500 орудий.

Полуостров Таймыр. Здесь прокладывается самый северный в стране газопровод Мессояха — Норильск.

Полярная ночь, мороз, пурга. Но строители не прекращают работу.

Михаил Арефьев, слесарь в отряде подводно-технических работ.

В поселке Факел живут строители. Для них построены жилые дома, столовые, магазины, прачечные. Есть и клуб.

Все дальше в тундру уходят санные поезда.

Факелы Мессояхи

* Триста северных километров
* Поселок в арктической пустыне
* Когда крошится металл
* И назвали его Факел...

Тундра, вечная мерзлота, более восьмидесяти озер, рек и речушек, скальные грунты — все это на пути строителей газопровода, который прорежет земли Крайнего Севера нашей страны.

Репортаж из этих мест ведут специальные корреспонденты «Огонька» В. КОНСТАНТИНОВ и Г. КОПОСОВ.

Штаб стройки находится в Норильске, на финише будущего газопровода, который от Мессояхи протянется с запада на восток немногим менее чем на 300 километров. Начальник строительного управления, уполномоченный Министерства газовой промышленности СССР Федор Тимофеевич Бондарь, седой широкоплечий человек, рассказывает:

— Конечно, в шестидесяти семи тысячах километров всей нашей газовой системы триста вроде бы немного. Но газопровод Мессояха — Норильск с отводом на Дудинку и Талнах — редкое, сложное инженерное сооружение. Обычно газопроводы укладывают в землю. Но ведь тут тундра. Мешает вечная мерзлота. Поэтому трубы, покрытые особым антикоррозийным составом, изготовленные из специальных сталей, решено укладывать на опорах. На пути газопровода более восьмидесяти озер, рек и речушек. Проектировщики так стремились повести трассу, чтобы как можно реже встречаться с водными преградами. Кое-где это удавалось. Но такие реки, как Малая и Большая Хета, как Норилка или тем паче Енисей, никак, разумеется, не обойти. Особенно серьезна встреча с Енисеем. Он и глубок и могуч. А его дно и берега, а скальные грунты! Нелегкий орешек... Между тем сроки у нас сжатые. Первую очередь предстоит завершить в нынешнем году. Поставить все сооружения, связанные с приемом и передачей газа,— тоже в этом году. Надеемся протянуть нитку еще до наступления паводков. Львиную долю грузов мы уже перебросили. Создали базы, построили в тундре поселки из вагончиков. Вся трасса разбита на участки. Трубы свариваются и укладываются в нескольких местах. Самые трудные, наиболее оторванные от баз участки на левом берегу Енисея — туда и поезжайте. Да не забудьте одеться потеплее — пятьдесят градусов с ветерком,— посоветовал Бондарь и добавил: — Мороз — наш союзник: накрепко сковал тундру, реки, озера...

Четыре часа езды по самой северной в мире «железке» — и мы в Дудинке. Тут главная база строителей газопровода. Отсюда уходят в тундру вертолеты, санные и автомобильные поезда. Везут людей, грузы. Звоню в контору восьмого экспедиционного отряда управления подводно-технических работ. И уже через несколько минут ныряю в «газик», остановившийся около гостиницы. Крутит баранку «хозяин» отряда Анатолий Иванович Сезин. Настроен он оптимистично. Енисей? Одолеем! Пурга? Пыльные бури в Казахстане — вот это да! А он, Сезин, здесь, на Севере, чувствует себя бодрей. «Сроки и ветры подгоняют!» Освещенная фарами, летит под колеса зимняя дорога по Енисею. Сезин показывает на берег. Зияют мирными жерлами огромные штабеля труб, громоздятся горы строительных материалов, видны ровные ряды вагончиков. Узкую горловину Енисея, шириной не больше трех километров, и выбрали для перехода. Левый берег тут пологий, пойменный, правый — крутой, каменистый. Подъехали к майне, из которой только что выбрался водолаз. Пар от него идет такой, словно побывал в бане. Костюм быстро покрывается корочкой льда. Товарищи помогают снять скафандр.

— Ну как, Садко? Глубок Енисей? — спрашивает Сезин.

— Метров этак пятьдесят будет,—отвечает Валентин Маркин.— Налима во-о-о какого видел! — добавляет он и по-рыбацки широко разводит руки.

Старшина водолазной команды Николай Кузьмин сообщает Сезину, что траншея готова для прокладки дюкера. Ложе для него рылось с помощью земснаряда и специальной скреперной установки. Приходилось прибегать и к помощи подводных взрывов.

Поселок подводников стоит едва ли не в арктической пустыне. Отлично оборудованная дизельная электростанция. Трубы свариваются не на открытом воздухе, а в специально выстроенной галерее. На прицепах большие цистерны, и в каждой из них смонтирована печка с трубой — горячую воду можно подвести в любую точку участка. Два ряда вагончиков выстроились под тесовой крышей, хорошо отапливаются. Люди ходят в заиндевелых полушерстяных шлемах с прорезью для рта и глаз. После работы подводники собираются в красный уголок, смотрят телевизор.

— Как будем укладывать дюкер? — переспрашивает Сезин.— Тракторами вытянем его на лед, взрывами пробьем полоску льда — от берега до берега и опустим трубу на дно реки, в траншею.

Семь месяцев назад, когда лед еще не ушел с Большой Хеты, на Кислом мысу, в нескольких десятках километров западнее Дудинки, высадился десант строителей. К Кислому мысу по Большой Хете подходят довольно крупные суда. Здесь-то и решено было устроить перевалочную базу. До Мессояхи отсюда всего 90 километров. И вот сейчас мы летим на Кислый мыс на вертолете. Приземлились на окраине поселка. В тундре соорудить вертолетную площадку нелегко. Однако студенческие отряды МГУ и Московского физико-технического института отлично справились с этим делом.

Силуэт поселка, названного Факелом, впечатляет. Слева — огромные серебристые баки с горючим. Это нефтебаза. Справа дымятся трубы паросиловой станции. Она отапливает шесть больших щитовых домов с общежитиями и квартирами. Население поселка — 800 человек. На стеллажной площадке идет сварка труб в плети. Берег Хеты завален грузами. По улицам в вихрях снега снуют автомашины — трубоукладчики, бензовозы. В конторе управления людно. Пришли за нарядами, за указаниями, согласовывают перечень работ на завтра. У Ивана Григорьевича Розанова, начальника третьего строительного управления, заканчивается летучка. Люди говорят коротко, дельно. Тут очень ценят время. Главная задача — проложить зимник в Мессояху, начать переброску туда грузов и стройматериалов для поселка промысловиков, компрессорной и прокладки труб из Мессояхи к Большой Хете.

Вместе с заместителем начальника Эдуардом Миллером едем на строительный участок. Нитка газопровода змеится по заснеженной тундре, идет между редкими лиственницами и распадками. Труба покоится на деревянных опорах. Горячий пар под давлением идет в стальную трубу — иглу, она отогревает мерзлоту и медленно погружается в грунт. Затем подъезжает машина с копром и забивает отточенную, как карандаш, сваю. Одну, вторую, третью.

Обеденный перерыв. Вагончик-столовая участка заполняется сварщиками, трубоукладчиками, сваебойщиками. Широкоплечие, раскрасневшиеся от мороза, с заиндевелыми бородами. Кто кончил смену, спешит к вагончику на реке. Там горячий душ. Смельчаки выбегают на улицу, до красноты растирают снегом разгоряченные тела. Минус 42 градуса!

...Слово «зимник» у всех на устах. А чаще всего слышится оно в диспетчерской автобазы поселка. «Командует парадом» бывший фронтовик, заместитель начальника управления Евгений Захарович Уханов. Дорогу решено расчищать бульдозерами и торить машинами. Пришел начальник дорожного участка Николай Белевцев. Доложил, что по трассе зимника прошли бульдозеры, можно послать несколько машин — для пробы. Пять грузовиков отправились в Мессояху. Я сел в кабину нагруженного трубами «Урала». Мощные фары высветили дорогу. Тундра — в кочках и ухабах. Упрутся колеса в замерзшую кочку — не проехать. Колеса не подминают снег, а толкают вперед, превращая в непробиваемый вал. Машины буксуют. Шофер не перестает работать рычагами. Откат, рывок вперед, снова назад, опять вперед — беспрерывный штурм снежных валов... Решили повернуть обратно.

На следующий день в Мессояху улетел «МИ-6» с подвеской труб. Взяли троих, меня в том числе. Вертолет поднялся и взял курс на Мессояху. Связка труб слегка покачивалась. Внизу проплывала тундра, была видна длинная нитка трубопровода. Вдруг что-то треснуло, вертолет подбросило вверх.

— Трос лопнул,— сказал главный инженер А. Козелков.— Низкая температура, металл крошится...

Купаясь в облаке снежной пыли, мы вышли из вертолета, когда он опустился у Мессояхи.

Под тесовой крышей стоят два ряда вагончиков. Снаружи наполовину присыпаны снегом. Выходишь из вагончика — и под ногами тесовый настил. Улица. Тут свой микроклимат. Можно перейти из вагончика в вагончик, не надевая пальто.

Мессояха только обживается. Здесь будут капитальные дома, в которых поселятся эксплуатационники; возведут школу, больницу, магазины, прачечную, столовые. Скоро из Факела многие переселятся сюда, строить Мессояху. Вот почему так споро ставятся жилые дома, перебрасываются по воздуху вагончики. Люди работают самоотверженно, не отступая перед морозами и шквальными ветрами.

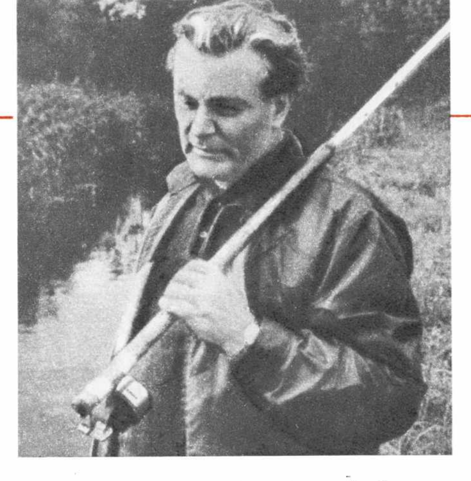
В радиусе семи—пятнадцати километров от поселка — буровые. Они, словно факелы в темноте полярной ночи, видны издалека. Буровая 120. Скважина пробурена на глубине 2 650 метров. Слой вечной мерзлоты — 180 метров. Газ, не выходя на поверхность, замерзает. Чтобы этого не случилось, в скважину закачивают хлористый кальций. На глубине 500—700 метров делают пробку — заливают бетоном. Арматура закрывает газ. Пока закрывает. Позднее отсюда пойдет газ Мессояхи.

Легко представить, как к лучшему изменятся условия жизни и труда в северных городах, когда по трубам пойдет газ на заводы и теплоэлектроцентрали, когда он будет доставляться в поселки и стойбища тундры. Шахтеры, почти восемь тысяч человек, смогут перейти с угольных шахт на добычу руд в районе Талнаха и в других местах Таймыра — богатейшего края советской земли.

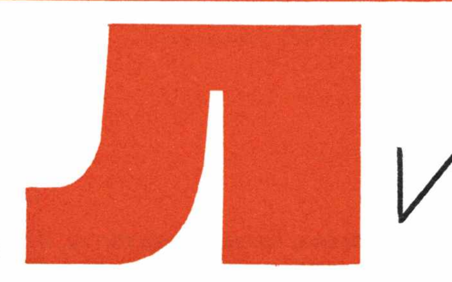
Подсчитано, что перевод энергетики Норильского горно-металлургического комбината с угля на природный газ даст ежегодную экономию в 25—30 миллионов рублей! Изменится культура труда. Нет, не зря таймырские геофизики и буровики пытали, прощупывали на протяжении многих лет приенисейскую тундру, пройдя тысячи километров по нехоженым тропам. Северяне снимают перед ними шапки в низком поклоне, как снимут они и перед теми, кто сейчас сквозь бураны и шквалы снежных бурь, жестокие морозы и хляби тундры прокладывает трассу голубого огня.

...На следующий день в Мессояху пришла целая колонна автомашин с грузами и строительными материалами. Двенадцать часов пробивались водители через снежные валы тундры. И победили! Не было митингов, никто не бросал шапки в воздух. Наскоро перекусив и освободившись от грузов, шоферы снова садились за баранки. Спешили обратно, за очередной партией грузов! Зимник был проторен...

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ТОМЛЕНИЕ

1

Не шорох ли это таинственной тишины, что шелковым пологом ясные звезды скрывает? Или это мечта о мгновенье высоком и чистом?..

Вижу: рождается что-то и все ясней проступает, формируясь в клубах темно-вишневого дыма, в густой синеве предрассветной,— и в узкие щели моих прищуренных глаз голубым миражем проникает...

И будто бы чья-то рука легла мне на плечи. И, чудится, слышу я чье-то дыханье — спокойное, ровное. И слышу биение сердца...

Всегда так бывает со мной, когда за окном на длинных и тонких ресницах ветвей висят-наливаются вишни, умытые росным туманом; когда, понурив тяжелую голову, сижу одиноко и думаю: сколько осталось нам зим... и сколько осталось весен...

Много мечтаний разбилось. Разбилось, рассыпалось в травах. И ныне, в лунные ночи, блестят там росой серебристые капли — осколки мечтаний, как слезы. Так сколько же, вправду, осталось?..

2

Закатное солнце багрянцем обрызгало небо. Туман-утопленник синий всплывает над влажной низиной и капли прозрачной росы превращает в зеленый смарагд...

В темнеющей горнице неба свечу затеплила звезда голубая. В сверкающей белой рубахе восходит к ней медленный месяц и, приближаясь к вечерней звезде, склоняет пред нею колена...

И неловко смотреть... Не гляди! Закрываю глаза. Уставшие, отяжелевшие веки падают, как у пластмассовой куклы. Но в груди широко растекается гул, словно там, беспрерывно качаясь, сосредоточенно бьет неслышимый колокол нежности и покоя...

Мне ничком бы упасть, в мягкий мох зарыться лицом, целовать каждый синий цветок в алмазах — слезинках росы. Как прекрасна земля... Как прекрасна...

3

Тянется в небо, выгнув тонкую спину, синяя радуга. Утро. Дождь прекратился. Но с крыши все еще падают струйки прозрачной воды; с листьев срываясь, звенят бриллианты — крупные капли дождя. Хочешь — шапкою черпай сокровища эти. Чудо неба — серебряный дождь. Оба мы тоже небесное чудо: упали на землю юным и свежим теплым дождем и теперь озираемся удивленно...

Слова благодарности тихо шепча губами зелеными, тянется вверх свежий и хрупкий росток. Листья яблонь — котята зеленые, цепко схватив коготками шарик воды, с ним, как с мышкой, играют. Юркают капли между зеленых их лапок. Красиво...

Влажный зеленый наряд отжимая, солнцу земля подставляет могучую потную спину — пашню. И парок поднимается вверх. Словно радуга, выгнут земли напряженный хребет... Я стою у окна, всею грудью вдыхаю пар зеленого пота земли и смотрю: подпоясавшись синею радужной лентой, к горизонту плывут и плывут облака...

А капли дождя, трепеща и сверкая, все падают, падают, падают с крыши, ударяются, прыгают и суетятся в зеленой траве, словно кузнечики из серебра...

СТЯГИ СНЕГА

Первый снег! Наконец-то! Белый и чистый — как воспоминанье о лете. Полощутся в небе высоком хоругви зимы. Целомудрия стяги... Безжалостный ветер их треплет, и рвет, и мне навстречу швыряет белизны чистейшей лоскутья. Все лицо облепил, и глаза уже больше не видят. Я ослеп, как некогда в детстве,— в снежной крепости замурован. Бесконечная черная пустота, и лишь острые лезвия воспоминаний временами касаются сердца.

А быть может, и хорошо, что усталость, вечерняя синяя тяжесть, навалилась мне на глаза? Ничего-ничего я не вижу. Но теперь-то услышать смогу снежных хлопьев таинственный шепот. Что они говорят мне? Сердце, утихни, замри! А то не услышу, что они говорят... Послушаем вместе снежный шорох, синего тихого вечера голос, подобный звуку тончайшей скрипичной струны...

Устал я... Но, кажется, слышу, как осторожно ступает косуля лесная по снежным сугробам. Ты пришла и, обняв меня, сжала ледяными ладонями щеки мои. Это ты, это ты — я уверен! Ну, а если ошибся — не виноват: ослеплен, ничего я не вижу, снег глаза залепил — и ошибка возможна...

С усилием веки раскрыл. В черном небе ночном ветер треплет, терзает и рвет высокие белые стяги — чистоты непорочной хоругви. Раздирает их в клочья, разносит, развевает по свету. Но все новые, новые стяги вздымаются в небо. Все выше. Все шире размах белых крыл лебединых. И ветер сникает. Где ему победить белизну бесконечных знамен! Он устал и у ног моих замер в изнеможенье. Понял — всех не развеет, не разорвет, не затопчет... И теперь еще выше возносятся гордые белые стяги. Без числа в небесах — этих вольно парящих и веющих снежных хоругвей. Бесконечное шествие стягов...

В ПРИБРЕЖНОМ КУСТАРНИКЕ

1

У речушки кустарником берег зарос. Здесь теплее, здесь ветру не разгуляться. Под корягами тут, я уверен, таится пеструшка-форель. Вот и ждем: кто кого переждет, кто из нас терпеливее — я или пестрая рыбка. Улыбнется удача тому, кто выдержит дольше.

Осторожна форель. Ей известны давно все опасности и западни, что в текучей воде родника ее поджидают. Терпелива она. И поэтому долго, героически долго к наживке не прикоснется.

Я тоже долго намерен бороться с промозглой осенней прохладой, с одиночеством и с искушеньем отогреть у огня задубевшие руки... Однако, быть может, в этот раз терпеливее будет форель. Кто из нас победит, кто продержится дольше — не знаю. Кто упорнее — тот победит: это правило поединка.

2

Невелик тот кусочек осеннего мира, что меня окружает: ручья серебро — блескучее, быстрое; старый пень, оседлав который, можно долго «с комфортом» скакать; столь любезная сердцу иных живописцев «академическая рыжинка» нескольких ветел, ольхи и кустов полуголых; под ногами кой-где сухие былинки — намеки на травку. Вот и все...

Ручей, натыкаясь на камни, бурлит и клокочет — фуги Баха играет. А сухие, поблекшие желтые листья приглушенными голосами под мелодии Баха читают «Осеннюю песню» Верлена:

Осенний сон,
Как струнный стон
Монотонный...
И в унисон
Из сердца он
Высек стоны [1].

И — достаточно мне. Хватает для счастья и такого кусочка осеннего мира...

3

Разве я уже обо всем рассказал? Общий фон действительно сер и уныл. Но на нем лишь яснее детали — только надо суметь их увидеть, понять, разглядеть, ибо в них существо и основа живого начала природы.

Долго-долго гляжу сквозь разрыв в сплетенье ветвей на кипящий серебряный водоворот. Бьет в глаза мне неяркий холодный луч осеннего медного солнца, воду он пробивает до самого дна.

---

[1] Перевод К. Ковальджи.

РИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

Там, на желтом и чистом песке, вдруг сверкнули три капли рубина, три ярчайшие капельки крови.

О, как же сквозит в серебре их дрожащий, насыщенный цвет, рассекая зыбкую толщу хрустально-прозрачной воды!

Но откуда здесь взяться рубинам? Не красотка ль какая, перебредая речушку, потеряла-рассыпала красные камешки-бусы?

Присмотрелся: да это рябинка! Частичка рябиновой грозди. Ветром с ветки сорвало — и горят теперь ягодки красной рябины в водах резвой речушки лесной...

4

А листья?.. Ох, уж эти осенние желтые листья! Что они вытворяют, почуяв свободу от веток!..

В кроны ветер ввинтился, верхушки деревьев согнул, словно выдрать пытается с корнем. Листья мертвые поднял с земли, закрутил и построил из них Вавилонскую башню — до неба!

Осенние листья, как птицы: слишком долго привязаны были к ветвям, и ныне, порвав черенки, расправили крылья и ощутили свободу: порхают, вздымаются, кружат...

А я тут при чем? Налетел на меня рой пожухлых ржаво-коричневых листьев, окружил и давай своими сухими крыльями колотить по плечам, по лицу, по глазам... Успевай лишь от них отбиваться!

Видно, в чем-то виновен. А в чем? Не упомню. Придется подумать...

5

Утих, успокоился ветер. И листья один за другим упадают на воду — планируют и осторожно садятся, привлеченные гладью потока... Вот и кончился вольный полет. Больше им с воды не подняться — подчиняйся теченью, плыви...

Правда, волю утратив, обретают они, измятые и сухие, первозданную форму свою. И, напившись воды, расправляют морщины, тяжелеют и гордо плывут почти у самого дна, блекло-зеленые, длинные, прекрасные, мертвые листья...

Долго смотрю я на дно. Вдруг по-над самым песком рыба вниз по течению плавно прошла — длинная стройная тень! Голубым серебром с зеленцой отливает ее чешуя... Это пеструшка! Она! Форель у меня под ногами!

Дрогнуло сердце рыбацкое... Нет, не глазами — сердцем увидел я дивную рыбу-пеструшку! Сейчас подойдет, коснется наживки, удилище согнется дугою... Это точно — что сердце захочет, то сейчас же увидят глаза... Горе мне! Мимо хитрых крючков, затаившихся в смачной наживке, мертвый лист теченье проносит, серовато-серебряный лист ивняка...

6

И все же не стерпела пеструшка, взяла! Проиграла. Что поделаешь — голод не тетка. Выдержки не хватило у рыбы, сильней оказался рыбак...

Свободна форель от крючка. Разрешается ей, опьяневшей от кислорода, до того, как уснет она в сумке рыбацкой, поплясать на осенней земле...

Но и тут не теряет надежды форель, пусть последней, неверной надежды: мускулисто и жизни полно ее тело, свернувшись в тугую пружину, рыба в воздух взлетает свечой, скачет, ближе и ближе к воде подбираясь, ощущая прохладу ее.

Вот ручей уже рядом: прыжок — и исчезнет она под корягой. Рыбак, не зевай!..

Сколько раз наблюдать приходилось: неверны, хаотичны прыжки, бьется рыба и воздух глотает, но ни разу не двинулась прочь от воды! Только ближе и ближе к спасительной влаге, к родимой стихии... Человека не так ли в ночи зовет к себе дальний огонь?..

Авторизованный перевод с литовского
Б. Залесской и Г. Герасимовой.

Наталия УЖВИЙ,
народная артистка СССР

Берегите талант

Бывает, вышел артист на сцену, еще и слова одного не произнес, лишь взглянул как-то особенно, сделал жест, а уж зрительный зал улыбается. Или вдруг дрогнет у актера голос, сверкнет на глазах слеза, и публика сострадает, готова плакать с ним вместе...

Что это? В чем разгадка столь удивительного воздействия одного человека на сотни и даже тысячи других?

«В таланте»,— скажут мне. И ответ этот верный. Но что такое талант артиста?

Вот об этом хотелось бы поговорить, поделиться своими раздумьями, тревогами, надеждами. И пусть мой полувековой театральный опыт послужит мне опорой.

Начать хочется издалека, отодвинувшись от сегодняшней жизни назад, лет на пятьдесят...

Представьте себе маленький украинский городок. У него поэтичное и ласковое название — Золотоноша. Мирная, тихая жизнь его сметена революцией, войной. Мимо проносятся эшелоны, увозящие на фронт белозубых молодых красноармейцев. Иногда составы задерживались в Золотоноше. Тогда красноармейцы набивались до отказа в тесный зал городского клуба, где разыгрывали спектакли местные любители — врачи, инженеры, бывшие чиновники.

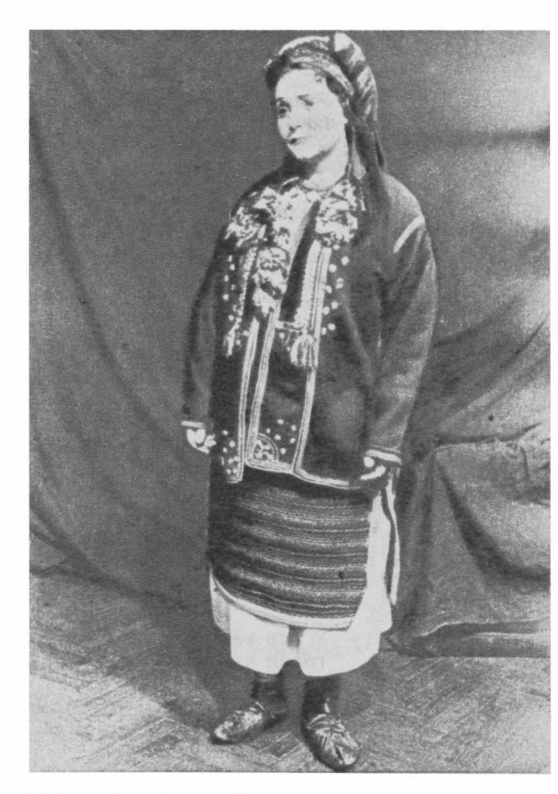
В одном из них, в драме Тобилевича «Бесталанна», играла и я, тогда еще вовсе никакая не актриса, а учительница. Да и театр-то я впервые увидела здесь, в Золотоноше... Роль моя была сильная, драматическая. Моя героиня—Софья—переживала тяжелую любовную драму. Я отдавалась игре целиком, без остатка. Переживала до потрясения все, что происходило с этой женщиной. Играла, «как бог на душу положит», не имея ни малейшего представления об актерской технике, о законах построения роли. После спектакля у меня болело горло, ныло от усталости все тело. Зато нашим зрителям моя игра нравилась; я часто слышала, как про меня говорили: «У нее талант». От этих непонятных слов сладко замирало сердце, а в душе рождались смутные надежды. Талант...

Да, тогда (теперь-то я понимаю это!) мои первые зрители под талантом подразумевали природные данные начинающей любительницы: пригодную для сцены внешность, голос, эмоциональную возбудимость, заразительность, плюс еще молодость (ах, эта молодость, с ее прелестью, обаянием, непосредственностью, ради которых прощаются многие недостатки и охотно признаются достоинства — все равно, подлинные или мнимые!)...

Спору нет, все эти качества необходимы. Они исходное зерно актерства.

Их часто принимают за талант. Но они еще не талант. Они лишь предпосылка, обещание таланта. Потому что решающим качеством таланта артиста (как и вообще всякого художника) является, по моему убеждению, умение работать, умение учиться. Всегда, постоянно учиться, всю жизнь. Ибо в нашем деле **научить** нельзя, а **научиться** можно. Вот тот, и только тот, кто умеет научиться, умеет шлифовать, обогащать, приумножать все, чем наградила его природа, кто вечно ищет, кто может перечеркнуть найденное и казавшееся незыблемым еще вчера ради того нового, что открывается сегодня,— только тот обладает, по моему убеждению, подлинным талантом артиста.

Мне могут возразить, что все это известно и вряд ли нуждается в повторении. Однако в том-то и дело, что сегодняшняя практика

Н. Ужвий — Анна. «Украденное счастье».

Олена. «Радуга».

многих театров, режиссеров, актеров понуждает вновь вернуться к положениям, казалось бы, бесспорным, заставляет спорить с теми людьми, кто проповедует, будто сегодня в театре для актера главное — «не играть», а быть на сцене таким, как в жизни. Двигаться «как в жизни», говорить «как в жизни»... Стараться быть самим собой, а не заботиться о создании художественного сценического образа.

Я спорю с теми, кто невнятную дикцию, невыразительную пластику, заземленность чувств и заурядность актерской индивидуальности именует «современным стилем».

Я утверждаю, что это не так, что большие современные артисты, выражающие **подлинно современный стиль** театрального искусства, обладают отработанным до совершенства аппаратом. У них богатая голосовая палитра, прекрасная дикция, великолепная пластика, дающие им такую непостижимую внутреннюю свободу. Их искусство ярко, эмоционально, я бы сказала, яростно-выразительно! Оно глубоко по мысли и четко по форме.

Да, они органичны и естественны в роли и вроде бы ничего не играют. Но их простота — простота сложности, вершина мастерства. Я приведу в пример двух актеров: Жана Габена и Амвросия Бучму. Актеры очень разные, хотя оба — современные художники. И каждый велик по-своему. Вспомните два фильма с Габеном — «Сильные мира сего» и «Улица Прери». В первом мы видим Габена в роли миллионера, и перед нами — миллионер до кончиков ногтей, представитель финансовой аристократии, человек железной выдержки, холодный, расчетливый, жесткий. Во второй картине Габен — рабочий. И в его походке, в каждом его жесте, в мимике лица виден простой, трудовой человек. Но в то же время, когда мы смотрим оба эти фильма, у нас создается иллюзия, что Габен остается самим собой, что он ничего «не играет». Но это именно иллюзия. И создается она лишь благодаря мастерству актера.

Жана Габена я знаю только по фильмам. А с Амвросием Максимилиановичем Бучмой вместе проработала около трех десятков лет.

Бучма также принадлежит к разряду актеров, которые создают у зрителя иллюзию, будто они вовсе не играют роль, а «просто живут» на сцене, в предлагаемых пьесой обстоятельствах.

Артист настолько сливался со своим героем, что иголочку нельзя было просунуть между актером и образом. Попробуйте просуньте эту самую иголочку между Бучмой и Тарасом Яценко, роль которого он исполняет в кинофильме «Непокоренные». Все у Бучмы на сцене получалось как бы само собой. Но сколько за этим «само собой» скрывалось труда, поисков, а Бучма искал все: грим, походку, пластику, выражение глаз, костюм, точные интонации, **движения**. И сколько же было в этих поисках мысли, культуры, поразительной актерской интуиции! Как упорно бился он над тем, чтобы точно выразить мысль, донести оттенок чувства, показать малейшее движение души! Нет, не самого себя демонстрировал на сцене или на экране Бучма. Актер-художник всякий раз лепил новый характер, рождал нового человека, новую жизнь.

Во многих спектаклях мы играли вместе. Я расскажу об «Украденном счастье», где Бучма создал одно из своих величайших творений — образ Миколы Задорожного, бедного крестьянина-гуцула, замученного нуждой, измотанного горем и тяжким трудом, забитого, бесправного...

Уже первое его появление было продумано и отделано артистом до мельчайших деталей. Много часов кряду возил Микола на морозе лес. И вот, продрогший, усталый, он возвращается домой. Входит в хату. На нем длинный тулуп, огромные рукавицы, нахлобученная на глаза шапка, в руках зажат топор, под мышкой кнут. Нет, Бучма не притопывал, не пританцовывал на месте, как делают обычно актеры, изображая замерзшего человека. Он просто стоял, одеревеневший от холода. Потом разжимал скрюченные пальцы, и топор с грохотом валился на пол; человек приподнимал руку, и падал кнут... Медленно начинал Микола ходить по хате взад-вперед, и сидящие в зале словно кожей своей чувствовали, как мучительно болит от холода все его тело.

А какие глаза были у Бучмы! Какие тончайшие нюансы чувств, настроения выражали они! Вот, например, в четвертом действии «Украденного счастья» Микола — Бучма спрашивал Анну (эту роль играла я), неужели она его не любит и не сможет полюбить. Анна три раза отвечала «нет». Первое «нет» я говорила, не глядя на Миколу, твердо и уверенно. Второе страшное для него «нет» мне было труднее сказать, потому что я уже видела его глаза. Моя Анна произносила второе «нет» мягко, будто прося прощения за то, что не может его любить. Произнося третье «нет», я отводила свои глаза в сторону, ибо не могла вынести страданий Миколы!.. Эти три интонации, три психологических оттенка в коротком слове «нет» появились потому, что на меня смотрели глаза Миколы — Бучмы.

А паузы Бучмы! Его знаменитые паузы, которые могли рассказать о переживаниях героев больше, чем длинный монолог! Можно ли достичь этого, не владея техникой актерской профессии?

Я не понимаю молодых актеров, которые не считают нужным работать над голосом, заниматься гимнастикой, движением. На что они надеются? На очарование молодости? Но молодость, увы, проходит, а одна лишь непосредственность — слишком малое подспорье в работе над сложными ролями, крупными характерами.

Как не бывает в жизни двух абсолютно одинаковых людей, так нет в хорошей драматургии двух одинаковых образов. Я сыграла в своей жизни больше ста ролей. И каждый раз, получив роль, задумывалась: чем **эта** женщина отличается от тех, которых я уже сыграла. В чем своеобразие этого человека? Как бы я отнеслась к нему в жизни? И как моим отношением к подобным людям заразить зрителя?

В фильме «Выборгская сторона» я сыграла солдатку Евдокию. Как важно было показать ее забитость, темноту, одиночество — все то, на чем так гнусно сыграли враги революции, сделав ее своей соучастницей. Но мне надо было показать и то, что Евдокия не потерянный человек. Ведь как только женщина поняла, что судьба ее небезразлична тем, кто олицетворяет новую, Советскую власть — таким же, как она, людям, рабочим, солдатам, крестьянам,— в ней проснулся другой, настоящий человек. В фильме «Радуга» я играла партизанку Олену, женщину, вышедшую из той же среды, что и Евдокия, но живущую уже при Советской власти. Свою задачу я видела в том, чтобы раскрыть в ней типичные советские черты: высокую сознательность, патриотизм, стойкость и мужество, беспредельную веру в победу, в торжество ленинских коммунистических идеалов.

Но ведь то, о чем я сейчас говорила, есть **внутренняя** сущность образов. А какими средствами воплотить ее на сцене? Тут-то и приходится нам, актерам, задумываться и искать: **как** эта женщина ходит, смотрит, смеется, говорит...

Вот две украинские женщины: задавленная нуждой и свалившимся на нее горем Анна Задорожная из «Украденного счастья» и Наталия Ковшик («Калиновая роща») — жизнерадостная, сильная, волевая, активный строитель новой жизни.

У них все разное: и взгляд, и повадка, и внутренний ритм, и интонация, и темп речи! Ну, а разве можно себе представить, что шекспировская Беатриче из комедии «Много шума из ничего» ходит, улыбается, разговаривает со своими поклонниками так же, как «гордая полячка» Марина Мнишек?..

Мне странно, что некоторые молодые режиссеры не ставят таких задач перед исполнителями, довольствуясь тем, что из спектакля в спектакль актеры «переносят» самих себя. Но еще более странно слышать, что это именуется последним словом театрального «новаторства».

Мне выпало счастье работать с большими мастерами театра — И. Марьяненко, Ю. Шумским, с выдающимся режиссером и актером украинской сцены Гнатом Петровичем Юрой. Большой художник-реалист, Гнат Юра обладал титанической работоспособностью и заражал нас, актеров, беспредельной любовью к своему труду, стремлением к постоянному совершенствованию актерской техники и мастерства. С режиссерской деятельностью Гната Юры связан расцвет больших талантов украинского советского театра.

Работала я также с подлинным новатором и реформатором украинской сцены Лесем Курбасом в театре «Березиль». Это был театр новаторо́в, стремящихся идти путями нехожеными, искать в сценическом искусстве возможностей новых, неиспользованных. Я выбираю «березиль», потому что он буря, потому что в нем сила, потому что он переворот, из которого родится лето ,— говорил Лесь Курбас.

Он мечтал воссоздать в сценических образах всю нашу бурную, полную невиданных взлетов и противоречий, героизма и борьбы революционную эпоху. И потому ему надобны были актеры, способные передать его замыслы, актеры, владеющие всем богатством выразительных средств. Чем только не занимались мы в «Березиле»! Как оттачивали свою технику, совершенствовали мастерство! Пусть я тогда не во всем соглашалась с Курбасом, пусть я и сегодня не все принимаю в его эстетической программе, но многое, чему научилась я в «Березиле», помогало мне в работе все годы.

Я так много говорю об актерской технике, о мастерстве, потому что уверена: пренебрежение к этим проблемам порождает многие беды сегодняшнего театра и кинематографа.

На экраны сейчас выходят десятки фильмов в год. В фильмах снимаются молоденькие, хорошенькие актрисы. Все они — одна лучше, другая хуже — уверенно и вроде бы профессионально существуют в картинах. Но, увы, покидаешь зал и уже через час весьма смутно представляешь себе только что виденных актеров и актрис. А происходит это только потому, что они именно «снимаются», а не создают на экране (или на сцене) художественный образ.

Конечно, проблема воспитания таланта не ограничивается работой над совершенствованием техники. Огромное значение имеет драматургия, рисующая крупные характеры, сильные страсти. Если этого нет в произведении, то полнокровный и убедительный сценический образ создать трудно. Если же в пьесе есть мощные человеческие судьбы, тогда и нам, актерам, есть на чем развивать, заострять свое мастерство. Не перестаю я мечтать о роли моей современницы! Мне безразлично, будет ли это комедия или драма. Важно лишь, чтобы героиня моя была **личностью**, человеком крупным, внутренне значительным.

Почему я мечтаю о роли современницы?

Потому что сегодня, когда в мире идет острая идеологическая борьба, очень важно средствами искусства раскрыть духовный мир советского человека, противопоставить безверию, опустошенности мира капитализма нашу веру в будущее.

Наш современник очень существенно отличается от героев классических пьес. Даже от героев Горького! И отличие это — в соотношении личного и общественного в жизни. Обозначить процесс сближения этих линий, показать его на сцене очень трудно. Но так уж устроены мы, актеры: нам интересно и легко как раз тогда, когда трудно...

Разговор о таланте хочется закончить словами великой украинской актрисы М. Заньковецкой: ничто так не мстит за измену, как искусство. Будьте ему верны. Оно требует подвижников.

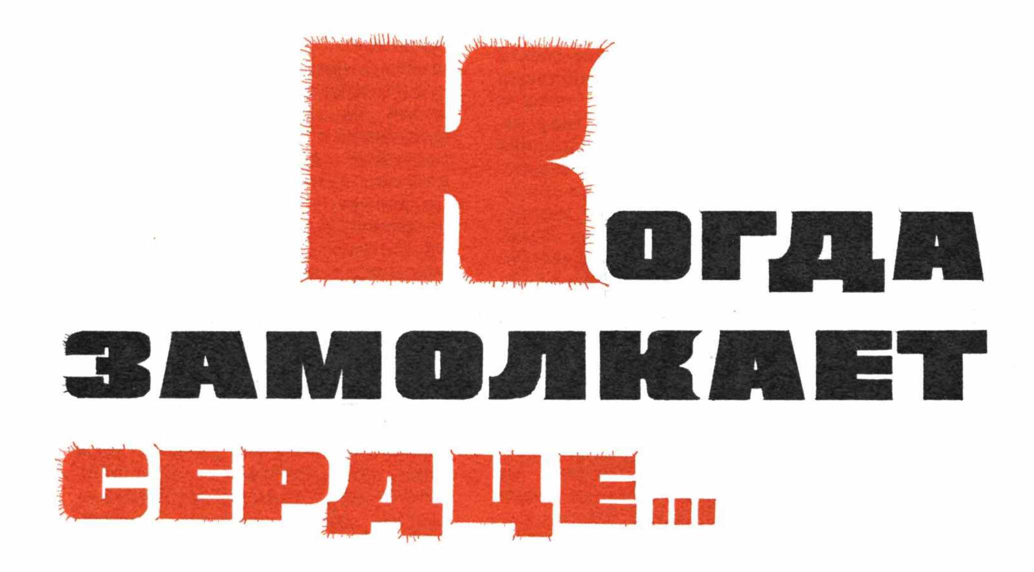
ВОПРОС: В операционную бригаду, которая осуществила в Ленинграде первую в СССР пересадку сердца, входило 35 опытных хирургов. Возглавил ее такой крупный специалист, как генерал-полковник медицинской службы, академик Академии медицинских наук СССР профессор А. А. Вишневский. Уже одно это позволило думать, что операция будет произведена по всем правилам хирургического искусства. Но почему же, в самом деле, молодая, 25-летняя женщина прожила со своим новым сердцем всего 33 часа?

ОТВЕТ: Позвольте мне прежде всего заверить читателей журнала в том, что действия хирургов, связанные с изъятием сердца у донора — 19-летней девушки, попавшей под поезд возле станции Мга, его временным сохранением, далеких от медицины, огорчительно быстрая гибель больной П. Причина ее не оставляет у специалистов никаких неясностей: несовместимость с жизнью далеко зашедших, необратимых патологических изменений не только в самом сердце больной, но и во всех ее важнейших органах — легких, печени, почках. Любая обычная операция ничего тут уже не могла изменить: ни ухудшить состояние больной (она все равно умирала), ни улучшить его (для этого не оставалось жизненных ресурсов).

При операции, читаем мы в упомянутой статье, «обращало на себя внимание крайне плохое состояние миокарда, резкое увеличение полостей сердца, особенно предсердий (больше правого). Протезирование клапанов (к которому все же были готовы) прищина одна не спасовала и перед лицом наивысшей опасности написала: «Уже подготавливают аппаратуру. А мне не страшно. Я знаю, что другого выхода нет, никуда не денешься. С моим сердцем я долго не протянула бы...» И пусть это была смелость отчаяния, хирурги не поставили все другие соображения выше своей обязанности до конца выполнить основную заповедь врача: сделай все для спасения больного! Они пошли на операцию.

Легко предвидеть возражения: есть, дескать, в хирургии прочно устоявшийся термин — «неоперабильный». Это означает, что данный больной уже не подходит для лечения скальпелем, что тут необходимы иные, терапевтические методы и средства.

Все это так, подобное происходит в сотнях и тысячах операцион- в этом — и гуманность и высшее благородство врачебного долга. Мне остается сделать в этом месте одну, весьма существенную оговорку: все эти бесспорно правильные, проникнутые гуманизмом и освященные многовековым опытом медицины устои действительны для тех методов, приемов и средств хирургического лечения, которые уже в общем освоены, изучены и прочно вошли в практику. На какое в самом деле «чудо» мог бы понадеяться излишне активный врач, если бы он вздумал попытаться «выскоблить» из организма чуть ли не все дочерние злокачественные новообразования?! Совсем по-иному, однако, выстраиваются все эти установки перед лицом принципиально новой операции, не похожей на все прошлые, таящей в себе еще не раскрытые, неизведанные возмож-

Первая попытка советских хирургов пересадить человеческое сердце окончилась довольно быстрой смертью больной. Это вызвало недоумения, раздумья, вопросы и, естественно, читательские письма. «Как-то само собой разумелось, что наши хирурги идут в первом ряду специалистов мира, а тут, что ни говорите, неудача. В чем тут дело!..» — пишет нам Г. Шнапцева, педагог московской детской музыкальной школы № 8. А. Васина, сотрудница библиотеки Физического института Академии наук СССР, просит редакцию дать слово ученому, который прокомментировал бы эту же операцию.

Мы решили продолжить разговор о проблемах пересадки органов, начатый в «Огоньке» в прошлом году (см. № 16 за 1968 год).

Наш корреспондент А. Черняховский снова встретился с видным советским ученым, хирургом-экспериментатором, руководителем лаборатории пересадки органов, академиком Академии медицинских наук СССР и ее вице-президентом профессором Владимиром Васильевичем Ковановым. Публикуем запись этой беседы.

а затем и пересадкой тяжелобольной П. из Николаева были осуществлены широко известным советским хирургом Героем Социалистического Труда А. А. Вишневским и его высококвалифицированными коллегами технически совершенно правильно, без каких-либо погрешностей. Каждый может убедиться в этом, прочитав довольно подробное описание всех этапов операции, данное самой бригадой хирургов в декабрьском номере «Военно-медицинского журнала» за 1968 год. Скажу к слову, что наша страна располагает сегодня еще рядом хирургов высшего мирового класса, вполне подготовленных для безупречного осуществления подобного рода операций. Ни у кого не должно оставаться в этом ни малейших сомнений. Тем непонятнее становится для людей, знано в этих условиях безнадежным вмешательством. Принято решение осуществить пересадку».

Уже потом, оправившись от первых, вполне понятных волнений, участники операции, тщательно взвесив и проанализировав все «за» и «против», пришли к выводу: «Правожелудочковая недостаточность пересаженного сердца, по-видимому, была обусловлена тяжелыми изменениями сосудистой системы легких больной и относительно длительными гипоксическими эпизодами у донора».

Вряд ли есть необходимость доказывать, что для первой в стране пересадки сердца больная П. была не самой «лучшей» кандидатурой. Однако врачи не могли забыть: пять из шести заранее отобранных ими реципиентов в последний момент от операции отказались, а эта героическая женных мира. Вот на столе больной раком желудка. Предварительные исследования зовут: надо попробовать удалить опухоль. Хирург вскрывает брюшную полость и убеждается: метастазы распространились на другие органы, их много, процесс диссиминирован. Что он делает? Начинает «охоту» за метастазами? Пытается извлечь отовсюду узлы злокачественного новообразования? В этом ли состоит долг хирурга? Ничего подобного! Убедившись в бесперспективности радикальной операции, он в лучшем случае ограничивается паллиативными мерами, а в худшем — зашивает разрез и применяет все другие методы консервативного лечения, чтобы на месяцы, на недели, на дни продлить доверенную ему жизнь и хоть на йоту облегчить человеку его последние часы. В этом и только ности. Тут для определения операбильности или иноперабильности требуются совершенно новые критерии и подходы. Если говорить о пересадках сердца, то они еще, к сожалению, точно не определены.

ВОПРОС: Можно ли понять вас в том смысле, что вы согласны с учеными, которые призывают повременить с пересадками сердца, поскольку показания к ним не уточнены и не решена проблема несовместимости тканей, а человек не кролик и эксперименты на нем недопустимы?

ОТВЕТ: Вопросы поставлены остро и требуют, мне думается, не краткого «да» или «нет», а обстоятельных рассуждений вслух. Начну с конца. Да, все мы привыкли к мысли, что каждый новый метод лечения может быть допущен в клинику только после длительной, тщательной, всесторонней отработки на животных, когда сняты все без исключения неясности и опасения. В принципе это так, и быть иначе не может. Но жизнь —

удивительно своенравная «организация». Клиника то и дело опережает исследовательскую работу. И нельзя ее в этом винить, ведь экспериментатор имеет дело с пробирками и морскими свинками, а клиницист — со страдающими, взывающими о помощи людьми. Так происходит сегодня, так было и много десятилетий назад. Вспомним: Луи Пастер не был еще готов к лечению больных, не успел досконально проверить на животных эффективность своей вакцины, когда сама судьба в образе фрау Мейстер из Эльзаса вынудила его взяться за спасение мальчика Иозефа Мейстера, искусанного бешеной собакой. Иозеф остался жив — ученый победил! Разработанный им метод предохранительных прививок завоевал мир. Но все это произошло потом. А в тот момент, когда Пастер дрожащей рукой делал первое впрыскивание своей не очень еще надежной вакцины, это ведь был эксперимент на человеке, в чистом виде. Что должны были сделать современники: предать Пастера анафеме за риск или вознести за смелость и решительность?

Никто из зрелых ученых, включая Кристиана Бернарда, не считает, понятно, проблему трансплантации сердца, как и других органов, окончательно решенной. Дело это, по сути, не вышло из стадии экспериментов, пусть многообещающих, оправданных суровой жизненной необходимостью, но все-таки экспериментов. Свыше чем годовая жизнь после операции неунывающего оптимиста Филиппа Блайберга ничего тут принципиально не меняет. Но разве и десятки других применяемых сегодня очень сложных, находящихся на уровне виртуозности хирургических вмешательств не содержат в себе элемента неожиданности? Тогда что же это, эксперименты? Даже применение аппарата искусственного кровообращения, спасающее от смерти тысячи и тысячи жизней, примерно в 10 процентах случаев, по статистике, не дает эффекта. Это тоже эксперимент на человеке? Нет. И не будем пугаться «страшных» слов. Надо точно условиться о понятиях и называть вещи своими именами. Коренная разница между лечением и экспериментом, между больным и лабораторным кроликом в том, что первого оперируют ради его же блага, второй начисто отдает свою жизнь науке.

В наши дни выявлено очень много больных, для которых единственное спасение — замена отказавшего органа другим, жизнеспособным. А хирургическая техника уже «дозрела» до того, чтобы держать в этом направлении. Так можно ли тут возводить искусственные препоны! «Когда в сознании рождается смелая мысль, способная поразить господствующее разумение своей эпохи,— с полным знанием дела писал выдающийся советский хирург С. С. Юдин,— то остановить эту мысль, пытаться задерживать ее развитие — дело почти безнадежное. И чем более эта смелая идея ломает существующие научные представления, тем труднее обуздать ее развитие и практическую проверку. И у какого скептика хватит духу сказать по примеру Гамлета: «Сердце, погоди, не бейся, я выжду, что скажет Горацио»? Как видите, я за дерзания, за творческую смелость, за решительное движение вперед.

ВОПРОС: Медицина не может еще, понятно, регулироваться аксиомами, подобными закону тяготения Ньютона или закону сохранения энергии. Но не кажутся ли вам, Владимир Васильевич, слишком уж приблизительными заключения подсобных служб, которыми пришлось в Ленинграде руководствоваться хирургам? Если судить по сообщениям в прессе, то заключение иммунологов о сердце донора выглядело так: «По основным характеристикам как будто подходит». А отвечая на вопрос: «Хватит ли его мощности, чтобы качать кровь в новом организме?» — сотрудники лаборатории медицинской кибернетики не менее уклончиво сказали: «Мощности должно хватить». Не отсутствие ли точных критериев общего состояния донора и реципиента служит основной причиной неудачи многих пересадок?

Ответ: Резюмируя исход вмешательства, о котором идет речь, сами его участники пришли к выводу: наряду с общеизвестными проблемами (тканевая несовместимость и прочее) существует ряд трудностей, которые характерны для становления нового метода в клинике: уточнение показаний к операции, выбор донора, контроль за состоянием миокарда до пересадки и т. д. В самом деле, мы, медики, пока с завистью смотрим на авиаконструкторов, у нас нет еще своей «аэродинамической трубы», позволяющей достоверно и исчерпывающе точно испытывать надежность «сердечных моторов». Между тем нечто подобное надо иметь, более того, можно иметь в наш век электроники и кибернетики! Хирурги не располагают сегодня тестами, которые бы без серьезных ошибок позволяли определять, сколько еще может функционировать орган в новых условиях. Увы, современный врач не может пока слишком точно сказать: сердце будет биться столько-то часов и минут. Или: эта печень еще послужит столько-то дней.

Убежден: на нынешнем уровне науки можно и должно создать такие тесты! Уже через полчаса после пересадки обнаружилось, что правый желудочек сердца не в состоянии прогонять кровь по легочным сосудам реципиента. В те критические минуты хирурги, вероятно, больно и остро осознали, наверное, свое бессилие в области медицинской гидравлики — дисциплины, которой нет пока в учебных планах ни одного института, но которая, думается, должна появиться.

Но неужели все это забота одних лишь медиков? Не пора ли осознать, что, подобно тому, как завоевание космоса — задача всенародная, раскрытие тайн человеческого организма, победа над болезнями, прежде всего сердечнососудистыми и вызванными злокачественным ростом тканей,— дело всей отечественной науки и техники. Высшие интересы народа требуют, чтобы министерства, ведающие развитием электроники, кибернетики, химии, бросили свои лучшие творческие, конструкторские силы на создание аппаратов, приборов, реактивов, материалов, имеющих самое высокое назначение—служить здоровью и счастью человека! Тогда быстрее, чем даже мы предполагаем, медицина и биология приблизятся к разряду точных наук и в операционных, палатах, лабораториях вместо приблизительных зазвучат определения точные, как математические формулы.

Вопрос: Мы разделяем, профессор, ваши справедливые требования и вместе с вами надеемся, что они будут услышаны и соответствующими министерствами и учеными, конструкторами, инженерами, химиками, работающими в сфере точных наук. А сейчас хотелось бы узнать, над какими важнейшими проблемами в области пересадок работают сами медики.

Ответ: Самое пристальное наше внимание вслед за преодолением тканевого барьера привлекает к себе проблема возобновления нервных связей трансплантата. Все реакции в любом живом органе регулируются, как известно, нервной системой, в ткани же, которая пересажена на новое место, неизбежно происходят весьма сложные обменные и структурные изменения. Полной атрофии органа обычно предшествуют резкие расстройства белкового, углеводного, электролитного и гормонального обмена. Во избежание этого надо научиться более или менее быстро восстанавливать нервные связи трансплантата. Возможно ли это в принципе? Вполне! — говорят работы ученых.

Еще более важно внести полную ясность в вопрос: что считать жизнью и смертью? Из-за отсутствия точных, исключающих разные толкования критериев в операционной всегда создается чрезвычайно напряженная, нервная обстановка. Совесть врача взывает: не торопись, в пострадавшем теле еще теплится последняя искорка жизни, попробуй раздуть ее! А разум хирурга требует: не упусти последнего мгновения, после которого сердце еще сможет полноценно работать, от этого ведь зависит еще одна жизнь.

В этой связи на Западе в центре внимания общественности оказалась проблема донора. Широкая публика высказывает опасения в том, как бы материально заинтересованные врачи не забрали, упаси боже, сердце у человека, которому оно еще может послужить. На мой взгляд, это безосновательная тревога. Я не верю в то, чтобы алчность и корысть смогли взять верх над совестью и долгом даже частнопрактикующего врача. Правда, не могу забыть и о внушительном счете, врученном уже после смерти мужа вдове М. Каспарака — первого американского гражданина, которому было пересажено сердце. Медицинский центр Стенфордского университета потребовал ни много ни мало 28,8 тысячи долларов только за обслуживание больного в течение 15 дней, не считая стоимости самой операции. Когда речь идет о таких суммах, и впрямь о всяком можно подумать. Естественно, что в наших советских условиях подобный «крен» в сторону донора ничем не мог бы быть оправдан. Однако у всех — и в самой операционной и далеко за ее пределами — должна в таких случаях существовать полнейшая уверенность, что изъято сердце у человека, которому оно совершенно не может больше служить, и пересажено оно больному, чье сердце окончательно утратило способность поддерживать жизнь.

Наука настойчиво бьется над тем, чтобы умерить драматизм событий, разыгрывающихся в операционных, но своего заключающего веского слова еще не произнесла. А о том, как оно необходимо, говорят хотя бы те сотни случаев, когда после клинической смерти (с полным прекращением дыхания и сердцебиения) людей удавалось стойко возвращать к жизни. Так в свое время был трижды спасен всемирно известный советский физик, так недавно наши искусные врачи 57 раз «запускали» упрямо останавливавшееся сердце видного советского хирурга, и он поныне среди нас, живых.

ВОПРОС: Многие недоумения и трудности, наверно, отпали бы, если б врачи имели в своем распоряжении резервные органы для пересадок или могли использовать с этой целью животных?

ОТВЕТ: Идеальным трансплантатом служит живое, работающее сердце, добытое сразу после смерти (минуты тут в счет не идут). Если смотреть правде в глаза, то следует признать: пока мы не научились оживлять мертвые сердца. Другое дело — умение поддерживать в них какое-то время минимальное тепло жизни. Значит, надо искать, пробовать, с тем, чтобы забота о подходящем трансплантате перестала быть ахиллесовой пятой пересадок.

Попытки воспользоваться для пересадок органами животных предпринимались. Известен, в частности, опыт американского хирурга Джеймса Харди. История эта любопытна и стоит того, чтоб рассказать о ней поподробнее. 27 января 1964 года в университетскую клинику медицинского центра Миссисипи привезли 68-летнего больного в крайне тяжелом состоянии, без сознания. К вечеру начало резко падать артериальное давление, появилась мерцательная аритмия. Больного перевели на управляемое дыхание, применили целый комплекс реанимационных мер, но все безуспешно. Надо сказать, что в той же клинике находился другой больной — молодой человек, погибавший от опухоли мозга. Коллектив специалистов давно уже готовился к пересадке сердца, исподволь отрабатывал методику. Был определен даже состав будущих бригад. Словом, технически и психологически врачи были полностью готовы к осуществлению этой операции. Однако судьбе угодно было решить иначе. 29 января состояние 68-летнего страдальца стало угрожающим, приближалась неотвратимая остановка сердца. А намечаемый донор был еще жив. Поскольку никаких надежд на его спасение не оставалось, родственники сказали: берите его сердце для того, чтобы спасти другого человека. Но врачи не решились забрать у больного, пусть даже обреченного, еще трепещущее сердце.

А как быть с тем умирающим? Едва его взяли на операционный стол — сердце остановилось. И тут, перед лицом трагических событий, врачи решились на смелый эксперимент. Они отсекли отработанное, пришедшее в негодность человеческое сердце и подшили на его место заранее подготовленное на всякий случай сердце шимпанзе. После согревания и дефибрилляции оно начало ритмично сокращаться — 90 раз в минуту. Но тут же стало очевидно: из-за небольших размеров оно не может обеспечить достаточное кровоснабжение большого человеческого тела. Желудочки и предсердия то и дело переполнялись, и ведущему хирургу Джеймсу Харди приходилось проталкивать рукой скопившуюся в полостях кровь. Так продолжалось 60 минут.

Вопрос: Все, что вы сказали, профессор, очень убедительно. Можно надеяться, что первая неудача не обескуражит советских ученых и хирургов?

Ответ: Оснований для таких опасений нет. Трудности огорчают, расстраивают, но и подталкивают мысль, зовут к их преодолению. Кроме того, не следует забывать, что пионерами в области пересадки органов были именно отечественные исследователи Ю. Вороной, А. Кулябко, С. Брюхоненко, С. Чечулин, Н. Синицын, В. Демихов и другие. Об этом нет греха напомнить. Однако научная объективность требует тут же заметить: в медицине лаврами увенчивают не только первых — решающую роль нередко играет последнее звено в длинной цепи подготовительных работ. И кто бы ни был автором идеи, практическое использование нового принципа имеет по меньшей мере такое же важное значение, как и его установление. Так что терять темпы никогда не следует, время не ждет!

...Сердце! О нем пишут в газетах, говорят на съездах и думают по ночам, оно предмет вдохновения поэтов и объект государственных законов. Я, врач по профессии, знаю: сердце бьется не только для того, чтобы перегонять по сосудам кровь, но и чтобы щемить от тоски, замирать от восторга, вдохновенно трепетать. И когда у человека, которому, казалось бы, жить да жить, болезненно замолкает сердце, меркнут все «глубокие» соображения, и люди, сто раз неверующие, благословляют хирурга на риск, на дерзость, ибо это против костлявой, которая уже замахнулась своей косой.

Музыка цвета

Иосиф ТУМАНОВ,
народный артист СССР

ЗНАКОМСТВО ВНОВЬ

Словно все времена года со своими неповторимыми красками, со своим музыкальным настроем вошли в залы Академии художеств.

Подмосковное душистое лето с россыпью полевых цветов и ласковым теплым ветерком и серебристая прохлада каналов Венеции, знойные, раскаленные пески Индии, звонкая медь осени в Аштараке и ледяная краса русской зимы — все эти, казалось, несовместимые по колориту, по сюжету, по географии пейзажи слились в один стройный гимн красоте природы, гимн матери Земле...

Не первый день я приезжаю на Кропоткинскую улицу, не первый час брожу по анфиладе зал, любуясь на выставке картинами, и не перестаю удивляться, как все-таки мало я знал масштаб дарования моего друга, друга моего детства — Дмитрия Аркадьевича Налбандяна.

Я привык видеть его в мастерской за работой над большими композиционными картинами, насыщенными пафосом революции, населенными десятками, а порою сотнями людей, и за этой кипучей деятельностью художника-гражданина я где-то недосмотрел, не увидел, не почувствовал до конца вторую, не менее весомую сторону таланта этого прекрасного живописца, его лирическую, поэтическую душу пейзажиста. Дмитрий Аркадьевич создал целый ряд великолепных пейзажных сюит, которые я впервые увидел в таком объеме на его персональной выставке в стенах Академии художеств.

Но не только пейзажи — яркие, мажорные, жизнелюбивые — потрясли меня. На этой же выставке среди 300 работ, экспонированных художником (а ведь это всего лишь одна четверть из всего созданного им), представлено несколько десятков превосходных портретов — целая галерея образов современников, среди которых можно встретить старуху — сборщицу винограда и прославленного маршала, рабочего-металлурга и всемирно известного композитора. Спору нет, я, конечно, знал Налбандяна как талантливого портретиста (я имел счастье сам ему позировать и наблюдать, с каким блеском и мастерством преодолевает художник любые живописные задачи), но опять-таки только на этой выставке впервые я ощутил именно масштабность его галереи современников, глубину проникновения и психологического решения портретов.

Сейчас, когда на многих выставках мы с печалью отмечаем утерю целой группой художников мастерства, традиций реалистической школы, особенно приятно полным голосом отметить полнокровную живопись портретов Налбандяна, написанных в лучших традициях нашей отечественной школы. И особенно важно то, что, придерживаясь строгой построенности, художник сохраняет в своих портретах (несмотря на многосеансовое письмо) удивительную свежесть первого ощущения от свидания с моделью. Это качество свойственно живописцам лишь самого высокого класса.

Я не искусствовед. О Дмитрии Налбандяне написаны сотни больших и малых статей, и, конечно, мои короткие заметки — это всего лишь отзвук того тепла, света, радости, который подарил мне мастер своими темпераментными, добрыми, жизнелюбивыми творениями.

МИТО

Тбилиси. Старый город. Улочки чеканщиков, кожевников, кузнецов, ювелиров. Оглушительный шум, звон, перестук молотов, молоточков, визг пил. Все производство на улице, снаружи, рядом, на тротуаре. Здесь варят, парят, жарят.

Мы с Мито Налбандяном все свободное время пропадаем на Майдане. Да и как не пропадать там, когда что ни шаг — сказка! Вот идет караван верблюдов, тяжело нагруженный пестрой кладью. Впереди маленький ишак с колокольчиком на шее. Позванивают бубенцы, мерно переставляют мохнатые ноги-лапы верблюды, горячий ветер гонит пыль, пахнет пряностями, вьется дымок над жаровнями... Эти картины всю жизнь стоят у меня перед глазами, они упоительны и незабываемы, как музыка Римского-Корсакова «Шехеразада»...

В те дни Тбилиси был необычайно колоритен. Это был город контрастов. В нем жил и здравствовал самый настоящий патриархальный уклад. На балконах красивых домов восседали солидные деловые люди и не спеша играли в нарды. Медленно текла беседа. Внизу по звонким мостовым в шикарных фаэтонах носились по городу дворянские сынки, прожигавшие жизнь, а рядом на рабочих окраинах жила самая неприкрытая бедность.

Мне думается, что впечатления детства в душе каждого человека, а особенно в душе художника, оставляют неизгладимый след. Так было и с Мито. На всю жизнь он сохранил любовь к благородному ремеслу, труду, к ярким краскам и контрастам прекрасного родного города.

...Раннее утро. Тянутся угольщики, едут торговцы фруктами, везут горы изумрудных арбузов, янтарных дынь, в глиняных кувшинах тащат мацонщики кислое молоко в хурджинах. Бегут, неистово голося, мальчишки, предлагая прохладную воду: «Вода, вода, туннельная вода, кому надо, господа!!» А в этот гомон просыпающегося города из окон особняков вылетают стройные звуки гамм и этюдов: это дочки богатых родителей готовят уроки музыки... Звуковой ряд города. Он тоже оставил в памяти, в сердце свой след, помог будущему художнику быть более чутким, музыкальным, более острым к восприятию тех великих и малых неожиданностей и откровений, которые готовит нам природа ежеминутно, ежечасно. И маленький Мито учился чувствовать, видеть. И он сам уже много видел остро, точно, взволнованно.

Мы были в эти далекие годы всего лишь мальчишки, мы ходили в гимназию, мы носили ранцы и бились ими, как рыцари. Нам было вдвоем всего четверть века, и мы были счастливы. Ведь с нами дружило само солнце!

С ГРАБАРЕМ НА ЭТЮДЫ

Я долго стою у портрета Павла Радимова. Да и не только я. Многие, многие посетители подолгу вглядываются в черты этого замечательного русского поэта и художника.

Земной, веселый, воистину русский, лукаво щурясь, глядит на нас Павел Александрович Радимов. Большие грубоватые пальцы его крупной, мужицкой руки нежно перебирают струны гитары. Он негромко напевает протяжную ямщицкую песню, то грустную, то веселую... Улыбка сквозит через пшеничные усы. Все в этом портрете обжито, все — правда! Это одна из тех живописных удач художника, когда он, написав уголок комнаты или спинку дивана, вдруг дает возможность зрителю представить себе весь дом, всю его «душу».

Глядишь на этот портрет и словно слышишь скрип половиц, бой старых часов, пение самовара, и когда стихают дневные шумы, то явственным становится даже голос старого сверчка — друга поэта.

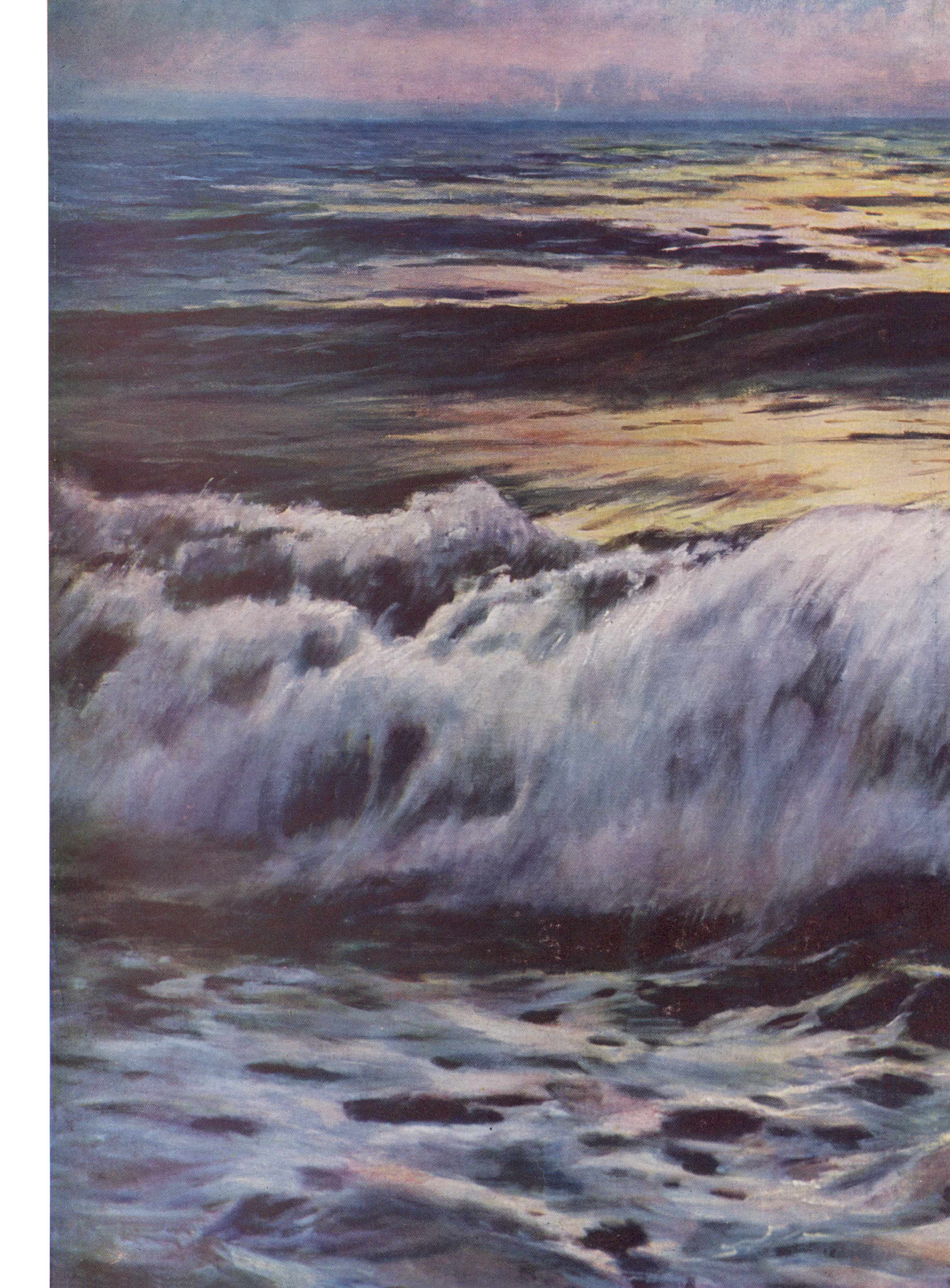
Этот портрет — не случайная веха в жизни художника. Налбандяна связывала с Радимовым большая дружба. Не раз они писали этюды в Абрамцеве, не раз коротали вместе длинные вечера, и тогда Павел Александрович много рассказывал о Есенине, Клюеве, Блоке. Много вспоминал о той поре, когда в Абрамцеве жили и писали корифеи русской живописи Васнецов, Серов, Врубель...

И вот этот дух большой сердечности, интимности нашел свое тонкое и проникновенное выражение в портрете Радимова, который написан

Д. Налбандян. ТЕПЛЕЕТ. УСПЕНСКОЕ.

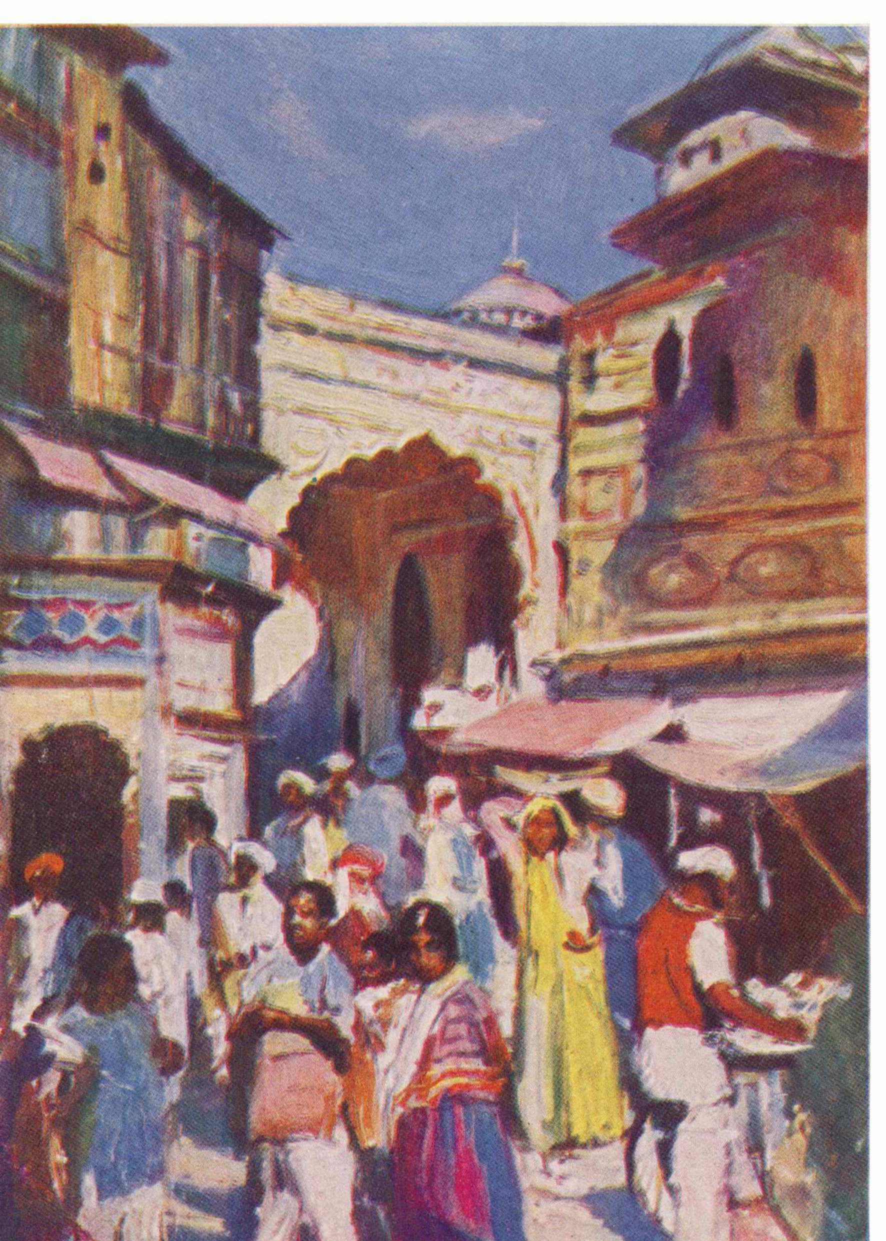
ОСЕНЬ В АШТАРАКЕ.

На развороте вкладки: УТРО. МОРЕ.

Д. Налбандян. ПОМПЕИ.

УЛИЦА ДЕЛИ.

в широкой живописной манере, традиционной для русской портретной школы.

Абрамцево. Это для Дмитрия Аркадьевича еще одно важное в жизни звено. Вот что рассказывал мне сам художник: «Здесь, в Абрамцеве, судьба свела меня с блестящим русским пейзажистом и искусствоведом Игорем Эммануиловичем Грабарем. Он тепло отнесся ко мне, тогда еще молодому художнику, брал меня с собой на этюды. Правда, я больше не писал, а наблюдал, как работает Грабарь, но не в этом дело. Дело в том, что он рассказал мне очень много важного о самом сокровенном в нашем мастерстве:

— Лучше писать этюд с натуры, зиму, весну, лето в один сеанс, как писали в свое время импрессионисты, ибо важно уловить в природе неповторимый момент».

Этим советам Грабаря Налбандян следует и по сей день. И это отлично отражено в его пейзажах.

ВСЕ ЗОЛОТО ОСЕНИ

В пейзажах Налбандян раскрывает свои лучшие качества живописца — широту видения, колористическое богатство палитры и щедрое, доброе сердце художника-жизнелюба.

«Осень в Аштараке». Этот пейзаж написан расплавленным металлом. Будто мастер вместо палитры, тюбиков краски и кистей взял ковш и, зачерпнув из разных сосудов кипящую медь, бронзу, серебро и золото, плеснул их с размаху на холст, да так искусно, так вдохновенно, что вдруг перед нашим взором предстал погожий осенний день в Армении, высокие тополя, выцветшее небо и опавшие листья на выгоревшей траве. Как это получилось? Не знаю... Думается, что, несмотря на все чудеса электроники и автоматики XX века, технология создания этюдов «а ла прима» еще не разработана.

В залах выставки экспонированы десятки пейзажей, большинство из них написано в последние годы. Так, «Осень в Аштараке» создана в 1966 году, в год, когда автору исполнилось шестьдесят лет. Можно только позавидовать юношеской свежести глаза и верности кисти художника.

Одно из характерных свойств Налбандяна — его любовь к путешествиям. И не просто туристическая страсть к перемене мест. Нет, художнику присущи пытливость и потребность узнавать и отражать вновь увиденные характеры, пейзажи, жанр.

Поражает тонкость и точность пейзажных характеристик городов разных стран, где бывал автор. Как будто каждый из них имеет свой воздух, свой запах, свою внутреннюю музыку. Собственно, так оно и есть в жизни. Взгляните на парижские и итальянские этюды, висящие рядом. Какая бездна разделяет их...

Париж. Влажный воздух окутывает серебристой пеленой мосты, набережные, дома. Колорит этюдов сдержан, построен в жемчужной гамме. Помпея, Рим... Раскаленное солнце, белые сверкающие руины, плотное синее небо, сочная, почти черная зелень. Безошибочно, точно и просто решены эти картины.

«Старый Дели». Как хорошо о нем рассказывает сам художник.

«...Вся эта толпа движется, волнуется, кричит, меняется, создает свой особый неповторимый ритм древнего индийского города. Эти первые впечатления от Дели я зарисовал тут же в ряде этюдов. Только я расположился со своим этюдником на тротуаре, как меня сразу окружили добродушные индийцы, которые с интересом наблюдали за работой. Они восклицаниями выражали одобрение, когда видели в моем этюде-портрете схожие черты их товарищей.

Однажды как-то я поднялся на верхний этаж одного из домов и взглянул сверху на старинный восточный город. С высоты эти кривые, переплетенные, узенькие улочки выглядят, как сеть причудливо скрещивающихся резких морщин на загорелой старческой шее. По обеим сторонам улочек как бы срослись друг с другом бесчисленные лавчонки. А когда я зашел туда, то увидел владельцев-торговцев, которые лениво сидят в центре магазина и зачастую при появлении покупателя даже не поднимаются со своего места, так как они могут рукой достать и подать покупателю нужный ему товар. Мальчишка отгоняет веером многочисленных назойливых мух. Ведь на полках разложены такие разнообразные вкусные плоды: цитрусы, бананы, гранаты, яблоки, кокосовые орехи, издающие сильный аромат».

Нельзя не вспомнить, что за серию своих индийских работ художник Налбандян был удостоен в 1968 году индийской премии Неру...

«Море». Огромный холст, написанный накануне открытия выставки. В этой работе художник достигает большой живописной свободы и декоративности решения. Его кисть раскована, он легко преодолевает технические трудности, и его море живет, бурлит.

Холодные тона переливающихся голубых, синих, изумрудных, бирюзовых цветов моря и теплых металлических бликов солнца создают богатую симфоническую гамму — праздник цвета и света рождает полную иллюзию вечно живой стихии.

ТРУД, ТРУД И ЕЩЕ РАЗ ТРУД

Зайдите в мастерскую любого художника, окиньте ее взором, и перед вами встанет портрет автора произведений, создающихся в ней. Конечно, бывают исключения, но не о них пойдет речь.

В огромной мастерской на улице Горького, когда бы вы ни пришли к добродушному и гостеприимному художнику, всегда стоят большие холсты в работе.

Труд. Вот что царит в этом помещении, где на стенах развешаны старинные персидские щиты, шлемы, личное оружие Шамиля, мечи самураев, индийская чеканная посуда, дагестанские сабли редкой отделки и даже... личный пистолет Наполеона. Все эти редкие и красивые предметы не просто хобби художника, хотя я только начал список редкостей, в которые входят тибетские будды, армянская чеканка, вьетнамские лаки и русские народные игрушки... Да, это не просто коллекция — это отражение неуемной любви живописца к ремеслу, к прикладному искусству, проходящей через всю его жизнь из далекого детства, когда малыш Мито часами простаивал, любуясь мастерством ремесленников Майдана...

На одной из полок среди книг художник бережно хранит небольшую бронзовую скульптуру — «На луну». Это работа Евгения Лансере, отца его любимого учителя Евгения Евгеньевича Лансере, о котором он всегда вспоминает с чувством горячей признательности и восторга.

Это еще одна характерная черта мастера — верность. Верность дружбе, школе, традициям, своему призванию, взятой на себя жизненной задаче.

Кстати, вот о чем порою стоит подумать и поразмыслить. Ведь при той талантливости и быстроте, с которой Налбандян пишет пейзажи и портреты, он мог бы, как говорится, на этом и успокоиться — его доброе имя живописца осталось бы навсегда. Но нет, он пишет картины, сложные по решению, несравнимо более многотрудные, требующие предельной отдачи сил.

В этом его подвиг художника-гражданина. Ибо он считает создание образов вождей революции, образа Ленина своим главным трудом, главным делом...

Когда б вы ни пришли к Дмитрию Аркадьевичу, а я бываю у него не один десяток лет, у него есть всегда что показать, он всегда хочет поделиться своими радостями, сомнениями, раздумьями, его мольберт никогда не бывает пустым, на нем всегда очередная работа.

Пожелаем же этому неуемному труженику еще многих, многих лет, посвященных благородному и красивому делу — живописи.

ПРИЗНАНИЕ

Эта маленькая статья была бы неполной, если бы я вас не познакомил с книгой в твердом синем переплете. Это книга отзывов посетителей выставки Налбандяна.

В ней сотни записей. Вот некоторые из них:

«Давно не было такой выставки. Я отдохнула душой. Насладилась гармонией красок.

Сочно, живописно, свободно. Это настоящая живопись безо всяких «мод» и выпендриваний.

Это жизнь во всей своей необыкновенной прелести, поэтичности, музыкальности, во всем своем многообразии.

Чудесная, незабываемая выставка.

9 ноября 1968 г.

Художник Панфилова».

«Только с музыкой можно сравнить ту переполненность чувств, какую испытываешь после посещения выставки большого, необычайно эмоционального художника — мастера в самом высоком смысле этого слова — Д. А. Налбандяна. Поражает диапазон выставленных работ как по тематике, так и по блистательному стилевому мастерству их воплощения. Удивительная теплота пейзажей, артистически тонкое ощущение природы...

14/XI—68 г.

Музыковед и солистка Московской филармонии, засл. раб. культуры РСФСР
Р. Баранова».

«Кажется, много говорят о реализме, ищут критерии для отличия подлинно реалистических вещей от всего остального...

Правильно все же говорил Чернышевский, что прекрасное — это жизнь. Лучшее подтверждение можно найти на этой выставке. Картины живут, радуются, светятся жизнью.

Какая природа! Вот где природа раскрывается нам в своем движущемся великолепии. А наш Ленин?! Как будто входишь в эту полуосвещенную комнату, и честно сказать, дыхание замирает. Спасибо за Ленина.

И я рад сказать, что этот художник рисует не как в XIX, а это наш современник.

Спасибо.

Студент МГУ — Мухамедзянов О. А.».

«Налбандян — прежде всего трудолюбивый мастер высокого класса, реалистического, то есть наиболее мною любимого направления в живописи. Портреты и цветы Налбандяна вполне соответствуют высшему уровню «Третьяковки»...

В. Михеев, инженер,
1908 г., член КПСС».

«Большое человеческое спасибо за музыку цвета (особенно за пейзажи и натюрморты).

Простой любитель, не знаток. 20/X—68 г.

Работник «Трехгорки» Алаев».

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

МЕДАЛЬ ЗА ШУБУ

Можно ли коричневую норку превратить в... жемчужную? Я отвечу, только боюсь, вы не поверите. Надо норку просто перекрасить. И два человека — Дмитрий Константинович Беляев и Вадим Иванович Евсиков — сумели это сделать. Красили они норку живую, в натуральном виде. И за это их наградили медалью ВДНХ.

Дмитрий Константинович и Вадим Иванович работают в Институте цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук, точнее — в лаборатории эволюционной генетики животных. Сотрудники этой лаборатории, используя генетические закономерности, создают норок новых цветов. Эксперименты ведутся на специальной норковой ферме в сосновом лесу. Здесь вам покажут обычную коричневую норку, уже знакомую нам жемчужную, сапфировую, серебристо-голубую... Даже трудно поверить, что это все тот же зверек. После того, как он сменил цвет своей шубки, его передают в звероводческие совхозы. Лаборатория института цитологии и генетики скоро возьмется за нового пациента — соболя. Какого цвета он будет?!

Л. ЮРЬЕВ

— Поглядите, какая красавица! — показывает свою питомицу-норку зверовод Евдокия Сергеевна Зюзина.

Фото В. Лещинского.

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКОГО ПРАДЕДА

Путешествие по следам выдающегося русского ученого Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского совершила его правнучка, видный ленинградский биолог, доктор наук Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская. Будучи в Киргизии гостем ученых-ботаников республики, она проехала на машине вокруг Иссык-Куля часть того пути, который проделал более ста лет назад верхом на лошади ее великий прадед. По пути то и дело попадались свидетели научного подвига первооткрывателя Тянь-Шаня: клен Семенова, пихта Семенова, ледник и пик в каменном сердце гор названы именем Семенова, Семеновская щель — в Боамском ущелье. Правнучка положила тут к подножию скалы, на которой высечен портрет ее великого предка, цветы.

После короткой остановки в селе Семеновке машина направилась к городу, который носит имя последователя Петра Петровича Н. М. Пржевальского. Море белесого чия, которое колыхалось в этих местах столетие назад, уступило место благоустроенным селениям, курорту и городу-саду, просторно раскинувшемуся у могучего озера. Там, где многие месяцы с большим трудом пробирались первые экспедиции русских ученых, пролегли удобные серпантины шоссейных дорог, вытянулись, вздыбившись над хребтами, мачты высоковольтных линий электропередач.

Расставаясь с киргизскими коллегами, А. М. Семенова-Тян-Шанская сказала:

— Мой прадед положил начало изучению хребтов Тянь-Шаня, их географии, геологии, флоры и фауны. Мне приятно было убедиться, что начатое им дело — в добрых и надежных руках большого отряда ученых Киргизии.

А. КОМАРОВ

А. М. Семенова-Тян-Шанская.

Фото А. Клейменова, (КирТАГ).

В цехе сборки и отладки автоматических линий.

ПОДАРКИ-ДВОЙНИКИ

Это двойники предметов, хранящихся в кремлевском кабинете Владимира Ильича Ленина. Только те, которые в Кремле, вручены лично Ильичу в качестве подарка от аварской бедноты в феврале 1921 года, когда он принимал делегацию дагестанских трудящихся. С тех пор они лежат в ленинском кабинете. А история их двойников такова. Готовясь к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, сотрудники Тбилисского филиала Центрального музея В. И. Ленина стали искать в Дагестане народного умельца, который взялся бы повторить сделанное почти полвека назад. И оказалось, что жив-здоров один из авторов подарка Ильичу, унцукульский резчик по дереву Нурмагомед Ханбудаев. Работает в селе Унцукуль и ученик другого автора подарка, ныне уже покойного мастера Магомеда Кебедова — Магомед Абдулгаджиев. И есть в этом селе целая художественная фабрика, вырастившая многих умельцев. Все эти люди с радостью взялись изготовить копию подарка Ильичу, выбрали, как и в те далекие дни, лучшие куски абрикосового дерева, вырезали чернильный прибор, подсвечники и т. д., инкрустировали все это мельхиором...

В кремлевском кабинете Ленина произошла встреча заказчиков и исполнителей. Копии сличили с оригиналами, и вещи отправились в Тбилиси, в экспозицию ленинского рабочего кабинета.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька».
Фото Г. Хамашуридзе.

ПОКОРИТЕЛЯМ ОГНЯ

Этот монумент — памятник, символизирующий беспримерный героизм советских людей, воздвигнут на самой оживленной магистрали Грозного, города нефтяников и химиков, на улице Индустриальной. Автор монумента — грозненский скульптор Руслан Мамилов.

В середине октября 1942 года на прифронтовой город Грозный волна за волной налетело 75 фашистских самолетов. Заполыхали нефтехранилища, с оглушительным стоном рвались многотонные резервуары. Над городом нависла гигантская черная туча. И в этом кромешном аду сражались с огнем грозненские пожарные, рабочие, солдаты и офицеры Советской Армии. Имена героев отлиты на чугунной плите, укрепленной на пьедестале памятника: начальник караула И. Г. Шахворостов, командир отделения П. Е. Рубцов, шоферы С. Я. Перепелица и И. Б. Васильченко, бойцы Г. Т. Рудь, Ф. Ф. Коробейников, Н. Д. Дедусенко... И еще много других имен.

Ю. ЛАДОНИЦКИЙ.

Фото Е. Меграбова.

«ХИЖИНА ЛЕСНИКА»

Деревянный бревенчатый дом. Рядом — пять шалашей. Все это неподалеку от Новороссийска, при въезде в город. Это ресторан «Хижина лесника». Внутри дома — ресторанный зал, буфет, кухня. Мебель — большие столы, табуреты на массивных ножках. А на стенах — охотничьи трофеи. Дорожка, ведущая к ресторану, освещается старинными фонарями. Удачно эту нестандартность дополняет изгородь из березовых жердей.

Снимок сделан в ресторане «Хижина лесника».

К. ХОМУТЕНКО.

Фото Н. Архангельского.

«СЕВЕРНЫЙ» ДЛЯ СЕВЕРНЫХ ДОРОГ

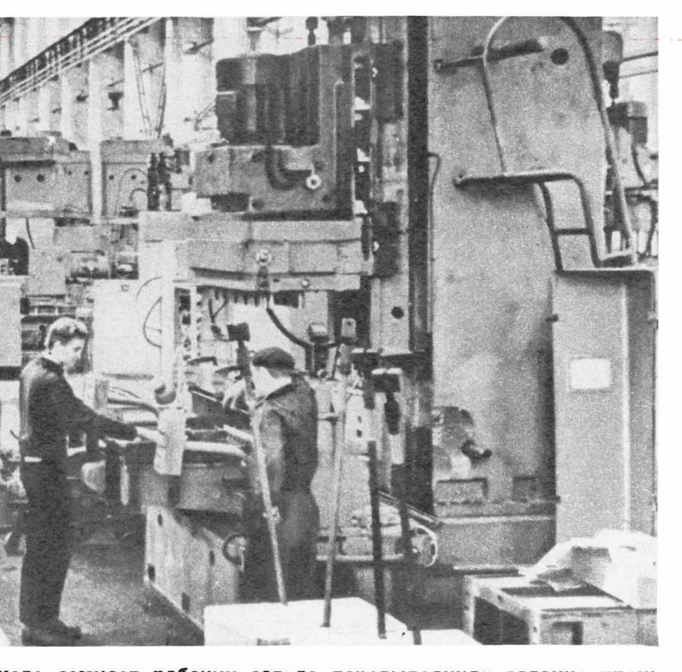

Это «ПАЗ-672С». Сейчас автобус стоит на ВДНХ. Но для него более привычны северные дороги. ПАЗ с индексом «С» — северная машина, предназначена для городских и пригородных линий. Крыши и боковины автобуса имеют прокладки из пенопласта. Пол также изолирован. А оконные стекла — двойные, морозонепробиваемые. Под стать и отопление салона.

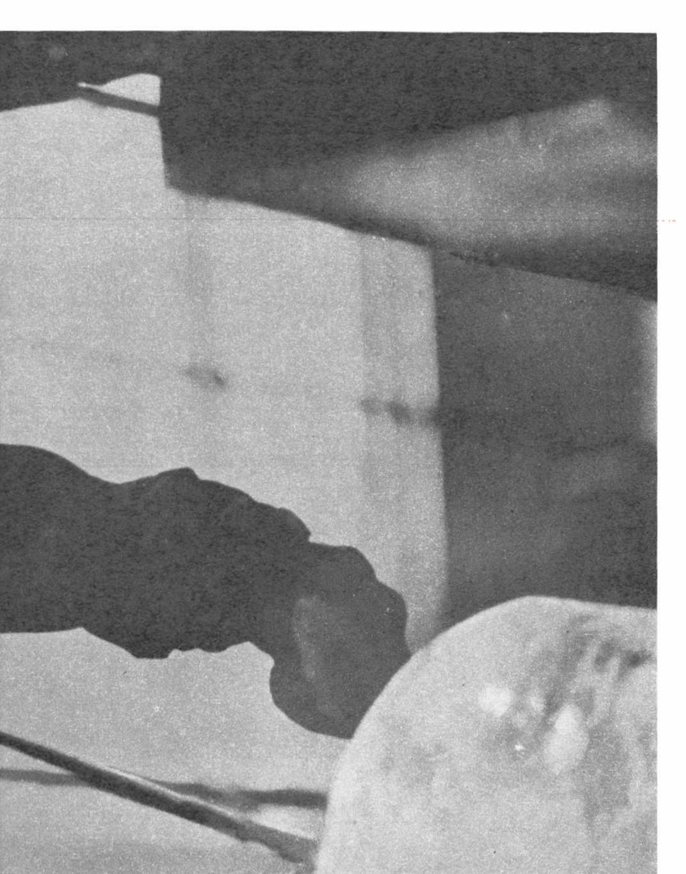
Любопытно, что использованные в машине резиновые изделия не теряют эластичности и прочности даже при температуре до минус 60°С. Не случайно же автобус назван «Северным»!

Фото К. Каспиева.

МИНСК — ЛЕЙПЦИГ

…коло семисот рабочих завода перевыполнили задание прош-…ого года. Один из них — кузнец Анатолий Гришин: он уже заканчивает выполнение пятилетки.

Эти фотографии сделаны фотокорреспондентом «Огонька» М. Савиным на Минском заводе автоматических линий: его коллектив среди правофланговых ленинской трудовой вахты. Все тут нацелено на главное направление — технический прогресс. Ручной труд в цехах вытесняют автоматы, и даже подача заготовок к станку механизируется.

Недавно из Минска в Лейпциг, на весеннюю ярмарку, была отправлена автоматическая линия для обработки картера заднего моста легкового автомобиля «Москвич-412». 12 станков, объединенных единой транспортной системой, за час обрабатывают более семидесяти деталей. Работу всех агрегатов контролируют с центрального пульта управления два оператора и наладчик.

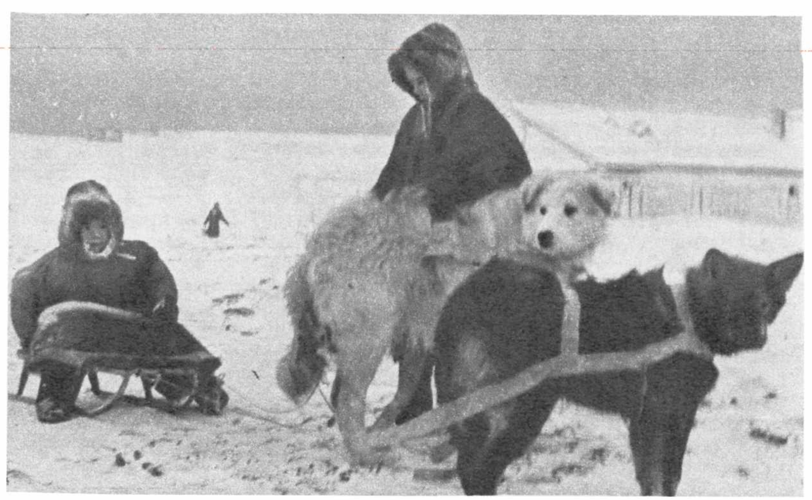
А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька».

БОЛЬШОЙ ЧУМ ЯМАЛА

Когда на улице снег девять месяцев в году, не очень-то хочется вылезать из теплого чума. Но выходить надо, Сашка уже большой. Ему семь лет, и он умеет поставить собак в упряжку и даже тынзян на оленя пытается накинуть. Ничего не боится Сашка. Но когда приехал к ним человек с непонятным именем Учитель, он вдруг заробел и спрятался за чум. Учитель поговорил о чем-то с родителями, и те стали снаряжать Сашку в путь. Сашке никуда ехать не хотелось, и по дороге он намеревался убежать, но потом раздумал, потому что увидел: учитель ему плохо не делает и рассказывает интересные сказки про семерых богатырей. Так и приехали Сашка и учитель в Большой Чум, какого он в жизни не видел и который все называли интернатом. Множество таких же маленьких ненецких мальчишек и девчонок жило в нем — днем они рисовали на черных досках непонятные значки, а вечером играли или слушали сказки. Постепенно и Сашка научился разбирать значки — буквы, которыми были усеяны страницы книжек. Он узнал много нового, узнал, что земля не везде покрыта тундрой, что есть деревья, которые в тысячу раз больше карликовых березок, что есть далеко-далеко страна Африка, жители которой никогда-никогда не видели снега... Этому Сашка все-таки не верил и решил, когда вырастет, съездить сам в эту страну, посмотреть. Тогда он запряжет в нарты самых лучших оленей...

Да, много еще предстоит узнать маленькому ненцу Саше Окотэтто и его сверстникам в школе-интернате. Каждую зиму из разных концов тундры, из дальних чумов привозят их сюда родители и учителя — за знаниями. Здесь, на Ямале, находится самая северная школа в Советском Союзе.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька». Фото автора.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

Юрий РЫТХЭУ

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ОТЛЕК

Почему это время прошло? Она ведь видела каждую травинку, каждый листочек и каждый камешек на морском берегу! Небесная синь была для нее разной густоты от горизонта до зенита, и цвет морской воды менялся от ее собственного настроения. Неужели то, что было, было только свойством детского восприятия, способностью детского глаза?

«Почему я вижу вместо отдельных травинок сплошной зеленый покров, галечный пляж, небосвод и океан и мне нужно напряжение и внимание, чтобы вглядеться в очертания отдельного зеленого листочка?»

Однажды Эмуль спросила об этом саму себя и удивилась.

Новорожденную вынесли на берег моря. Гальматэгин окунул ее макушку в соленую воду Ледовитого океана и сказал:

— Хорошо, что родилась летом. А то бы пришлось оттирать снегом.

Эмуль родилась почти бездыханной. Шамайке-повитухе пришлось вдохнуть ей собственное дыхание, а чтобы синяя кожа покрылась румянцем, она велела деду Гальматэгину окунуть внучку в студеную волну.

Все это происходило в строгом секрете от отца. Рочгын в это время заседал в домике сельского Совета и обсуждал вопрос об искоренении старинных вредных обрядов. Когда он узнал, было поздно: на шее дочери висел амулет, вырезанный Гальматэгином и изображавший маленького тюлененка с белой серебристой шерстью.

— Кому это мешает? — возразил Гальматэгин на намек сына насчет того, что не мешало бы снять с шеи дочери знак невежества и пережитка. — Это все равно, что снять с шеи Павловны ожерелье из стеклянных бус.

Павловна была женой колхозного бухгалтера и работала продавцом в магазине. Она была активным помощником по искоренению вредных пережитков и первая пошла по ярангам, выискивая бубны и старинные амулеты. В колхозном клубе она открыла курсы современных танцев, а ее муж Гаври-

ла Семенович обучал молодых охотников и девушек игре на балалайке, гитаре, мандолине и гармошке. По тихим вечерам из-за тонких стен клубной яранги неслись стройные струнные звуки песни «Светит месяц», и полярное сияние цветными сполохами отзывалось на дружные аккорды.

Гальматэгин был уже стар для морской охоты и поэтому устроился работать в местную косторезную мастерскую. Здесь сидели такие же старики, как он, да несколько калек — Кэрголь с искривленными с детства ногами и горбатый Аамро, пришедший откуда-то из глубинной тундры.

Родители Эмуль были занятые люди: отец был председателем сельского Совета, а жена его возглавляла комиссию по внедрению нового быта. Поэтому с девочкой больше возился Гальматэгин, а когда отпала необходимость грудью кормить девочку, она перешла полностью на попечение деда, который таскал ее повсюду с собой. Когда он пошел работать в мастерскую, мастерская стала родным домом для Эмуль.

Бурные годы пришлись на детство Эмуль. Прогремела Великая Отечественная война. Она запомнилась Эмуль названиями далеких городов от Сталинграда до Берлина, разговорами о нехватке табаку и приездом американских эскимосов, которые, напившись, громко ругали своего президента, запретившего продажу спиртных напитков малым народам американского Севера.

Эмуль уже ходила в школу, хорошо говорила по-русски и изучала английский язык.

К концу войны Эмуль завершила свое семилетнее образование и получила свидетельство — красивый лист, похожий на облигацию займа. Директор школы уговаривал ее ехать в Анадырское педагогическое училище, сулил потом учение в Ленинграде, но Эмуль осталась в родном селении. В ее решении остаться многие увидели вполне разумное желание помочь своим родителям: к тому времени, когда Эмуль окончила семилетку, в сельсовет пришел другой человек, а мать больше не боролась за внедрение нового быта, потому что в военные годы пришлось вспоминать многое древнее, чтобы продержаться. Даже школьные классы иногда освещались жирниками, которые в своих обличительных речах мать Эмуль называла не иначе как «дымными», «извергающими черную копоть пережитков».

Отец оказался не очень расторопным во льдах и на вельботе. К величайшему его огорчению и разочарованию тех, кто в свое время предлагал его кандидатуру в председатели сельского Совета, он оказался чуть ли не на последнем месте.

Эмуль пошла работать в столовую. Ей нравился чистый, просторный зал в новом доме, который был открыт тремя большими окнами всем утренним лучам. Но самое интересное и привлекательное было в том, что в столовую приходили новые люди, приезжие, командированные из районного центра, из Анадыря, из области. В отличие от постоянных посетителей они хвалили отбивные из нерпичьего мяса и моржовую печенку. Они любезничали с официантками, назначали им свидание возле нового колхозного клуба, спрашивали о том, у кого можно купить нерпичьи шкурки, вышитые тапочки и пиликены из моржовой кости.

Да, пиликены в последние годы пошли в ход. Изображения сытого, прижмурившегося божка украшали стеллажи учителей, стояли на письменных столах и даже висели в ушах некоторых модниц.

Они десятками изготовлялись из отходов моржовой кости и сбывались «налево». Ни один из косторезов не избежал пиликеновой лихорадки. Дольше всех сопротивлялся искушению Гальматэгин, но потом плюнул и взялся за изготовление божков.

Многие приезжие прямо в столовой подходили к Эмуль, передавали приветы от знакомых и просили устроить десяток-другой божков-пиликенов. Эмуль передавала заказ деду, и тот по вечерам включал домашнюю бормашину, и острая фреза с визгом вгрызалась в моржовую кость. Однажды Эмуль спросила, что значит этот маленький божок, который пользуется такой популярностью. Дед замялся.

— Это символ невежества и алчности. Его вешали на охотничье снаряжение, чтобы все дурное сосредоточивалось в нем, уходя от живого обладателя. Это как бы мусорное ведро, которое человек носил всегда с собой, как иные больные носят при себе плевательницу. Если человек чувствовал, что его начинают одолевать темные помыслы и нечистые желания, он заводил себе пиликена, а избавившись от дурных страстей, избавлялся от него, выбрасывал его... Сейчас пиликена покупают в общем-то хорошие люди. Мне совестно, но ничего не могу поделать. Я им объяснял, что значит этот бог, но меня не слушали: говорили, что пиликен нынче очень моден.

Неожиданно скончался дед. Это было печальной неожиданностью не только для родных и близких Гальматэгина, но и для всех жителей селения.

Старика хоронили по новому обряду, в гробу, с речами, а на могиле поставили фанерный обелиск с красной звездочкой на вершине, и по этому поводу кто-то проронил:

— Словно партизан, а не косторез.

При жизни Гальматэгина никто не задумывался об этом. Но после его смерти оказалось, что престарелый косторез, по существу, содержал свою семью. Вдруг обнаружилось, что не на что купить чаю и сахару, из посудного шкафчика исчезли такие лакомства, как сгущенное молоко и конфеты.

Рочгын недоуменно разводил руками и посылал жену занимать деньги к соседям.

Однажды Эмуль заглянула в рабочий ящик Гальматэгина. Все его инструменты — от ножной бормашины до набора различных фрез, шильцев, напильничков, шлифовальной бумаги — были в идеальном порядке. В другом отделении лежали десятка три недоделанных пиликенов и что-то тяжелое и длинное, завернутое в мягкую оленью замшу.

Эмуль осторожно развернула сверток и вздрогнула от удивления и неожиданности: перед ней лежал расписанный полированный моржовый клык.

Эмуль пристально вгляделась в рисунки, и тихое волнение охватило ее. Она не знала и не задумывалась, что коснулась большого искусства, и таинственные струны ее души оказались созвучны мыслям рисовавшего.

На клыке был изображен тот мыс, на котором впоследствии построили мощный маяк. Именно с этого мыса и открывается лучший вид на селение, когда можно различить каждый дом и даже узнать каждого прохожего. На одной половине клыка изображалось старое селение с ярангами и с несколькими европейскими домиками. На другой половине стоял уже современный поселок с рядом деревянных домиков, протянувшихся от подножия мыса до старого, поставленного еще в тридцатые годы ветродвигателя.

Возле домов можно было различить людей. У морского побережья выгружали из вельботов моржовое мясо, а чуть поодаль, приткнувшись к берегу, стояла баржа, и грузчики катили к берегу бочки. На рейде дымил пароход. И этот пароход тоже не был пароходом вообще, его тоже можно было узнать и прочитать на борту выведенное маленькими буквами «Анадырь» и порт приписки — Владивосток.

Эмуль рассматривала клык и чувствовала, как слезы застилают глаза. В душе ее звучала мелодия воспоминаний и нежная горечь от мысли, что это мгновение, запечатленное в чуть поблекших красках дедова рисунка, уже больше никогда не вернется, как не встанет из могилы и не заговорит дед Гальматэгин.

Разглядывая клык, Эмуль чувствовала себя возвращенной в детство, когда она видела каждую травинку, каждый листочек и каждый камешек на морском берегу... Ее пронзающее зрение уходило в глубь моржового клыка и вызывало мысли и чувства, образы и звуки прошлого, пережитого. И многократно усиленный луч вдруг возвращался в настоящее и высвечивал уже в ином свете то, что казалось таким знакомым и обыденным.

Эмуль осторожно завернула клык и положила на место.

Как-то раз в столовой к ней подошел синоптик полярной метеорологической станции Прохоров и смущенно сказал:

— Ваш покойный дед обещал мне сделать десять пиликенов... Может быть, он их уже и сделал, но просто не успел передать... Тем более деньги за них он уже получил... Извините меня. Посмотрите, пожалуйста...

Гладко выбритое лицо Прохорова, румяное, плотное, не поддавалось его усилиям изобразить на нем жалость и неловкость, оставаясь по-прежнему жизнерадостным, сытым и самодовольным.

— Я посмотрю,— склонив голову, пообещала Эмуль.

Вернувшись домой, она достала дедов рабочий ящик и стала перебирать заготовки пиликенов. Ни одного целого, готового не оказалось. Эмуль взяла одну заготовку, достала инструменты и принялась обтачивать податливый моржовый клык. Довольно легко она выточила круглое брюшко, торчащие из-под нависшего живота ножки, отвислые груди, но на лице резец запнулся... Эмуль пыталась воссоздать тот примелькавшийся, стандартный облик божка, но рука, еще недавно такая уверенная, вдруг стала робкой.

Первый пиликен был отложен. И Эмуль, возможно, никогда бы к нему не вернулась, если бы Прохоров не напомнил:

— Дед отличался честностью и порядочностью. Когда я предложил ему деньги вперед, он отказывался, но я сам настоял. Знаете, у меня скоро отпуск, хочу привезти отсюда подарки. Вышитые тапочки у меня уже есть, нерпичья шапка тоже, вот только остались пиликены, а они нынче в моде. Неужели он так ничего и не оставил? Посмотрите, пожалуйста, хорошенько.

— Хорошо, посмотрю,— обещала Эмуль.

На этот раз не надо было диктовать руке. Она сама уверенно повела резец, и Эмуль делала лишь одно усилие — не упускала розовое и гладкое лицо синоптика, который силился изобразить сочувствие и смущение.

Остальные пиликены были похожи на первого, как две капли воды. Под конец Эмуль уже не пользовалась резцом, а поставила бормашину и обтачивала божков с помощью крутящейся фрезы.

Прохоров был очень доволен. Он долго вертел в руках пиликены, цокал от удовольствия языком.

— Я не ошибся, когда заказывал вашему деду пиликенов. Какие выразительные рожицы! Сразу видна рука большого художника. И никакого тут примитива нет! Это, по существу, самый честный взгляд на мир.

Но Эмуль плохо слушала синоптика, на душе у нее было легко и светло от мысли, что она охранила память деда и заплатила его долг.

Вернувшись с работы, Эмуль застала отца за дедовским рабочим ящиком. Рочгын держал перед собой разрисованный моржовый клык, и что-то новое, необычное появилось в выражении его лица.

— Боюсь, что за него много не дадут,— задумчиво проговорил отец.— Ничего особенного, выдающегося. Просто жизнь... Да, не умел соображать дед, не умел идти в ногу со временем. Когда другие осваивали новые темы, он все резал охотника на тюленя да зверей. Гоголя сделали из моржового клыка, а дед оленя полировал! А что нарисовал Куннакай на моржовом клыке? Не знаешь? Взятие новых обязательств на звероферме. Вот что значит идти в ногу со временем!.. А это,— Рочгын пренебрежительно пожал плечами,— в лучшем случае годится на премирование уходящего на пенсию. Да, много не дадут...

— Ты хочешь продать этот клык? — спросила Эмуль.

— Да,— ответил Рочгын.— Что он будет без пользы лежать в ящике? Глядишь, рублей двадцать за него дадут.

— Отец, не продавай! — взмолилась Эмуль.— Я лучше тебе наделаю пиликенов!

— А на что тебе этот клык? — усмехнулся отец.— Ты уже не маленькая, чтобы забавляться.

— Я тебя очень прошу,— притихшим голосом просила Эмуль.— Каждый пиликен ты можешь продать за пятерку.

— Пиликены — это хорошо,— с довольным видом сказал Рочгын.— Они теперь в моде. Хорошо, дочка, подожду продавать клык.

Эмуль положила клык обратно в дедов рабочий ящик и принялась за работу. За несколько дней она выточила из дедовых заготовок десятка полтора пиликенов. Рочгын был очень доволен и хвалил дочь:

— Твои пиликены самые лучшие! Так говорят знатоки: у них осмысленное выражение.

По вечерам в домике Рочгына жужжала бормашина, и белая пыль ложилась на волосы склонившейся над куском моржового клыка Эмуль. На небольшом столике рядком выстраивались один за другим божки и тускло отсвечивали отполированными животами при ярком электрическом освещении. Через некоторое время Эмуль обнаружила, что изготовление пиликенов доставляет ей удовольствие. Ей нравилось брать холодный, мертвый клык и оживлять его собственным теплом. Кость долго хранила тепло, и иногда ранним утром, еще до того, как надо было идти в столовую, Эмуль брала недоделанный пиликен, и он бывал еще нагрет вчерашним теплом. В каждом из божков с огромным, от уха до уха ртом, длинными, свисающими ушами Эмуль старалась воплотить чей-нибудь облик.

Обычно это был портрет самого заказчика, но сделан он так, что только одна Эмуль могла узнать в веселом и самодовольном божке лицо реально существующего человека.

Заказов становилось все больше, Эмуль едва успевала точить вечерами уже порядочно надоевших божков.

Но отец был очень доволен и, сидя за рюмкой вина, глядя на сосредоточенно склонившуюся голову дочери, говорил:

— Дедово мастерство перешло к тебе! Странная вещь: вроде я ближе к нему, а сделать из кости ничего не могу — не дано мне это мастерство!

Эмуль молча выслушивала его, выполняя свою вечернюю норму, и ложилась в постель. Электрический свет в селении выключали ровно четверть первого, и до того, как лампочка начинала моргать в знак скорого угасания, девушка успевала уже который раз внимательно рассмотреть картины на моржовом клыке.

Затаив дыхание, она всматривалась в нежные голубоватые тени на белом, чуть желтоватом полированном клыке, и перед ней возникал отчетливый, понятный до последней травинки, до отдельной песчинки на морском берегу большой прекрасный мир. Какое волшебство было в этих моржовых клыках! Какую неведомую силу таили тонкие, наполненные красителем черточки, штрихи!

Начинала мигать лампочка, и Эмуль торопливо прятала под подушку клык. Она чувствовала его всю ночь и, просыпаясь среди ночи, ощущала далекое тепло дедовских рук, оставшихся в глубине моржовой кости.

Горячая волна поднималась в груди, и она начинала думать о себе самой, о том, что вот она живет просто так, без мыслей о том, что должно быть в будущие годы. У всех ее подруг были любимые или хотя бы те, по ком они вздыхали, каждая мечтала в будущем переменить свою жизнь, уйти из столовой куда-то в другое место, а вот Эмуль никогда не задумывалась об этом, и не было у нее парня, по которому она бы вздыхала. Со всеми своими ухажерами она была ровна и одинакова, и парни терялись в догадках, кому она отдает предпочтение, и выжидали или же находили тех, кто был более определенен и умел на главный вопрос жизни дать прямой ответ.

— Ты какая-то странная,— говорили Эмуль подруги, но она загадочно улыбалась и ничего не говорила в ответ. Так было до недавнего времени, пока в столовой не появились археологи во главе со своим молодым бородатым начальником Геннадием Барашевым.

В осенний штормовой рассвет она ушла на берег моря. Иногда зоркий глаз мог найти в разноцветье отполированной холодной гальки осколок цветной моржовой кости. Выпавшие клыки, пробыв долгое время в морской воде, обретали иной цвет на всю глубину кости. Они были особенно дороги, и пиликен из такого обломка ценился раза в два выше, чем из обыкновенной белой кости. В темноте долгого утра светились верхушки волн, и соленая водяная пыль освежала лицо.

На галечном берегу лежали выброшенные волной морские звезды, плети морской капусты, пустые раковины, голоспинные рачки, креветки. Иногда попадались искореженные пустые консервные банки с диковинными этикетками, и Эмуль пыталась прочитать их, вспоминая полузабытые школьные уроки английского языка. Она жалела, что мало училась, но это сожаление появлялось лишь время от времени, когда она встречала в книге непонятное слово или какой-нибудь командированный гость заводил вдруг очень ученый и загадочный разговор. С языка Геннадия Барашева свободно лились такие слова, как палеолит, неолит... Чаще всего в разговоре археологов употреблялось слово «проблема», которое, к счастью, Эмуль хорошо знала из речи колхозного бухгалтера, одинокого горького пьяницы, который любил с тяжким вздохом повторять: «Главная проблема в понедельник — опохмелиться!»

Экспедиция Академии наук намеревалась разгадать загадку заселения американского материка. Они приехали ранней весной, пробыли несколько дней в селении, наняли два вельбота, нескольких рабочих и отправились в старинное поселение на мысу, в котором уже давно никто не жил. Там они провели в палатках все лето, изрыли лопатами все холмы и набили находками четыре огромных ящика и с десяток мелких. Все командированные предпочитали пользоваться воздушным транспортом, но археологи не поместились бы ни в самолет, а тем более в вертолет, и ничего другого не оставалось, как дожидаться парохода, который должен был завезти новые товары.

Археологи шумной толпой являлись задолго до часа открытия в столовую и шумно топтались на высоком крыльце, время от времени нетерпеливо постукивая в запертую дверь...

Эмуль дошла до скалистого обрыва. Дальше было опасно: какая-нибудь сильная волна могла припечатать человека к отвесной каменной стене и навсегда отбить охоту лезть на галечную отмель, которая чем дальше, тем больше сужалась, пока не сходила на нет.

Эмуль повернула обратно. В одной руке она несла охапку сладковатой морской капусты — мыргот и медленно жевала длинную плеть. Солнце уже пробивалось узкой красной полоской под черными, низко нависшими тучами. Мрак понемногу рассеивался, и верхушки высоких волн уже больше не светились. Затарахтел двигатель электростанции, вспыхнули окна деревянных домов, а вдали, где селение кончалось и начинался пустынный галечный берег, на вышке указателя ветра вспыхнул красный фонарь, похожий издали на потухшую звездочку.

Эмуль прибавила шагу. Чуть справа и сзади ей помогал устойчивый сильный ветер, толкал вперед ровно и напористо. Ей подумалось, что Барашеву и его товарищам придется порядочно просидеть в селении — в такую погоду пароход не придет, пройдет мимо или разгрузится где-нибудь в южном пункте полуострова, где ветер дует от берега.

Когда она дошла до столовой, к двери уже подходили подруги-официантки, а у крыльца толпились собаки в ожидании большого бака с объедками.

— Нашла драгоценный клык? — спросила заведующая.

Эмуль отрицательно покачала головой и аккуратно сняла здесь же, на крыльце, покрытый солеными каплями плащ-болонью. Плащи эти появились сравнительно недавно и пользовались большим спросом у жителей побережья, где все лето ветер и сырость. Эмуль стряхнула соленую влагу и вошла в столовую, уже нагревшуюся от рано затопленной плиты. Из кухни тянуло вкусными запахами.

До открытия столовой оставалось уже немного времени. Эмуль вместе с подругами обтерла покрытые цветным пластиком столы, поставила стаканчики с аккуратно нарезанными салфетками, проверила, на всех ли столах есть хлеб, и только после этого села позавтракать за крайний столик у окна. Она ела горячее оленье мясо и смотрела на высвечивающуюся из сумерек улицу селения. На горизонте, как раз в том месте, откуда должно было подняться солнце, была полоска чистого неба. Она уже не была ни красной и ни алой — в этом месте цвет был уже дневной. Эмуль перестала есть и подождала, пока не проклюнулся первый луч солнца. Край светила рос на глазах, и который уж раз Эмуль удивилась про себя, как стремительно в своем начале движение солнца: оторвавшись от линии горизонта, оно замедляет свой полет по мере удаления от него. Не успела Эмуль допить чай, как солнце полностью вынырнуло из воды и уже верхним краем дотронулось до нижнего края облака, предвещая пасмурный, ветреный день.

Археологи явились за пятнадцать минут до открытия столовой. Заведующая, выглянув в окно, разрешила:

— Ладно уж, впустите этих копателей.

Археологи усаживались все вместе, сдвинув два стола. Они приветливо и громко поздоровались с девушками, и Барашев тут же заказал:

— Все, что есть, по одной порции!

Это значило, что каждому надо подать по порции тюленьей печенки, оленьего рагу, по стакану кофе со сгущенным молоком и полной тарелке оладий. Аппетит у молодых ученых был завидный. И хотя они ни на минуту не прекращали за столом разговор, девушки едва успевали им подавать блюда.

В столовой не разрешалось курить, поэтому после кофе ученые не задерживались, старались быстрее вылезти из-за стола и выйти на крыльцо, где они еще стояли с полчаса, с наслаждением выкуривая первую утреннюю сигарету.

Но сегодня Барашев остался. Он как-то несмело, чуть бочком подошел к Эмуль и сказал:

— Я давно хотел с вами познакомиться...

Услышав это, Эмуль едва не выронила стакан с горячим чаем, который она несла бухгалтеру.

Она стояла и не знала, как ответить на эти слова, пока Барашев не продолжил:

— Вас-то я знаю, как зовут.

В столовой завсегдатаи окликали девушку русским именем, полученным ею еще в школе от учительницы, Эммой.

— А меня,— продолжал Барашев,— зовут Геннадием. Геннадий Барашев.— Он протянул смущенной девушке руку.— Вы подадите чай,— мягко произнес он,— а потом я вам что-то скажу.

Эмуль почти бегом донесла стакан до столика, за которым сидел бухгалтер, и вернулась.

— Я узнал, что вы хорошая мастерица,— сказал Геннадий таким голосом, что Эмуль от смущения отвернулась в сторону.— Да, это правда! — горячо продолжал археолог.— Мне удалось кое у кого посмотреть ваши пиликены. Это настоящие маленькие шедевры. Они чем-то напоминают древние костяные маски, которые иногда попадаются в неолитических захоронениях... Так вот, у меня к вам огромная просьба: сделайте нам десяток пиликенов! Хорошо? Пусть это будет мне памятью о Чукотке и о вас.— Геннадий Барашев учтиво поклонился.— Конечно, мне бы хотелось увезти более характерное произведение косторезного искусства, но времени нет. И вот я вас прошу, Эмма, сделать мне такое, чтобы я снова захотел приехать сюда... Договорились?

Геннадий Барашев улыбнулся и ласково заглянул в глаза Эмуль.

— Все это, разумеется,— добавил он приглушенным голосом,— за соответствующее вознаграждение.

Этот день был самым длинным днем в жизни Эмуль. Она не могла дождаться закрытия столовой, чтобы убежать к себе домой и засесть за работу... У нее есть обломок темного клыка, найденный в прошлом году. Она уже знает, что вырежет из него. Она вырежет такое, что Геннадий Барашев захочет вернуться на Чукотку.

Эмуль взяла в руки обломок клыка, отполированного морскими волнами, и вгляделась в него. Кость была почти черная, с едва заметным коричневым отливом. В глубине просматривались легкие переходы тона. Обломок был большой, почти половина огромного моржового бивня. Кость была плотная, крепкая. Эмуль долго вертела ее в руках, пока она не стала такой же горячей, как и ее ладони, нагревшиеся от волнения.

Что же изобразить такое, чтобы волновало человека, напоминало ему о самом сокровенном и близком сердцу? Эмуль принялась перебирать впечатления своей недолгой жизни, и вдруг словно неожиданный проблеск солнечного луча озарил ее память.

Трудно назвать год, когда это было. Однажды дед Гальматэгин взял ее в свою маленькую легкую байдарку. Они плыли морем по направлению к большой, отдельно стоящей скале. В прозрачной воде висели медузы, птицы любопытными взглядами провожали маленькую кожаную байдарку, а Эмуль не могла оторвать глаз от прозрачного днища утлого суденышка, и от сознания того, что под этой непрочной кожей огромная глубина, замирало сердце и какой-то сладкий сироп бился в коленках вместо горячей крови.

Косые лучи низкого солнца стлались над морской поверхностью, и птицы пугались собственных огромных теней. Гальматэгин греб молча и сосредоточенно. Вода со звоном капала с лопастей весел, а нос суденышка с журчанием рассекал морскую поверхность.

Эмуль с трудом отвела взгляд от переливающейся под тонким кожаным днищем воды и посмотрела вперед, где в солнечных лучах купался утес, с заплатами зеленого мха и белыми потеками птичьего помета. Эмуль вздрогнула от неожиданности: на одном из верхних уступов, опершись на короткие лапы, стояло удивительно красивое животное. Его отполированное, будто отлакированное, тело блестело на солнце. Но самым прекрасным была линия изгиба тела — это было такое совершенство, такое волшебство чистой линии, что Эмуль не сдержалась и воскликнула:

— Как красиво!

Дед перестал грести и обернулся.

— Это отлек — сивуч! — сказал он.— Редкий гость.

Отлек шевельнул головой и вдруг взлетел! Это был необыкновенный полет. Упругое и удлиненное тело отлека мелькнуло таким совершенством линий, что Эмуль застонала от восторга.

— Очень красиво,— заключил дед Гальматэгин, проследив за тем, как сивуч вонзился в воду и ушел в глубину.

И много раз позже Эмуль с неослабевающим волнением вспоминала полет отлека, и сейчас, когда она держала в руке нагретый ладонью моржовый клык, она вдруг почувствовала: если ей удастся воспроизвести ту линию тела отлека, эту чистоту и выразительность, — получится как раз то, что всегда будет напоминать Геннадию Барашеву о прекрасной земле Чукотке.

Эмуль пристроилась под электрической лампочкой и принялась резать. Она ничего не видела вокруг себя — ни мать, ни отца, она машинально выпила вечерний чай и снова вернулась к обломку моржовой кости: перед ней стоял лишь тот день воспоминаний об отлеке и чистая линия сивучьего тела.

Неожиданно погасла лампочка: выключили свет. Эмуль с сожалением вздохнула и, пожалев о том, что у нее нет запаса свечей, легла в постель. Закрыв глаза, представляла она, как подаст Геннадию Барашеву сивуча на скале и парень вспыхнет от удивления и счастья. А может быть, действительно будет так, что он вернется на Чукотку, и, может быть, может быть, когда-нибудь они будут вместе. От этой мысли Эмуль стало неловко и стыдно перед самой собой, и она закрыла зардевшееся лицо краем одеяла, словно кто-то мог ее видеть в этой кромешной темноте.

На следующий день она пошла в столовую с удовольствием. Эмуль не задумывалась над тем, что ей будет приятно увидеть еще раз Геннадия Барашева, увидеть его улыбку, услышать его голос: просто ей было хорошо.

— Работа идет? — весело подмигнул он Эмуль.

Девушка кивнула.

В тот же день несколько человек из экспедиции Барашева обратились к Эмуль с просьбой сделать для них пиликены, но девушка ответила, что она уже взяла заказ.

Первый раз в жизни Эмуль молила погоду, чтобы ветер держался дольше и волна била о берег: она боялась, что не успеет сделать своего отлека и преподнести его Геннадию Барашеву на память о Чукотке.

Когда уставали глаза и руки не могли держать инструмент, Эмуль доставала дедовский клык и рассматривала рисунки. Она снова и снова задумывалась над волшебством этих бесхитростных линий, волнение охватывало ее, жарко становилось в груди, и она начинала думать о Геннадии. Тогда взор заволакивался туманом, и надо было долго ждать, чтобы вернулась зоркость и можно было продолжать работу.

Отлек обретал свои черты. Утес уже давно был готов, и даже, если внимательно приглядеться, на каменных его боках можно было увидеть шершавость древнего мха.

Сзади молча подходил отец и долго стоял, наблюдая за работой дочери. Эмуль не любила, когда за ней подсматривали, но отцу она не могла сказать, чтобы он отошел, и Эмуль в эти минуты водила по кости замшевым лоскутом. А отец вздыхал и тихо, как бы про себя, недоумевал:

— Почему отлек, а не пиликен? Пиликен был бы дороже.

Рочгын отходил, и Эмуль нужно было время, чтобы вернулось прежнее настроение, волнение, когда рука с резцом нетерпеливо отсекала от кости все лишнее и ненужное, что мешало выявиться стройному отлеку, который ждал так долго, чтобы выглянуть из своего костяного плена. Отлек должен быть в таком положении, чтобы через секунду-две он мог бы очутиться в воздухе. И что самое интересное — Эмуль не делала его таким, а он и был таким, в таком состоянии, лишь надо было убрать все, что мешало ему изготовиться к прыжку.

Иногда, чтобы вернуть глазам зоркость и способность различать мельчайшие детали, Эмуль вынимала драгоценный дедовский клык и подолгу его рассматривала, обретая вместе с острым взглядом волнение нетерпения.

А времени оставалось все меньше и меньше. Пароход полным ходом шел к берегам Чукотки, а синоптик полярной станции Прохоров, который сообщил об ожидаемом улучшении погоды, ходил с таким видом, словно он сам усмирял ветер и сметал тучи с небосвода. Приближались те несколько дней, когда природа как бы набирает силы перед окончательным штурмом остатков скудного северного лета, делает передышку.

В канун того дня, когда должен был прийти пароход, Эмуль трудилась всю ночь. Наконец она осторожно обтерла готовую скульптуру лоскутом оленьей замши и поставила на край стола.

Тихо потрескивали свечи. За окном, смешанная с густой, холодной темнотой осенней ночи, распростерлась тишина. Только сильно напрягши слух, можно было уловить слабый всплеск волны и сонное дыхание натрудившегося, усталого океана.

Отлек стоял, готовый прыгнуть в родную морскую пучину, а на сердце Эмуль вместо радости была странная пустота и горечь. Было такое ощущение, словно она вынула из своего сердца отлека и поставила его на край стола, а все эти дни, пока она его вырезала из моржовой кости, были днями, когда она мучительно выдирала из собственной души запечатленный образ прекрасного.

Но она вспомнила глаза Геннадия и представила себе, как они зажгутся от радости и волнения, и на сердце Эмуль стало легче, и она уже критическим взглядом окинула отлека.

На первый взгляд в куске потемневшей моржовой кости не было ничего особенного. Да, можно было увидеть скалу, приготовившегося к прыжку отлека. Но надо было вглядеться, всмотреться в ту единственную линию, которую Эмуль сумела передать, вырезая морское животное. Все было в этой линии — и нежная песня, и робкий намек, и невысказанная нежность. Только надо всмотреться.

Эмуль со вздохом сожаления завернула отлека в оленью замшу и положила в специально приготовленную деревянную коробку.

Накинув на плечи плащ, Эмуль осторожно выскользнула из дома в студеную серость наступающего дня. В ноздри ударил запах замерзающего моря. Луч маяка одиноко бродил по спокойной морской глади в поисках свидания с кораблем. Эмуль шла вдоль притихшего, застывающего моря и чувствовала себя этим световым лучом наедине с огромным темным простором.

С берега моря она поднялась в селение и прошлась по тихой улице. Ночевавшие на свежем воздухе собаки поднимали морды и провожали удивленным взглядом одинокую девушку. Эмуль дошла до домика, в котором расположились участники археологической экспедиции, постояла под темными окнами и медленно двинулась по морской стороне улицы.

Она шла медленно, очень медленно и все же довольно скоро дошла до своего дома. Ей не хотелось входить в помещение, и она снова повернула к морю.

Близкое солнце развеяло тьму на море, и неожиданно Эмуль увидела пароход, идущий к берегу. Корабль шел в тишине, словно на невидимых крыльях. Он сверкал огнями, переливался... Эмуль побежала обратно, к домику, где жили археологи, и громко постучала в окно.

— Пароход пришел! Пароход пришел!

В эту минуту затарахтел двигатель колхозной электростанции, и селение вспыхнуло десятками электрических огней. Эмуль с гордостью подумала, что с моря селение, должно быть, выглядит так же красиво и величественно, как плывущий к берегу корабль. Раздался низкий густой и сочный звук пароходного гудка, и загрохотала якорная цепь.

Эмуль заторопилась домой: надо успеть переодеться — сегодня предстоит горячий день, в столовой будет много посетителей. В дни появления парохода все жители селения — от самых больших начальников до подростков — превращались в грузчиков. Помогали им и женщины, поэтому в домах некому было готовить, и все устремлялись в столовую.

Когда Эмуль подходила к крыльцу столовой, там уже толпились люди и среди них, конечно, Геннадий Барашев со своими товарищами. Он приветливо, как хорошо знакомой, кивнул Эмуль и крикнул:

— Как мои дела?

— Все в порядке,— ответила Эмуль.— Я все сделала. Вечером принесу.

— Молодец, Эмма! — похвалил ее Барашев.

День прошел в сумятице, в беспрестанной беготне. Пришлось взять еще несколько человек и на кухню и на раздачу, и все равно люди ворчали и покрикивали на сбившихся с ног официанток.

Наконец, наступило время ужина.

Грузчики пришли, перемазанные угольной пылью, оставляя на полу черные следы. Но поделать ничего нельзя: переодеваться некогда. Синоптик Прохоров принес известие о том, что на берег идет ненастье. Пароход надо было разгрузить до наступления шторма.

Пришли поужинать и археологи. Геннадий Барашев подошел к Эмуль и напомнил о том, что ждет ее после работы в своем домике.

— Мы сегодня уже грузимся на пароход,— сказал Геннадий.

— Я обязательно приду,— обещала Эмуль.

После работы она побежала домой. У них никого не было: отец и мать ушли на разгрузку. Эмуль тщательно причесалась перед большим зеркалом и даже чуть тронула помадой губы. Надела новую шерстяную кофточку, а на ноги новые красные японские сапожки.

Эмуль шла по улице, и прохожие с удивлением оглядывались на нее: в этот день никто не наряжался. Девушка дошла до домика и в нерешительности остановилась перед дверью. В домике слышались возбужденные голоса, передвигались какие-то тяжелые ящики, звенели бутылки. Эмуль пришлось несколько раз постучать, прежде чем она услышала голос, разрешающий войти.

— Эмма! — обрадованно воскликнул Геннадий Барашев.— Наконец, я дождался!

В комнате укладывали чемоданы. На кроватях лежали вещи — белье, фотоаппараты, обувь, расшитые бисером тапочки и огромное количество пиликенов. Каждый вез не менее десятка костяных божков.

Эмуль заметила, что почти все божки сделаны наспех, кое-как и даже не отполированы как следует.

— Принесла? — нетерпеливо спросил Геннадий.

— Принесла,— тихо ответила Эмуль и принялась разворачивать кусок ткани, в которую была завернута деревянная коробочка.

Товарищи Барашева бросили свою работу и столпились вокруг. Конечно, Эмуль предпочла бы, чтобы отлека она вручила одному Геннадию, без посторонних наблюдателей, но тут уж ничего не поделаешь.

— Ого! — сдержанно воскликнул один из археологов.— Целая коробка!

Эмуль сняла крышку и протянула ящик Геннадию. Тот с недоумением запустил в него руку и вытащил отлека.

Эмуль наблюдала за Геннадием. Сначала на его лице родилось выражение любопытства и некоторого недоумения. Но то, что потом увидела Эмуль, встревожило и огорчило ее: на лице Барашева возникло выражение глубокого разочарования. Он вертел в руках отлека, словно старался найти в нем нечто особенное, но там ведь ничего не было, кроме той единственной линии, которая выражала все! И эту линию надо было смотреть внимательно, чуть издали и не при таком ярком свете.

Геннадий Барашев был еще очень молод, его лицо еще не загрубело, поэтому, как он ни старался скрыть улыбкой разочарование, Эмуль все поняла и все увидела.

— Да, конечно, все это здорово,— нарочито бодрым голосом протянул Барашев,— но ведь сегодня в моде пиликены! Как я без них покажусь в Ленинграде?..

Эмуль круто повернулась и бросилась вон из комнаты. Она слышала, что парень что-то кричал и, ей даже казалось, бежал следом, но Эмуль не оглядывалась. Она бежала прочь от этого домика, от большого парохода, мимо домов, в тундру, туда, за маяк, где гора поднимается все выше и выше, пока не становится вровень с облаками.

Поднявшись, Эмуль уселась на камень лицом к морю. Так она просидела до позднего вечера. Слезы обиды и горечи застилали глаза, а там, внизу, гремел лебедками пароход.

Зашло солнце, стало прохладно.

Эмуль вытерла слезы и встала. Пароход выбрал якорь и дал протяжный прощальный гудок.

Медленно шла Эмуль домой, в селение, спускаясь с горы.

Она смотрела вокруг прояснившимися, слезами омытыми глазами и с радостью чувствовала, как к ней возвращается та способность, которую она считала навсегда утраченной: она снова видела каждую травинку и каждый камешек. Горизонт был резко очерчен, и морская синь была густо-черной, и облака были объемны в небе, и мысль оставалась незатуманенной, лишь с легкой грустинкой, с той несбывшейся нежностью, которую уносил большой пароход.

ПИСАТЕЛИ КНИГИ

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЯ

Несколько лет назад вышел первый роман Михаила Годенко «Минное поле»; в минувшем году, в девятом номере «Москвы», опубликован второй — «Зазимок».

Новый роман охватывает большой промежуток времени. Первая его часть посвящена тридцатым годам, вторая — пятидесятым. Между ними двадцатилетний перерыв, который раскрывается через воспоминания героев произведения.

Героев в «Зазимке» много, но основных четверо: Найден, от лица которого ведется повествование, и его сверстники — Котька, Микита и Юхим. Они родились и выросли в одной украинской слободе, что стоит на речке Салкуце. Необычная эта река. На правом берегу ее обрыв. Из расщелины бьет особенная вода. Пожилые тетки набирают воду в бутылки, омывают натруженные ноги. И, поверьте слову, помогает — лечит от всех болезней. Стоит искупаться — любая болячка засохнет...

Долгие годы слободские друзья купались в Салкуце, ежедневно были вместе, учились в одной школе. Потом, как это бывает в жизни, пути их стали расходиться. Юхим бросил школу и подался в финагенты, Микита пристрастился к музыке, Котька стал «знёмщиком» (фотографом), Найден увлекся сценой.

Шло время, менялась жизнь, менялись привычки и пристрастия друзей. Перед войной Костя в летчики пошел, Микита на педагога стал учиться, Найден в Москву уехал. А Юхим?.. Он продолжал собирать денежные пошлины.

Потом была война, долгая и страшная. Были годы восстановления. Многое было... Найден под Кенигсбергом потерял ногу, жил далеко от родной слободы, хлебнул и горького и сладкого.

«Двадцать лет я не был дома,— говорит он.— Думал, все тут разрушено, сожжено и прах по ветру развеян. Оказалось, нет...

Мне повезло: приехал, когда цвели сады. Давно не видел такого буйства. Гудят пчелы, щелкают птицы, грохот стоит — оглохнуть можно! Все в цвету. Над головой розовые ветви абрикоса. У ног горят тюльпаны, пламенеют петушки. Заполонили садок — ступить некуда.

А еще пьянею оттого, что рядом мать. Водит меня по участку. Даже за руку берет, как бывало».

Важная и характерная особенность прозы Годенко — ее лиричность, музыкальность, мелодичность. Автор «Зазимка» — поэт. Он обладает даром непосредственно воспринимать окружающее. И благодаря этому дару — видеть все как бы впервые, без груза привычки — каждый человек, его слова, поступки, обыденные вещи, окружающие его,— все приобретает радость открытия, силу новизны.

Не все друзья слободы выдержали тяжелые испытания. Котька и Микита воевали так же геройчески, как и Найден. А Юхим Гавва?.. Он ходил в румынской куртке, таскал за плечом фашистский карабин, служил в полиции.

Как же так получилось? Это мучает и нас и автора. Михаил Годенко исследует и живописует различные причины и обстоятельства — семейные, нравственные, психологические, социальные,— которые привели Юхима к предательству.

Но автор не стремится поставить все точки над «и». Он, как художник, не стремится брать слово сам. Годенко вопроизводит жизнь. Делает это широко, свободно, щедро, вкладывая в повествование не только то, что увидел и узнал, что пережил и передумал, но и свое умение увлекать и убеждать читателя. Мотивы, управляющие поступками его персонажей (как положительных, так и отрицательных), человечески сложны. Михаил Годенко не морализует, а показывает жизнь, и читатель уже сам делает для себя выводы. А когда художественное произведение, доставляя эстетическое наслаждение, заставляет волноваться, думать, держать ответ,— это очень хорошо. Для этого оно и пишется!..

М. ЛАПШИН

Михаил ГОДЕНКО. Зазимок. Журнал «Москва», № 9 за 1968 год.

ДОБРОЕ ЗНАКОМСТВО

Муталиб Митаров известен как поэт родному Дагестану и своему небольшому народу, который носит имя — табасаранский. И вот он пришел в большой дом русской поэзии с историко-патриотической поэмой «Иран-Хараб», рассказывающей о дружбе, о борьбе против завоевателей, об общности целей и задач братских народов Дагестана, пришел с лирическими стихотворениями, корни которых стали значительно глубже от связи с народной поэзией Табасарана. Чем же необычен этот поэт? Чем интересен и примечателен? Что принес он нового? Прежде всего Муталиб Митаров широко представил русскому читателю свой народ, его думы и чаяния, его честность и правдивость, красоту обрядов, доброту просторной и чистой души.

Трудную дорогу осилил Митаров. Бывший фронтовик, он с первых дней мира активно включился в жизнь своей республики. Секретарь райкома партии, министр, человек, загруженный партийной, государственной и общественной работой, он находит время для общения с читателем. Одна за другой выходят книги на родном, табасаранском, книги, наполненные солнцем, чистым, чуть позванивавшим игольчатыми льдинками горным воздухом, пронизанные добротой ко всем живущим, строящим новую жизнь. И вот «Иран-Хараб». Необычные, точные, красочные сравнения: «...мечи, как крылья летящей в поля саранчи», а над цветами, «...подобно пчелиному рою, порхали девчонки веселой гурьбою». Когда я читал эту книгу, я как будто окунулся в сказочный мир, приближенный к настоящему времени и к будущему. И здесь нужно сказать добрые слова о тех, кто перевел на русский стихи талантливого поэта: о В. Фирсове, Л. Миле, М. Степанове, Г. Игнатенко, Н. Гребневе.

А. ГОВОРОВ

М. МИТАРОВ. Иран-Хараб. Поэма и стихи. Перевод с табасаранского. Махачкала. 1968 г.

СОГРЕТО СЕРДЦЕМ

Книжка Вл. Пименова «Занавес не опущен», изданная «Московским рабочим», не научное исследование, не театроведческий трактат. Это живые, теплые записки, воспоминания о встречах с выдающимися драматургами, режиссерами, актерами.

Живое общение с творческими людьми, особенно если их собеседник и слушатель наблюдателен и зорок, дает пищу для воспоминаний, право на воспоминания. Не следует требовать от автора мемуаров исчерпывающего обзора всей деятельности художника или актера. Каждая подмеченная черточка, каждая деталь драгоценны. Будущий исследователь-историк во всем этом увидит живое свидетельство, документ времени, без чего история — мертвая материя.

Читая книгу Вл. Пименова, знакомишься с Николаем Погодиным, крупнейшим советским драматургом, человеком нелегкого характера, строгим к себе и людям, большим художником, умевшим своим творчеством откликаться на важнейшие и острые темы, создавшим Лениниану в драматургии. Погодина нет среди нас, но пьесы его живут и будут долго жить на сцене наших театров, ибо в них зритель видит свою эпоху, свое время.

Очень тепло, задушевно пишет Вл. Пименов о Борисе Лавреневе: «Все, что можно сказать о передовой русской интеллигенции, восторженно принявшей Великую Октябрьскую революцию, можно сказать и о Лавреневе, уже в годы империалистической войны на трагических ее фронтах понявшем ложь богатых и правду угнетенных».

Чередой проходят в книге Иван Берсенев, блистательный актер и режиссер, один из строителей советского театра, Николай Петров, руководитель Центрального театра транспорта, художник, начавший свой творческий путь вместе с революцией, Александр Таиров, создатель Камерного театра, оставившего заметный след в истории нашего искусства, Илья Шлепянов, крупный режиссер и театральный деятель. В каждой из глав узнаешь новое об этих художниках, кажется, что тебя познакомил с ними их добрый друг, исполненный благожелательства.

Александру Фадееву, прекрасному человеку, виднейшему писателю, «старосте» всех литераторов, в книге Пименова посвящена большая глава. Автор пишет о нем: «Его никогда не покидали воодушевленность, неуемная энергия, творческая выдумка... Пожалуй, не было ни одного драматурга, который не испытал на себе искреннюю заинтересованность Фадеева в его труде».

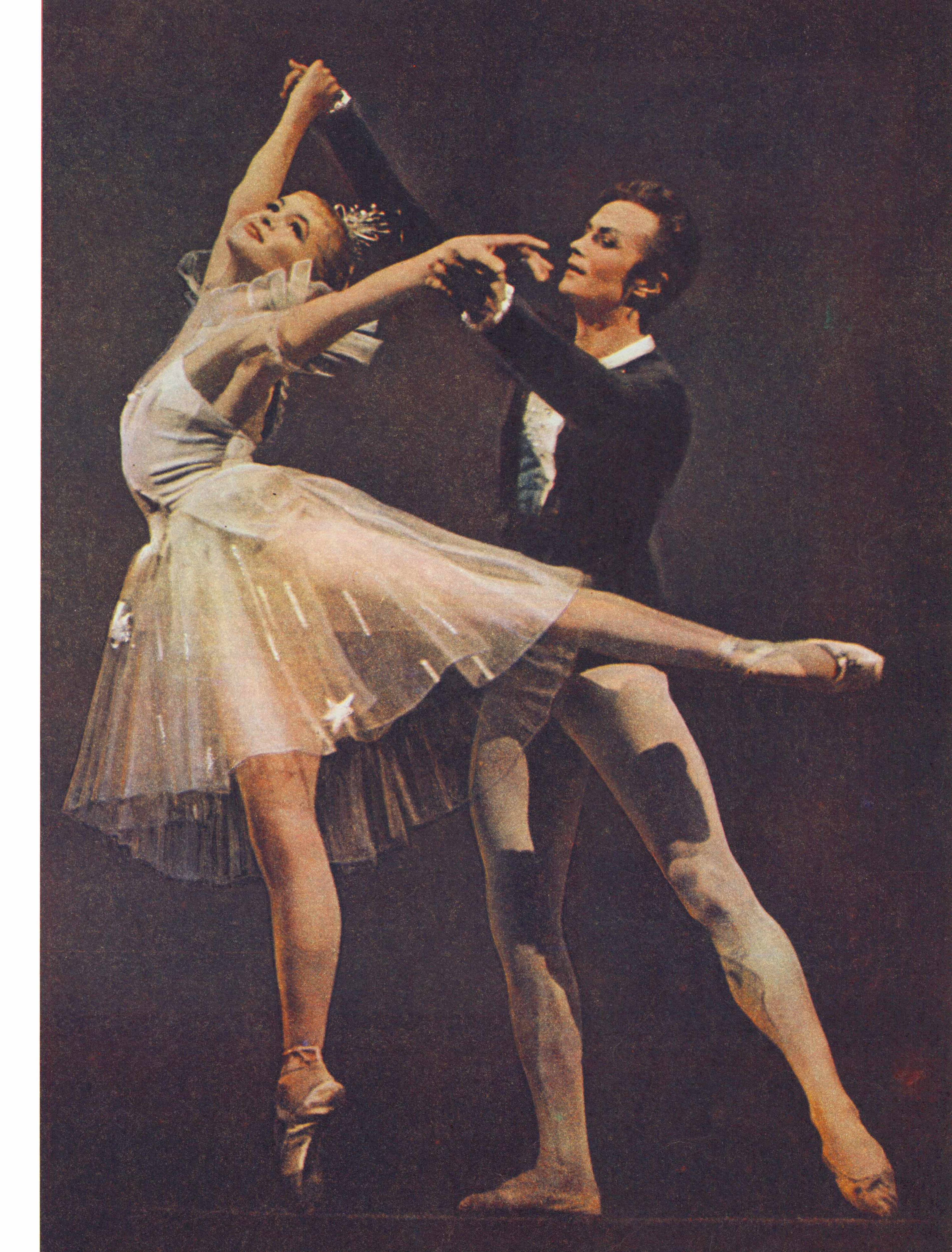
Вл. Пименов написал то, что он лично узнал о своих героях, передал свои впечатления от знакомства с деятелями нашего театра и литературы. Может быть, эти впечатления, наблюдения и не полны, но чувства, испытываемые автором книги, согреты сердцем. И это передается читателю.

Ник. КРУЖКОВ

Вл. ПИМЕНОВ. Занавес не опущен. Издательство «Московский рабочий», 1968.

В Москве прошли гастроли Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Балет «Золушка» С. Прокофьева. Народная артистка СССР И. Колпакова — Золушка, заслуженный артист РСФСР С. Викулов — Принц.

Фото Е. Умнова.

Золотые гривны с лунницей и медальонами. Работа византийских мастеров VII—VIII веков. Обнаружены в селе Глодосы на Кировоградщине.

Чайник. Работа известного киевского мастера-ювелира Ивана Равича. XII век.

Золотые колты — подвески, украшенные эмалью. Работа киевских мастеров XI—XIII веков.
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Золотая чаша — дар гетмана Самойловича Киево-Печерской лавре.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Ох, уж эти заколдованные сокровища! Странные дела происходят с ними. Кому и во сне грезится их заманчивое сияние, тем они, хоть ты плачь, в руки никак не даются. Зато не помышлявшие о злате и драгоценных каменьях почему-то находят их, да еще как-то походя, словно стертый пятак с земли поднимают.

Был и в моем родном хуторе дед-кладоискатель. Всю жизнь бродил со щупом по степи, и все больше ночью. Соседи, перемигиваясь, спрашивали его: «Шукаете, Саливон Порфирьевич?» «Та шукаю, шукаю». «И клюнуло где-нибудь?» Старик делал загадочное лицо и многозначительно покашливал в усы. Говорили, что за двадцать лет кладоискательства он раскопал две сломанные подковы и один добрячий казанок, в котором чумаки когда-то варили кашу. Других богатств так и не отдали ему седые курганы. А сокровище-то лежало почти под боком. Догадайся дед Саливон за Днепр махнуть и к Глодосам — есть такое село на Кировоградщине — добраться, даже щуп ему не потребовался бы — ковырни ногой, и вот он, клад, бери его!..

Мальчишка из Глодос, который в степи корову пас, так и сделал: ковырнул палкой размытую дождем землю, и под лучами солнца вдруг засверкало что-то.

По причине полного равнодушия к кладам хлопец поиграл золотом, какой-то увесистой штуковиной запустил в степного орла, две блестящие бляшки уронил невзначай в болотце, все остальное оставил на месте, где нашел. Вечером парнишка рассказал об этом в деревне. Никого его рассказ не заинтересовал, кроме одной молодицы. Утром ее подруги из пошивочной мастерской так и ахнули: она явилась на работу с цепями-гривнами и массивной лунницей на шее. Невдомек было сельской моднице, что на ней золотые украшения воина-дружинника, жившего эдак лет тыщу с гаком тому назад. Все это ей долго объясняли археологи, прибывшие из Киева.

К счастью, история глодосской находки закончилась благополучно. Знаменитый клад, обнаруженный пастушком в 1961 году, ныне находится в Киево-Печерской лавре, в новом музее, который называют Золотой кладовой Украины. Клад состоит из нескольких десятков золотых изделий. Плетеные гривны, медальоны, украшенные жемчугом, ажурные подвески, тисненные рельефным рисунком бляшки, пластины.

В восьми залах — почти 15 тысяч бесценных образцов великого мастерства человеческого. На темном бархате древнее золото сверкает, не ослепляя. В сказках горит оно, а тут блеск его спокоен, как бы притушен временем. Археологи с умыслом оставили нетронутой затуманившую золото «пыль веков», чтобы каждый видел, какими дошли до нас изделия, что матушка-земля хранила в течение столетий и тысячелетий.

Вот ценности из скифских захоронений: браслеты, ожерелья, кольца, украшенные камеями и геммами. Они принадлежали человеку VI столетия до нашей эры. Перстни поражают тонкой ювелирной работой. А золотой обкладке горита (чехла для лука), найденной при раскопке Мелитопольского кургана, более 2 тысяч лет. Владельцем оружия был скиф. Золотой барельеф обкладки из золота — уникальное произведение искусства.

В одном из залов во всю ширь стены выстроились большие сосуды из меди с позолотой. «Сервиз» из 15 предметов еще недавно покоился на дне реки Супой в затонувшем челне. Его подняли добытчики торфа. Некий «знаток» старины поспешил с диагнозом: изделия, дескать, сработаны в XVII веке. Но музейные аналоги в Италии, Греции, в собрании археологических находок Спенсера Черчилля в Англии помогли «уточнить» возраст античных ваз — два с половиной тысячелетия.

Люди, оставившие нам эти сокровища, несомненно, были талантливыми художниками. Русские мастера в совершенстве владели всеми секретами технологии древнейших ремесел. В Киеве на Владимирской улице во время земляных работ была обнаружена мастерская, а в ней — горн для плавки драгоценных металлов. Там же нашли изделия из золота: ажурные серьги киевского образца и другие предметы. Наши предки искусно обрабатывали золото, серебро, платину, драгоценные сплавы, отлично знали технику ковки, фигурного литья, черни.

Все, что представлено в Золотой кладовой Украины, не воспринимается как безвозвратно ушедшее прошлое. Давно изъедены ржавчиной клинки мечей, а золото рукоятей все такое же, как было в незапамятные времена; в труху превратились луки и стрелы, а золотой обкладке горита и сносу нет. И все это одухотворено неувядаемой силой народной мудрости и фантазии, мастерства и таланта.

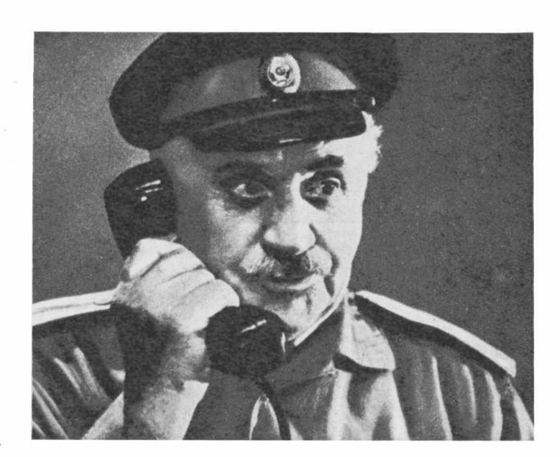
Что ни клад, то своя история — херсонская или черкасская, полтавская или запорожская. История удивительная, а порой забавная, такая, как, скажем, у черниговской находки.

Однажды экскаваторщик вынул из земли целый ворох всяких вещиц, облепленных комьями смерзшейся глины. Домой принес, бросил в сарай. А метровый жгут, тяжелый и гибкий, сынишке отдал. Малыш приспособил его под упряжь для дворняги Тузика. Дней десять, а то и больше лохматый Тузик с лаем носился по улице, катал ребятишек на санках. Потом кто-то заметил, что «упряжь» отполировалась собачьей шерстью и заблестела, «как золотая». Кинулся экскаваторщик в сарай, а там куры преспокойно попивают водицу из золотых чаш, быть может, даже княжеских, потому что клад, как оказалось, относится к периоду раннего славянства. С детских санок сняли изумительной красоты перевязь в палец толщиной, свитую из тонкой золотой проволоки, на концах увенчанную змеиными головами из литого золота.

Есть в музее редчайшая коллекция монет, среди них златник Владимира, сребреники времен княжества Святополка, Ярослава Мудрого. Есть митры, усеянные сапфирами, топазами и рубинами. Хранится булава, вся в драгоценных камнях. И золотая чаша, с богатой отделкой эмалью — дар гетмана Самойловича Киево-Печерской лавре. Кто и где чеканил первые, давно ставшие уникальными монеты Киевской Руси? Чьи руки создавали золотые и серебряные кубки, ткали жемчуг, выполняли чеканку с применением черни, финифти, филиграни? Каким мастером изготовлен ценнейший триптих — оклад иконы, которую Петр Первый приглядел себе среди имущества запорожцев на разгромленной Сечи? Благословив этой иконой войска под Полтавой, Петр возвратил ее казакам полковника Палея в память их ратных подвигов в битве со шведами.

Украинское ювелирное искусство широко представлено в палатах Золотой кладовой. Очаровывают прекрасные работы киевского мастера, основоположника украинского барокко Ивана Равича. Всемирную известность получили выдающиеся умельцы Белецкий, Нарбутович. Они тоже работали в Киеве. Были мастера и во Львове, и в Чернигове, и в древнем Галиче. Их имена неизвестны. Но вкупе с мастерами далеких эпох и с умельцами русскими они оставили потомкам блистательное и яркое наследие.

79-я кинороль Жарова

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ — что это такое?! Просто «интригующее» название нового кинофильма?.. Но нет, оказывается, детектив имеет к рассказу о сельском милиционере самое прямое отношение, хотя тут еще и улыбка, и намек на душевное призвание, и острая характеристика главного героя, которого поразительно играет Михаил Иванович Жаров.

Он-то и представляет нам милиционера Федора Анискина. Представляет с любовью и уважением к человеку, который был участником гражданской войны, сражался с фашистами в годы Отечественной... Много лет прожил Анискин в деревне и знает каждого — кто чем живет, чем дышит. Его тоже знают все: и стар и млад; маленько побаиваются, да и как не бояться — старик справедлив и принципиален. Но он же и чуток к чужому горю: каждому готов помочь мудрым советом. Всякая человеческая жизнь его касается, и во всех делах людских он принимает живое участие.

Вот, к примеру, продавщица сельмага Дуська. Анискин «смотрит в корень», поэтому уважает Дуську. Он понимает, что Дуська, которую играет Л. Смирнова, человек добрый. «Ты и в долг дашь и товар хороший от народа не утаишь»,— говорит он ей. И помогает Дуське устроить ее нескладную, несложившуюся судьбу.

Пришел как-то Анискин в правление колхоза, а там премии распределяют. Казалось бы, дело-то не его. Но не утерпел Анискин, вмешался: зачем давать каждую неделю по трешке или пятерке, да еще под воскресенье,— на водку же истратят!.. Лучше сразу за месяц или даже за квартал дать крупную сумму,— купят себе люди полезную вещь!.. Вот так же, «в корень», глядит Анискин, отчитывая легкомысленного верхогляда — «представителя» из района: приехал собирать «сведения», а в хозяйстве ничего не смыслит!..

И у себя дома Анискин так же требователен. Жена Анискина — ее играет Т. Пельтцер — может, и позволила бы дочери второй раз экзамен в институт держать. Ан нет, отец не согласен. С завтрашнего же дня — марш на ферму, иначе — пеняй на себя!..

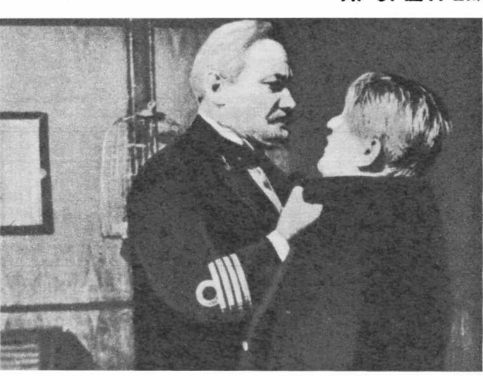
Зная людей, Анискин легко находит пропавший аккордеон: тут виноваты бесшабашные братья Паньковы, сыновья старого фронтового друга Анискина. Надо бы участковому направить дело куда следует, но Анискин и эту судьбу мудро решает: дал парням возможность исправиться. Да еще отчитал их так, что на всю жизнь запомнят!...

Таков в талантливом изображении Михаила Жарова сельский милиционер Анискин. Благородная душа этого человека перед нами как на ладони. Человек как будто простой, а говорит с нами тонко и человечно о серьезнейших морально-этических проблемах, масштаба отнюдь не «деревенского».

Анискин — 79-я роль Жарова в кино. Запомнится она надолго, как Жиган из «Путевки в жизнь», Кудряш в «Грозе», конторщик Дымба из трилогии о большевике Максиме, Меншиков в «Петре I», старик партизан Русов из «Секретаря райкома»... Перечислить все 78 ролей, сыгранных в кино — до Анискина,— невозможно!..

А. ЭРШТРЕМ

Фильм о моряках

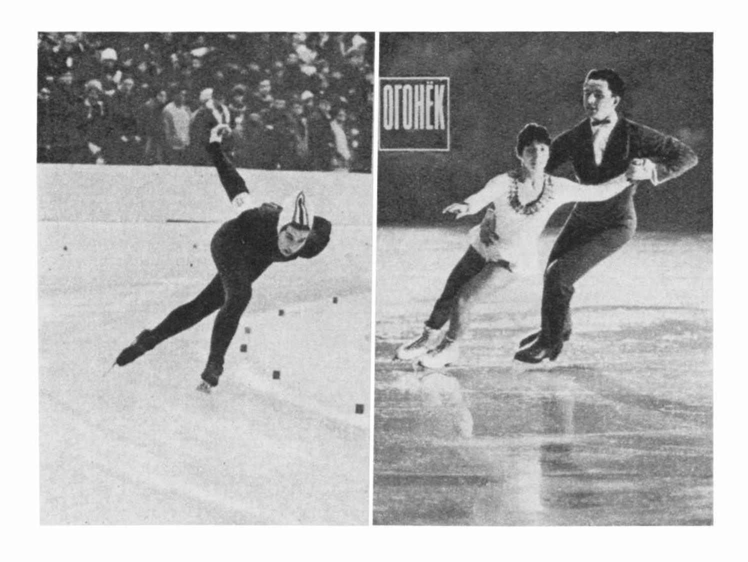
Про киноактера Ивана Переверзева недаром говорят: «бывалый моряк». За свою экранную жизнь он «прошел» от матроса Ивана Никулина до адмирала Ушакова. В фильме «День ангела» мы вновь встретились с артистом в роли моряка. Фильм поставлен на Одесской киностудии молодым режиссером Станиславом Говорухиным. В картине много драматических событий.

Роль капитана, сыгранная Иваном Переверзевым, показала артиста новой, может быть, самой лучшей гранью дарования. За суровой мужественностью пожилого интеллигентного человека кроется огромное человеческое тепло. Образ проникнут горячим участием к судьбам людей, чувством гражданской справедливости. Капитан Переверзева последним, не спеша сходит в шлюпку с корабля, который вот-вот взлетит на воздух: в трюме находятся контрабандные бочки с бертолетовой солью, погруженные старпомом без ведома капитана...

«День ангела» — интересная работа Одесской киностудии. Не потому ли фильм так хорош, что он о море, о моряках, обо всем том, что близко и дорого именно одесситам? Иначе вряд ли они достигли бы такой волнующей достоверности, экранизируя сравнительно небольшой рассказ Б. Житкова «Механик Салерно».

Н. ЗЫБИНА

На снимке: Иван Переверзев — капитан и Николай Крючков в роли старпома.

Радости зимы

Она еще в разгаре, богатая событиями, спортивная зима. Впереди чемпионаты мира для хоккеистов, для мастеров стремительного бега на коньках и мастеров фигурного катания.

Но уже пришли первые радости. Начало им было положено в Гренобле. Знаком нам этот французский город — столица минувшей Зимней олимпиады. Сидя по вечерам у телевизоров, мы узнавали парк Мистраля, и голубой, блестящий овал катка, и слегка размытые туманом отроги Альп...

Сразу же начались волнения. И какие! Не удается нашим девушкам первая спринтерская дистанция. Пара за парой стартуют конькобежки. Вот пробежала наша юная Вера Краснова — результат (46,5) значительно уступает тем, которые уже показаны до нее. Не улучшают ситуацию олимпийская чемпионка на эту дистанцию Людмила Титова, Галина Нефедова, Людмила Мохначева.

Мы все понимаем, как важно, как нужно задать тон в соревновании. Пусть не первое место на дистанции, но должна быть волевая заявка на то, что спор в многоборье будет упорным.

Ласма Кауннсте, учительница из Риги, стартует последней в спринте. Она бежит одна по ледяной дорожке катка. Ее соперник — время. Такой бег труден, сложен. Нам почти не видно лица Ласмы, но по тому, как стремительно, напористо она бежит, догадываемся: здесь, в эти секунды может быть заложена основа большой победы!..

Так и случилось. И оба напряженнейших дня не ослабевала упрямая воля замечательной спортсменки. Четыре дистанции — два личных рекорда, два рекорда страны. Сумма многоборья — 189,567 — рекорд СССР для равнинных катков.

Оказалась не в силах двукратная чемпионка мира, голландка Стин Кайзер наверстать упущенное накануне. Великолепен был ее бег на стайерской трехкилометровой дистанции. Однако мы видели, как у финишной черты, устало разогнувшись, поняла спортсменка, что к золотому титулу чемпионки мира придется на этот раз добавить приставку «экс».

Так стала Ласма Кауниств абсолютной чемпионкой мира 1969 года. Так пришла первая крупная победа зимы.

Потом небольшой городок Гармиш-Партенкирхен (ФРГ). Первенство Европы по фигурному катанию. И снова мы далеко за полночь сидим у своих телевизоров, и в эти дни намного больше светлых окон оказывается в городах и в деревнях по всей стране, в часы ночные, глухие.

Как оторваться, как позволить себе лечь спать, когда такая яркая красота, такие непрекращающиеся волнения живут на голубых экранах?..

Такого не знали чемпионаты фигуристов... Представители одной, нашей, страны заняли все три ступени пьедестала почета после соревнований в парном катании!

Ирина Роднина и Алексей Уланов — первое место;
Людмила Белоусова и Олег Протопопов — второе;
Тамара Москвина и Алексей Мишин — третье.

Большой успех, небывалый... И никакой сенсации! Это, пожалуй, самое отрадное. Отточенное мастерство, столь свойственное знаменитой на весь мир ленинградской паре Людмиле Белоусовой и Олегу Протопопову, было лучшей школой для их молодых соотечественников. Славная эта победа — общая!..

Не остались без наград на европейском чемпионате наша танцевальная пара Людмила Пахомова и Александр Горшков, наш Сергей Четверухин — мастер одиночного катания. Не многим они уступали победителям. Наш танцевальный дуэт, например, темпераментный, можно сказать, вдохновенный, провожал овацией зал, а строгие судьи, поднимая свои отметки, давали иной раз баллы более высокие, чем у непревзойденных пока танцевальных пар из Великобритании.

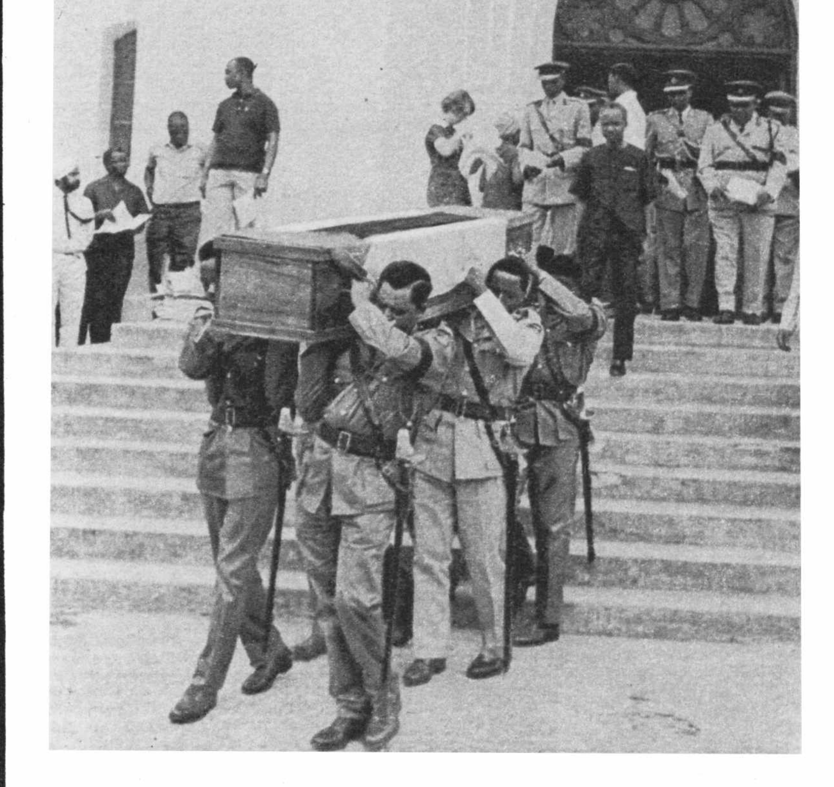
Да, принесла уже радости спортивная зима. Хочется думать, что и дальше так будет!..

Недавно большая группа спортсменов и тренеров награждена орденами и медалями СССР за успешные выступления на XIX летних Олимпийских играх и выдающиеся спортивные достижения.

Это признание мужества, воли, верности советскому спорту, признание большого труда и неустанных исканий, которые ведутся в спортивных залах и на стадионах спортсменами и их наставниками.

Спортивная зима хорошо приняла эстафету олимпийского лета!

М. АЛЕКСАНДРОВ

В Дар-эс-Саламе от взрыва бомбы, устроенного политическими преступниками, погиб глава Фронта освобождения Мозамбика Эдуардо Мондлане. Мондлане был пламенным патриотом, боровшимся против португальских колонизаторов, которые держат его страну в колониальном рабстве. Убийство Мондлане стоит в одном ряду с другими преступлениями, которые совершают душители свободы против борцов за счастье человека. Но нет сомнений, что движение за свободу Мозамбика будет продолжаться, ибо это — движение народа. На снимке: похороны Э. Мондлане в танзанийской столице.

Израильские агрессоры обрекли на страдания тысячи арабов, изгнанных из родных мест. Так живут в Иордании палестинские беженцы, которых израильские экстремисты лишили родины и крова.

Произведения античного искусства в Италии находят очень часто. Недавно статуя древнеримского скульптора была извлечена... со дна Неаполитанского залива. Говорят, что это лишь одна статуя из группы. Море не сразу открывает свои сокровища.

Фото ЮПИ.

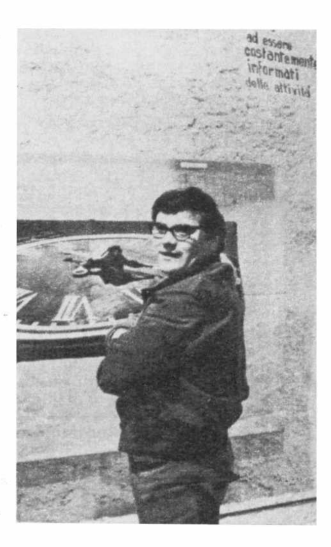
ВЫСТАВКА В РИМЕ

Наши коллеги — итальянский иллюстрированный еженедельник «Вие нуове» — пригласили редактора фотоотдела «Огонька» Дмитрия Бальтерманца в Рим с персональной фотовыставкой.

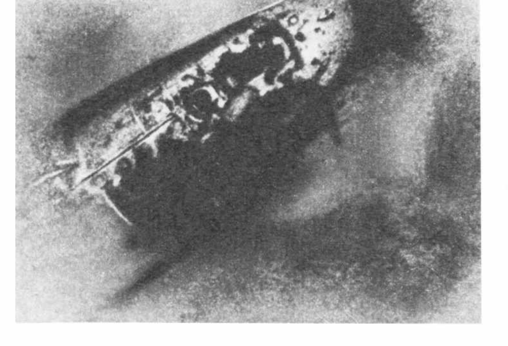
Выставка была открыта в начале февраля в центре Рима, в помещении, носящем название «Лавка изображений».

Итальянская печать — «Унита», «Паэзе сера», «Вие нуове» и другие издания обстоятельно и тепло рассказали о творческом пути известного советского фотомастера, высоко оценили его искусство.

По отзыву газеты «Паэзе сера», «...фотографии Бальтерманца спорят, информируют и откровенно показывают реальности советского мира, представляя его очень правдиво».

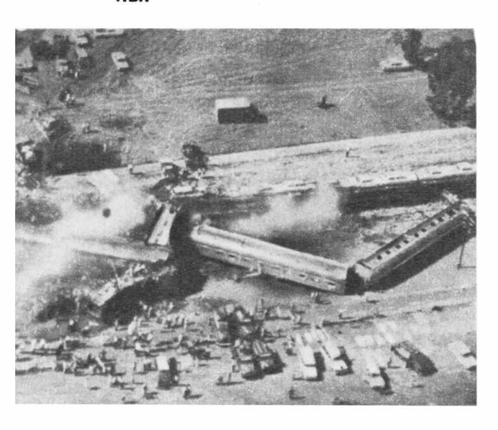

На фотовыставке.

Американская подводная лодка «Скорпион» в мае прошлого года таинственно исчезла. Позже было установлено, что она затонула недалеко от Азорских островов. Американская поисковая группа сумела сделать снимок погибшей подлодки, лежащей на глубине свыше трех километров. Причины катастрофы до сих пор неизвестны.

«Южная Аврора» — так назывался австралийский экспресс, с которым произошло крушение. Он столкнулся с товарным составом. Двадцать человек погибли, восемьдесят пять ранены.

Среди скрытых — и потому особо опасных — разновидностей антикоммунизма сионизм был и остается воинствующей реакционной силой, направленной против социалистического содружества, международного коммунистического рабочего движения, а также против национально-освободительного движения народов. Критическому анализу и разоблачению идеологии и практики сионизма посвящена только что вышедшая книга научных очерков Юрия Иванова под общим названием «Осторожно: сионизм!».

Сионизм как реакционная идеология и организация крупной еврейской буржуазии возник в конце XIX столетия, в эпоху накала классовых боев пролетариата, когда капитализм вступил в последнюю свою фазу — империализм. Но вплоть до последнего времени, до июньской (1967 год) агрессии Израиля против арабских стран, «когда международный сионизм, нарушив давно и твердо установленные правила, несколько приподнялся над бруствером», он находился как бы вне поля зрения миллионов людей во многих странах мира.

В этой связи Юрий Иванов особо подчеркивает: «Ничто не повергает сионизм в такое смятение, как пристальное внимание к нему мировой общественности». И это, конечно, не случайно. Сионистские лидеры все настойчивее пытаются представить идеологию и организацию сионизма как нечто разнородное, разобщенное: пускаясь на новые авантюры против сил социализма и прогресса, они не прочь покричать о «полном развале» сионизма для того, чтобы представить сионизм как бы уже несуществующим. Но все их потуги скрыть от народов компрометирующие следы своей реакционной деятельности в прошлом, так же как и замаскировать свои нынешние подрывные акции, не оправдали надежд. Постоянная и спокойная бдительность честных людей повсюду помогает разоблачать происки сионистов — коварных и многоопытных врагов интернационализма и дружбы народов.

С самого своего рождения (1897 год) Всемирная сионистская организация изощрялась в создании самых различных мифов, рассчитанных на обман трудящихся еврейского происхождения, а также международной прогрессивной общественности. Сионисты, например, постоянно и настойчиво распространяют миф о том, что сионизм древен, как мир, поскольку якобы «евреи в течение тысячелетий лелеяли мечту о возвращении в Палестину». Автор очерков о сионизме, опираясь на многочисленные научно-исторические факты, убедительно развенчивает этот миф и неопровержимо доказывает, что идея переселения евреев в Палестину выношена из прямой заинтересованности империалистов Англии, Франции и Германии в колонизации Ближнего Востока.

Сионистские дельцы, стремящиеся к постоянному обогащению во имя власти и паразитарного благоденствия, наряду с другими концепциями выдвинули и такую, не менее ложную и реакционную, как концепция «всемирной еврейской нации». Они используют ее с целью установления идейного и политического контроля над гражданами самых различных стран, коль скоро они еврейского происхождения. Игнорируя проблему классов, так же как и факты истории, сионисты настойчиво навязывают эту концепцию «всемирной еврейской нации» всем легковерным во имя одной, так сказать, конечной цели — деньги, нажива, деньги.

Чтобы доказать существование так называемой «всемирной еврейской нации», сионистские идеологи создали еще один миф — о вечности антисемитизма, которым якобы и объясняется само вечное существование «еврейской нации». В книге Ю. Иванова приводится немало поражающие циничных высказываний на этот счет «классиков» сионизма. Как, например: «Народы, среди которых евреи живут, все вместе и каждый в отдельности — явные или скрытые антисемиты». Или: «Антисемитизм — это бацилла, которую независимо от уверений в обратном каждый человек носит с собой повсюду».

«Антисемитизм, как мы знаем,— пишет в связи с этим Юрий Иванов,— всегда представлялся желанным для сионистов. С ним они откровенно связывали свои надежды на успех. Поэтому не было ничего противоестественного в заключении негласного союза между сионизмом и фашизмом». В книге приводятся многочисленные красноречивые факты преступного сговора лидеров сионизма с заправилами фашистской Германии, жертвами которого стала в конечном счете значительная часть еврейского населения оккупированных стран Европы.

Автор книги шаг за шагом прослеживает, как идеология сионизма — с самого появления своего воинствующе антиинтернациональная — приобрела все черты подогнанного под специфические сионистские цели расизма.

Чего стоят хотя бы рассуждения сионистов о «богоизбранности еврейской нации», о «незаурядных», «выдающихся», «граничащих с гениальностью способностях» всех евреев по сравнению с другими народами, а также разглагольствования о том, что евреи якобы на протяжении всей истории человечества страдали больше, чем кто бы то ни был другой. Автор книги доказывает ложность таких взглядов, говорит о том, что это и есть воспитание открытой или затаенной неприязни к другим народам.

Говоря о сионистской «теории превосходства», Ю. Иванов справедливо отмечает, что «за последние сто лет только германские нацисты и сионисты облагодетельствовали мировую цивилизацию разработкой идеи «неоспоримого превосходства» «национального гения». Однако если первые пытались навязать эту идею народам путем грубого насилия, то последние, взяв на вооружение «теорию малых дел», занимаются тем же исподволь и... с бо́льшим «коэффициентом полезного действия».

Что же касается «теории малых дел», то приверженцы сионизма поистине не знают здесь себе равных. Для насаждения своей идеологии они используют самые утонченные средства. Располагая огромными материальными возможностями, путем подкупа и рекламы они «стремятся создавать дутые авторитеты тех личностей, которые с точки зрения их идеи представляются наиболее подходящими». Они «придают обработке в просионистском духе неевреев не меньшее, а подчас и большее значение, чем работе среди своих так называемых «побратимов». К таким же ядовитейшего свойства средствам реакционной сионистской пропаганды следует отнести «распространение провокационных слухов, поощрение делячества и «побратимства», создание ажиотажа вокруг всего, что обладает хотя бы еле уловимым привкусом антисоветчины, мемуарно-литературные подтасовки, поддержку всех, кто по умыслу, или юности, или глупости реально или потенциально способен идти на поводу».

В книге сообщается, что сионистов в мире обслуживает 1 036 собственных периодических изданий. Но они придают чрезвычайное значение внедрению своей агентуры в печать, радио, телевидение, кинематограф всех государств. Используя такой мощный аппарат, сионистская агентура стремится как бы дирижировать событиями, непомерно выпячивая одни и намеренно замалчивая или затушевывая другие.

На наш взгляд, следует согласиться с автором книги, который широко использует в своей работе труды, в частности, американского публициста — антисиониста А. Лилиенталя, что не только из американской действительности, где сионизм не является противником правящих классов, можно «...привести сотни неопровержимых доказательств хорошо продуманной и осуществляемой исподволь целеустремленной деятельности сионистов и просионистов на телевидении и радио, в театральном деле и кино, в литературе и литературной критике и многих других сферах, влияющих на миропонимание человека».

Особое значение сионизм придает извращению, ревизии марксистско-ленинского учения, фальсификации истории и политики Советского Союза, стран социалистического содружества как важнейшим средствам идеологической борьбы против нашей страны, против коммунизма в целом. Читатель найдет убедительные примеры, характеризующие данную сферу сионистской деятельности, в книге Ю. Иванова.

Сплоченность стран социализма, чистота революционного учения Маркса — Энгельса — Ленина, крепнущие силы международного коммунистического и рабочего движения, а также национально-освободительного движения народов — все это надежные гарантии против происков империализма и его сионистской агентуры.

Книга Юрия Иванова «Осторожно: сионизм!», богато и научно аргументированная, свидетельствующая о партийности и высоком чувстве патриотического долга ее автора, безусловно, будет с интересом встречена нашей общественностью.

Н. НИКОЛАЕВ

Юрий Иванов. Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. Издательство политической литературы, 1969. Тираж 75 тыс. экз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вслед за Анжеликой я прошел в бедно обставленный номер. На комоде стоял радиоприемник с коробкой, как у телефона-автомата, куда надо было опускать монеты, если вы хотели слушать передачи. На складном стульчике лежал потрепанный чемодан Анжелики. Все здесь действовало удручающе. Да и сама Анжелика, чья красота так часто доводила меня до исступления, сейчас тоже вызывала лишь чувство подавленности и неловкости. Ничего не испытывая к ней, даже сожаления, я спрашивал себя: кому нужно ее существование? Она превратилась в препятствие на моем пути, грозившее уничтожить все, чего я достиг, и потому подлежавшее устранению.

Анжелика выглядела очень усталой, словно давно не спала. Она тут же стала закуривать неизменную сигарету, и звук чиркнувшей по коробку спички вызвал у меня раздражение. Анжелика покорно ждала, когда я заговорю. Я вспомнил, что лишь накануне вечером объяснялся ей в любви и, окончательно потеряв голову, воображал, будто только она может дать настоящее счастье мне и Рикки, а моя жизнь с Бетси — сплошной самообман. Я весь съежился при мысли о вчерашнем, и злость против нее — уже в который раз! — вспыхнула во мне с новой силой. Черт побери, ведь это она втащила в нашу жизнь Джейми; это она в течение двух лет с бабьей покорностью цеплялась за него, безропотно переносила бесчисленные унижения, а потом так же безропотно позволила бросить себя. Она его нашла — почему же не удержала? Почему позволила ему впутаться в жизнь Дэфни? Почему по первому же его слову послушно собрала свой чемоданишко и приплелась ко мне?

— Ну, что ж, надеюсь, ты довольна неприятностями, которые всем нам причинила? — почти в бешенстве спросил я.

Я понимал, что мое обвинение беспочвенно и что Анжелика вправе защищаться. Но она и не подумала воспользоваться своим правом. Спокойная и печальная, она стояла у окна; ее спускавшиеся на плечи волосы отливали матовым блеском.

— Расскажи мне о Джейми,— попросила она.

— А что рассказывать? Вчера вечером его кто-то застрелил.

— Но кто?

— Откуда мне знать? И вообще, что я знал о Джейми Лэмбе? Это ты должна о нем знать.

— Видишь ли, ни я, ни Элин пока ничего не сообщили о тебе полиции.

Я рассказал Анжелике обо всем, что предпринял. И по мере того как рассказывал, видел себя уже не ловким комбинатором, получившим в награду вице-президентство, а ничтожным, гадким холуем, который тычется туда и сюда и трусливо отбрасывает всякие принципы, лишь бы спасти собственную шкуру и умилостивить своего владыку. Возможно, мне было бы легче рассказывать, если бы Анжелика хоть на время отвела взгляд. Но она внимательно смотрела на меня своими большими глазами, и хотя в них не было ни малейшего упрека, сама эта внимательность, смешанная с удивлением, казалось, выражала осуждение, словно Анжелика думала: «И этого человека я любила!»

Нет, нет, я сам наделял ее ролью своего судьи и тем не менее еще сильнее ее за это ненавидел. Чем она лучше меня, чтобы иметь право судить?..

Я замолчал, а Анжелика, все еще не сводя с меня глаз, закурила очередную сигарету и спокойно заметила:

— Вот так, значит, обстоит дело?

— Да.

— Теперь ты и Дэфни связаны одной веревочкой. Если меня найдет полиция и я не смогу доказать свое алиби, придется говорить правду, и тогда постройка, возведенная тобой и мистером Кэллингхемом, рухнет... Если же я утаю правду, полицейские решат, что убийца я. И тогда меня арестуют.

Простая констатация этих фактов прозвучала как обвинение. Однако тон Анжелики не изменился; она по-прежнему смотрела на меня кротко, словно извиняясь, и это могло свести с ума. Я не ответил, и она спросила:

— Чего бы ты хотел от меня? Что я должна сделать?

«Умереть,— подумал я.— Исчезнуть». Не имея за душой ни дельного совета, ни предложения, я лишь сказал:

— А как с баром? Ты ведь была в баре в двенадцать часов, там должны тебя помнить.

— Нет. В бар я не заходила.

— Но ты же говорила!

— Собиралась зайти занять денег у знакомого бармена, но через окно увидела за прилавком другого бармена и вспомнила, что мой знакомый сегодня не работал. Тогда я зашла в аптеку и позвонила тебе.

Почему все, к чему бы она ни прикоснулась, тут же разваливалось?

Она рассказала мне об этом совершенно обыкновенным тоном, будто речь шла о нормальном эпизоде из области совершенно нормальных человеческих взаимоотношений. Я живо представил себе, как они, упиваясь разыгрываемой мелодрамой, дерутся, грозят друг другу револьвером, потом начинают ворковать, как голубки, и под конец решают заложить револьвер, чтобы Джейми мог купить для Дэфни, скажем, пару коктейлей в каком-нибудь фешенебельном баре. Я опять подумал, какую убогую и безалаберную жизнь вела Анжелика, и уже не испытывал того чувства вины, что охватило меня в первые минуты нашего свидания. Сейчас она была в моих глазах обыкновенной неврастеничкой, испорченной этой пошленькой и дешевенькой связью, смысла которой я не мог понять. Вместе с таким удобным для меня презрением к Анжелике я почувствовал желание причинить ей боль.

— Ты, наверное, и мое кольцо отдала ему для той же цели? — заметил я.— Полиция обнаружила его в квартире Джейми.

Анжелика начала медленно краснеть.

— Да. Отдала и кольцо.

— Заложить?

— А почему бы и нет? — Зарумянившееся лицо делало Анжелику совсем юной и какой-то беззащитной, хотя ее глаза блестели от гнева.— Надеюсь, ты не думаешь, будто я хранила кольцо в качестве сувенира твоей нежной любви?

— Оно было у тебя на пальце в тот вечер, когда мы встретились в баре.

— Ну и что?

— Ты...— Я вовремя спохватился: было бы нелепо позволить разговору развиваться в этом направлении. Наобум я спросил:

— Где ты купила этот револьвер?

— В ломбарде на Третьей авеню.

— И зарегистрировала на свою фамилию?

— Конечно.

— Анжелика Гардинг?

— Анжелика Робертс.

Удивительно, как я сам об этом не догадался. Впрочем, про себя я всегда называл Анжелику своей фамилией. Мысли у меня заработали быстрее, и я сообразил, что эта маленькая деталь может спасти всех нас.

— Какой адрес ты дала?

— Западная Десятая, там, где я жила.

Мне показалось, что лейтенант Трэнт незримо появился около меня. Но теперь он не представлял опасности, как и Анжелика. Ни он, ни она отныне не имели никакого значения:

— По-твоему, его убила я? — тихо спросила Анжелика.

Меня так и подмывало бросить ей в лицо: «А почему бы и нет? Ты была без ума от него, хотя он всячески издевался над тобой и всего лишь за два часа до смерти выгнал на улицу». Однако убила его не она: медицинское заключение не оставляло сомнений на этот счет. К тому же я еще не совсем потерял самообладание и понимал, что у нас нет времени на взаимные обвинения. Анжелика не убийца, она просто досадная помеха, и ее нужно обезвредить — ради Бетси, ради Дэфни, ради Ч. Д., но главным образом ради меня.

— Я знаю: убила его не ты. По данным полиции, Джейми застрелили между половиной второго и половиной третьего. К тому моменту ты уже больше часа провела у нас на квартире.

— Следовательно, ты уже разговаривал с полицейскими?

— Разумеется.

— И эта женщина... ваша няня?

— Да.

— И тебе пришлось рассказать полицейским обо мне! Газеты, конечно, подхватят скандал, и все станет известно Бетси. Я испортила тебе жизнь, Биль, что я наделала?!

По выражению ее лица я понял, что она искренне переживает за меня, проявляя полнейшее равнодушие к собственной судьбе, и не мог не подумать, что она ведет себя благородно. Как-то сразу мой план, которым я хотел поделиться с ней, план, представлявшийся таким остроумным и правильным, когда я излагал его Полю Фаулеру, показался мне нелепым.

— Ну, а если попробовать с барменом? Ты говоришь, он твой друг и имел выходной вечер. А что, если...

— Если я провела этот вечер с ним? — Анжелика криво улыбнулась.— Он совсем иной друг. Просто мы иногда немножко болтали через стойку. Если мне не изменяет память, у него жена и пятеро детей.

Я и сам не верил в реальность своего проекта, но теперь, услышав ответ Анжелики, окончательно впал в отчаяние. Круг замыкался. Анжелика оставалась женщиной, предназначенной самой судьбой для того, чтобы уничтожить меня.

Взглянув в окно на грязные крыши и дымовые трубы, она повернулась ко мне.

— Ты ведь знаешь, я никогда не была на квартире Джейми, он не позволял приходить. В Нью-Йорке мы всего несколько недель, и у нас нет общих знакомых. Возможно, полиция и не нападет на мой след.

— Обязательно нападет. Джейми убит из твоего револьвера...

— Из моего револьвера?!

— Да, из револьвера, который я видел в тот вечер у тебя под подушкой. Трэнт нашел его около трупа и показал мне. Я его сразу же опознал. Ты знала, что он у Джейми?

— Знала. Джейми взял его у меня три дня назад.

— Зачем?

— Он приходил ко мне сказать о своей женитьбе на Дэфни. Предполагалось, что я устрою ему большой скандал, но я не устроила. Он страшно разозлился и... Мы разговаривали в спальне, и я ухитрилась достать револьвер из-под подушки. Джейми успокоился, а потом, уходя, выпросил его у меня. Он без денег и хотел его заложить.

я знал, как с ними справиться. Доберется ли Трэнт до ломбарда на Третьей авеню? Разумеется. Он, конечно, установит и фамилию человека, который приобрел пистолет. А дальше? Это будет не имя Анжелики Гардинг, прямым путем ведущее ко мне, а имя какой-то Анжелики Робертс с адресом на Западной Десятой улице. Он отправится на Западную Десятую и узнает, что женщина с этим именем, которую там толком никто не знал, прожила несколько недель в чужой квартире и уехала. Да, подозрение у него, возможно, возникнет. Он, безусловно, начнет ее подозревать хотя бы потому, что револьвер принадлежал ей, а в ночь убийства она скрылась из Нью-Йорка. Но пусть подозревает сколько угодно, найти ее он все равно не сможет. Анжелики уже не будет ни на Западной Десятой, ни в Нью-Йорке вообще. Лейтенант начнет разыскивать по всей территории Соединенных Штатов женщину по фамилии Робертс, а эта фамилия — одна из самых распространенных в стране. Даже Трэнт с его поразительными способностями ни за что не найдет Анжелику в захолустном городишке штата Айова.

Теперь я видел все в розовом свете. Новый, только что возникший план казался мне безупречным. Надо было только укрепить Анжелику в ее намерении уехать. Поступая так, она не подвергала себя никакому риску: в конце концов Трэнт найдет гангстера или проститутку, подхваченную Джейми где-нибудь в баре, найдет того, кто убил его, и со временем имя Анжелики Робертс забудется.

Я почувствовал себя таким же энергичным, как Ч. Д. Анжелика сидела на кровати. Румянец покинул ее вместе со следами гневной вспышки. Ее лицо выражало лишь обычные для нее смирение и робость.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

— Тебя знает кто-нибудь на Западной Десятой улице?

— Только женщина с той же лестничной площадки.

— Но ей неизвестно, что ты из Клэкстона?

— Конечно, нет.

— В таком случае слушай...

Я с энтузиазмом посвятил ее в свой замысел, нисколько не сомневаясь, что она одобрит его, и не ошибся. Анжелика молча выслушала меня, потом, волнуясь, тихо сказала:

— Я уже звонила на Пенсильванский вокзал и справлялась. Следующий поезд отходит в 5.35 вечера.

Я взглянул на часы: только половина пятого.

— У тебя осталось что-нибудь на квартире?

— Да. Почти все мои вещи.

— Чемоданы у тебя есть?

— Есть.

— Дай мне ключи, я съезжу за ними... Нет, это, пожалуй, слишком рискованно: от Трэнта можно ожидать всего. Я пошлю Поля, а ты пока собирайся, мы вполне успеем на поезд.

Анжелика подошла к высокому комоду, взяла сумочку, вынула из нее ключи и передала мне. Затем я подумал о деньгах. Вчера ночью я отдал ей все, что обнаружил у себя в бумажнике, а обращаться в банк уже не оставалось времени.

— У тебя хватит денег расплатиться с гостиницей?

— Я ничего не истратила из твоих денег. Мне надо уплатить только за номер и за сандвич, я его заказывала вместо ленча.

— Тогда расплачивайся, а на билет я возьму у Поля.

Позвонив Полю, я убедился, что он уже вернулся после ленча. Анжелика укладывала в чемодан платье.

— Когда соберешься, приезжай на Пенсильванский вокзал и подожди нас у справочного бюро.

Анжелика продолжала молча укладывать вещи. Наняв такси, я помчался в канцелярию фонда, вкратце сообщил Полю суть дела, причем из-за отсутствия времени даже не успел расспросить, что рассказала Проп о своей беседе с Трэнтом. Он одолжил мне двести долларов из денег фонда и с ключами Анжелики поспешно отправился к ней на квартиру.

Я приехал на Пенсильванский вокзал около пяти часов. Анжелика, в стареньком черном пальто и с повязанным на шее шарфом, стояла около справочного бюро. Купив билет до Клэкстона, я вручил его Анжелике вместе с остатком денег, и мы стали ждать. Поль появился в начале шестого с двумя чемоданами. Он кивнул Анжелике и смущенно улыбнулся.

— Привет, Анжелика!

— Здравствуй, Поль!

— Я затолкал сюда все, что могло принадлежать женщине.— Он указал на чемоданы.— Даже пенковую трубку. Кто знает, может, пригодится. Ну что ж, детки мои, желаю вам счастья и все такое. Мне нужно мчаться обратно, на службу к милой богатой мадам, которую я намерен как следует обчистить. Позвони мне, Биль, сразу, как только освободишься, я расскажу, что мне наболтала Проп.

Он помахал нам и скрылся еще до того, как я успел поблагодарить его. Состав уже подали, и на платформу, около которой он стоял, двигался поток пассажиров. Мы последовали за ними. Я разыскал место Анжелики, поставил на багажную полку чемоданы и бросил на сиденье купленные в киоске журналы. До отхода поезда оставалось десять минут. Мы вышли на перрон.

Не знаю, почему Анжелика вышла вслед за мной и почему я сразу же не уехал с вокзала. Желание как можно скорее отделаться от нее боролось во мне с глухой тоской по прошлому. Ведь рядом со мной стояла она, Анжелика, одинокая, никому не нужная, потерпевшая крушение и уползавшая обратно в то место, где еще надеялась найти приют. Теперь, когда я ее спас и обезвредил, во мне снова заговорила старая привязанность и... жалость.

— Может, мне нужно знать что-нибудь еще? — спросила она.

— Не думаю. Я напишу тебе, как будут развиваться события.

— Деньги я верну.

— Забудь о них.

— Нет, нет! Это же долг.

Тут я вспомнил, с какой алчностью Элин приняла взятку и как легко я согласился стать вице-президентом. Сравнение было не в мою пользу, но я заставил себя не думать об этом. Людей на платформе становилось все меньше; мимо нас прошел продавец газет и журналов, толкая перед собой тележку.

— Передай от меня привет своему отцу,— сказал я.

— Хорошо, передам.

Анжелика выглядела такой красивой и такой несчастной. Я было задал себе вопрос, что у нее сейчас на уме, но поспешил отогнать эту мысль.

— Надеюсь, ты будешь там счастлива,— неловко сказал я.

— Счастлива? — Ее огромные милые глаза остановились на мне.— Ты надеешься?

— Допускаю, что ты и сама пока этого не понимаешь, но поверь: без Джейми ты будешь чувствовать себя значительно лучше.

— Да?

Выражение беспомощности на ее лице рассердило меня.

— Ну что ты в самом деле! Это же еще не конец всему белому свету.

— Для тебя нет, не конец.— Она взглянула на меня, и в ее глазах я увидел презрение и отвращение.— Разумеется, для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя; все ведь можно «устроить». Кто-то оказался убитым — надо устроить так, чтобы виновные остались в стороне. Кто-то знает слишком много — надо устроить так, чтобы от этого никому не было плохо. Кто-то вообще мешает — посади его в поезд и устрой так, чтобы он не стоял на твоем пути. Да, ты, несомненно, кое-чему научился. Ты многому научился. Ты и твои Кэллингхемы, вот уж поистине союз единомышленников!

Она резко отвернулась и направилась к поезду. Я пошел за ней.

— Анжелика!..

Она не оглянулась, поднялась по ступенькам вагона и исчезла.

Я пошел к выходу. Сердце у меня колотилось от злости. «Черт бы ее побрал! — думал я.— Она не только шлюха, но еще и ограниченная, тупая дура. Что, по ее мнению, мне следовало делать? Потерять работу, потерять жену, отказаться от всего ради какой-то нелепой, абстрактной истины?» Однако злость моя скоро прошла, и, оказавшись в толпе, заполнявшей центральный зал вокзала, я уже думал о том, что домой приеду часов в шесть и, возможно, застану там Бетси. Мысль о Бетси сразу принесла мне облегчение.

Анжелика окончательно ушла в прошлое.

Я только что навсегда отделался от грозившей мне страшной опасности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще с вокзала, из кабины телефона-автомата, я позвонил Полю. Он только что вернулся к себе.

— Я ничего не рассказывал Проп во время ленча,— сообщил он.— По-моему, лучше не перегружать ее умишко.

— Ну и хорошо.

— Этот фараон, видимо, большого вреда не принес. Он с ней и разговаривал-то всего несколько минут. Проп даже не сказала ему, что знала Джейми раньше, в Калифорнии. Я поздравил ее с такой сообразительностью, но она заявила, что просто забыла об этом сказать... Значит, все в порядке?

— По-моему, да.

— Молодец! Не стесняйся и звони, когда тебе потребуется. Старая мамка-лейкемия работает круглосуточно.

— Спасибо, Поль.

— Да, кстати. Вернулась Эксплуататорша. Как только я приехал на службу, мне сообщили, что она звонила и спрашивала меня. Будь с ней любезен и мил.

— Разумеется.

— Целую тебя. Ты славный парень.

— Пока, Поль. Чек я перешлю тебе завтра утром.

— Правильно. Две сотни? Этого почти хватит Проп купить духи на субботу и воскресенье.

Я взял такси и в превосходном настроении отправился домой. Открывая дверь квартиры, я услыхал в гостиной голоса и вошел туда. Здесь оказались Бетси и Елена Рид, а с ними лейтенант Трэнт, с бокалом коктейля примостившийся, как всегда, на ручке кресла.

Он так долго и так неотступно преследовал меня в моих мыслях, что на мгновение показался призраком, созданным моей неспокойной совестью. К сожалению, это был вовсе не призрак.

— Биль, ты ведь знаком с лейтенантом Трэнтом? — заметила Бетси.— Он зашел узнать, не смогу ли я чем-нибудь помочь ему в расследовании убийства Джейми.

Трэнт кивнул.

— Как видите, мистер Гардинг, меня уговорили выпить. Но мне нужно двигаться дальше.

— Нет, но вы только подумайте! — воскликнула Елена Рид.— Убийство в ближайшем окружении Кэллингхемов. Кажется, чудесам не будет конца.

Я твердил про себя, что в появлении Трэнта нет ничего неестественного. Просто он считал своим долгом переговорить с Бетси — она тоже знала Джейми, хотя и немного,— и, как обычно, опередил меня. Но это не имело значения: как бы он ни хитрил, Бетси ничего не сможет ему сказать.

Жена выглядела усталой, но ее счастливая, так преображавшая ее улыбка обрадовала меня и рассеяла страх перед Трэнтом. Я подошел и поцеловал ее.

— Биль, дорогой, уговори свою жену хоть немного отдохнуть,— заговорила Елена Рид.— Вот я, кажется, свалюсь и буду отдыхать не меньше года. Если бы ты только знал, как мы измотались! Столько болтали и стольких очаровывали, что вчера вечером часам к десяти еле добрались до постелей. А сколько мы выпили минеральной воды (под видом шампанского)! Скольких матрон одарили своими ослепительно-благотворительными улыбками! Если я увижу еще хоть одно так называемое «простое» платье и жемчужное ожерелье, со мной произойдет истерика!

— Да, Биль, Елена была прямо-таки неотразимой,— подтвердила Бетси.

— Неотразимой?! — воскликнула Елена.— Скажи больше — божественной! Но почему мы без конца трещим только о наших успехах? Биль, милый, Бетси сообщила мне великую новость. Тысяча поздравлений! Не имею ни малейшего представления, чем занимается вице-президент, ответственный за рекламу, но знаю, что это нечто весьма важное. Выпьем!

Все, включая Трэнта, выпили за меня.

Вскоре он ушел, а минуты через две ушла и Елена. Как только за ней закрылась дверь, я спросил:

— Чем интересовался Трэнт?

— По существу ничем. Он спрашивал о Джейми, но я почти ничего не могла ему сообщить.

— Ты не рассказала, как Джейми побил Дэфни?

— Что ты! К тому же Дэфни его вообще не интересовала. Ведь она весь вечер провела с тобой.

Не желая вводить Бетси в заблуждение, я решил рассказать ей, как мы устроили алиби Дэфни.

— Не было ее здесь вчера,— сказал я.

— Как не было? А лейтенант сказал...

— Это мы с Ч. Д. все устроили.

— Биль, но ведь это же...

В комнату вошла кухарка и доложила, что обед подан.

— Давай пообедаем тихо и мирно по случаю твоего возвращения,— сказал я, как только она ушла,— а потом я все тебе расскажу. У тебя нет причин беспокоиться.

Все еще сомневаясь, Бетси испытующе посмотрела на меня. Я обнял ее и поцеловал. Она прижалась ко мне, словно мы не виделись вечность.

— Я так о тебе скучала, Биль. Наступит ли когда-нибудь время, когда я перестану быть влюбленной дурочкой?

— Надеюсь, никогда не наступит.

Не спеша, с сознанием собственной правоты снова целуя Бетси, я поймал себя на том, что через ее плечо посматриваю на кушетку, на которой вчера целовал Анжелику. Невероятно, но вчерашний эпизод показался мне чем-то случайным и не заслуживающим внимания, а сама Анжелика — плодом моего воображения.

После обеда я рассказал Бетси, как мы с Ч. Д. сфабриковали алиби Дэфни. Я понимал, что жена вряд ли одобрит придуманную нами ложь, ибо, как ни странно для отпрыска Ч. Д., она не терпела никакого обмана. Но я понимал и другое: именно потому, что Бетси принадлежала к клану Кэллингхемов, она в отличие от Анжелики в конце концов примирится с ложью, как с меньшим злом. Мне казалось, что мой рассказ выглядит, в общем-то, безобидно и даже банально, если к тому же учесть, сколько я не договаривал, и потому я даже удивился, когда она вдруг забеспокоилась:

— Ну, а что же Дэфни действительно делала вчера вечером?

— Не знаю.

— Но ты говоришь, она была с Джейми?

— Так утверждает Ч. Д. Часть вечера и ночи она провела с ним, а потом была одна.

— Следовательно, хоть отец-то знает, как она провела это время?

— Ничего не могу сказать. Дэфни, правда, болтала, что старик вынудил ее рассказать почти все.

— Значит, она сообщила только то, что нашла нужным, ты же понимаешь.— Бетси встала.— Как вы с отцом можете сохранять такое спокойствие? Сфабриковать алиби еще полдела. Ну, а если Дэфни провела время с Джейми и если кто-нибудь видел их вместе? Ты же знаешь. Она могла выкинуть какой-нибудь фортель, и если мы не узнаем, какой именно...

Тревога Бетси передалась и мне. Конечно, она права. Раньше я не принимал Дэфни в расчет, но теперь понял, что Трэнту не составит особого труда доказать фальшивость алиби.

— Мы должны заставить Дэфни рассказать нам все, что произошло,— заявила Бетси.

— Пожалуй, ты права.

— Будь добра, позвони ей. Тебе же известно, что мы с ней как кошка с собакой. Попроси ее приехать сюда, в крайнем случае поедем к ней сами.

— Хорошо.

К телефону на квартире Ч. Д. подошел Генри.

— Да, сэр,— сказал он,— мисс Дэфни у себя. Я соединяю вас.

Почти тотчас же до меня донесся голос Дэфни:

— Биль? Как чудесно, что ты позвонил! Я сижу под домашним арестом. Папка просто невыносим. Еще никогда в жизни мне не приходилось так скучать.

— Вернулась Бетси,— сообщил я.

— Боже милосердный! Наверно, прямо кипит от благочестивого негодования?

— По ее мнению, мы должны как следует поговорить о вчерашней ночи, и я с ней согласен.

— Ого-го!.. Ну, а почему бы и нет? Все не так скучно будет.

— Значит, мы можем приехать?

— А без своей драгоценной супруги ты не сможешь?

— Я бы предпочел с ней.

— Ну хорошо, привози и ее. Пусть она на здоровье выговорится. Но послушай, Биль...

— Да.

— Умоляю, не показывайся в библиотеке! Папа сидит там в мрачном одиночестве и переживает. Способен наброситься на любого — слышишь, на любого! — как... как... Ну как называются эти собаки?

— Овчарки?

— Да нет, Биль! Не будь таким болваном. Другие. Ну, с такими кривыми ногами, клыки наружу...

— Бульдоги?

— Вот, вот! Как бульдог. Ты просто умница.

Она положила трубку.

— Мы едем? — спросила Бетси.

— Да. Ч. Д. велел ей никуда не выходить. Она говорит, что у него отвратительное настроение и нам лучше с ним не встречаться.

— Как она разговаривала?

— Как всегда.

— Тебе не показалось, что она разговаривала так, словно...— Бетси не спускала с меня глаз, и теперь ее лицо выражало не столько озабоченность, сколько страх. Меня это удивило.

— Словно?..

— Словно его убила она? — быстро ответила Бетси.

Кажется, такая мысль мелькнула и у меня, но тут же исчезла — многое другое беспокоило меня гораздо больше. Но предположение было высказано, и на нем следовало остановиться.

Конечно, Дэфни могла убить Джейми. Я сомневаюсь, существовало ли на свете что-нибудь из ряда вон выходящее, чего бы она не сделала ради простой прихоти, как и подобает одному из Кэллингхемов. Я вспомнил, с каким выражением смотрел Ч. Д. сегодня утром на Дэфни,— в его взгляде смешались любовь и отчаяние, и мысль о том, что сейчас он переживает в одиночестве, закрывшись в библиотеке, приобрела новую, зловещую значимость. Однако Бетси выглядела встревоженной, а я слишком беспокоился о ней, и потому мне оставалось только попытаться опровергнуть ее предположение.

— Я спрашивал у нее, и она ответила отрицательно,— сказал я. Этот ответ даже мне самому показался невероятно глупым. Я снова обнял Бетси и поцеловал ее.— Не забивай себе голову подобными мыслями. Все обойдется как нельзя лучше. Даю слово. Иди одевайся. Нам нужно ехать.

Бетси все еще прижималась ко мне, и я видел, что она успокаивается. В ее предположении не было ничего невероятного, но как только я выразил сомнение (ни на чем, впрочем, не обоснованное), все ее тревоги как рукой сняло — так она доверяла мне.

Бетси пошла в спальню за пальто, а я тем временем оделся в холле. Следовало бы знать, что отделаться от Анжелики — это еще не все. Многое и впредь будет мне напоминать о моем двуличии. «Для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя, ведь все можно «устроить»... Мне снова послышался полный презрения голос Анжелики. Я представил ее себе в поезде. Что она делает? Читает журналы? Сидит просто так? Сидит и мрачно размышляет о том, какой я подлец?

Я заставил себя думать о другом — о Дэфни. Здесь тоже таилась опасность, хотя не для меня лично. Все, связанное с Дэфни, никак не могло меня скомпрометировать.

Бетси уже входила в холл, когда в голове у меня сверкнула мысль, поразившая меня, как удар в лоб. А что, если Дэфни знает об Анжелике? В одиннадцать часов Джейми отправился к Анжелике, намереваясь вышвырнуть ее из квартиры. Дэфни в это время, возможно, еще находилась у него, и он мог ей сказать, куда идет. «Ты же знаешь — бывшая жена Биля, Анжелика... Разве он тебе не говорил, что она в Нью-Йорке?.. Как же, как же... Они все время встречаются».

Я повернулся к Бетси. Это было ужасно. Как бы я ни любил ее и как бы ни нуждался в ней, особенно сейчас, я уже не мог видеть в ней свою надежную опору, свое спасение. Она представляла теперь такую же опасность, как и Анжелика, она была теперь женщиной, которую мне придется всю жизнь обманывать и которая могла в любой момент узнать правду из случайного, пустякового замечания Дэфни.

Ненавидя себя за эту подлую дипломатию, я сказал:

— Дорогая, ты выглядишь очень усталой. Ты помнишь, что сказала Елена? Почему бы тебе не остаться дома и не полежать, а я бы справился один?

— Ничего, ничего, я чувствую себя нормально.

— Ты же видишь, как к тебе относится Дэфни. Может, будет во всех отношениях лучше, если я займусь ею один?

Бетси, отклоняя все мои соображения, улыбнулась мне, уверенная, что выполняет свой долг.

— Не надо говорить об этом, мой дорогой. Мне известно, что я действую ей на нервы. Но в конце концов я единственный человек в нашей семье, который может заставить ее что-то сказать, если она начнет запираться.— Бетси взяла меня под руку.— Пошли.

У дома все еще стояла машина Бетси, в ней она и Елена Рид приехали из Филадельфии. На пути к квартире Ч. Д. машиной управлял я. Бетси сидела прямая и решительная.

— Мы не позволим ей выкрутиться, мы обязаны узнать у нее всю правду,— заявила она.

— Правильно.

Бетси положила руку мне на колено.

— Родной, ты просто ангел. Вся эта история — подлинный кошмар для отца. Я даже представить себе не могу, как он мог бы обойтись без тебя...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Генри открыл дверь и провел нас в комнату Дэфни. Сбросив туфли, она лежала в розовом шезлонге, но при нашем появлении повернулась и взглянула на нас с деланно обиженным видом.

— Надеюсь, вы принесли мне булку хлеба с пилкой внутри? Честное слово, папка просто чудовище. К нам заехал Ларри Мортон, собирался проводить меня на вечеринку к Лиздонам. А отец... Знал, как мне хотелось побывать у них, но заставил прикинуться больной. Это я-то больная! А знаете, я и вправду скоро заболею этой самой... ну, еще арестанты от нее умирают. А, вспомнила: цингой.

Она не соизволила даже встать. Бетси подошла к ней и поцеловала. Дэфни долго и испытующе рассматривала ее.

— Ты ужасно выглядишь, милая. Что ты делала в Филадельфии?

Бетси присела на краешек шезлонга. По характерной складке губ я понимал, что Дэфни ее раздражает, но она во что бы то ни стало пытается сдержаться.

— Нам нужно знать, что произошло вчера ночью. На это существует миллион причин, а каких — даже ты, надеюсь, в состоянии понять.

Дэфни еще некоторое время смотрела на Бетси, потом перевела свои лягушачьи глаза на меня. Теперь я уже не испытывал особого беспокойства. По дороге к Ч. Д. я вспомнил наш разговор с Джейми на вечеринке. Он попросил меня ничего не рассказывать Анжелике о Дэфни и ясно дал понять, что он сам никогда не рассказывает своим возлюбленным о прошлых связях. Вот почему с большой долей уверенности можно было предполагать, что Дэфни не знает ничего такого, что могло бы серьезно мне повредить. Тем не менее я держался настороже. Улыбнувшись Дэфни, я поддержал жену:

— Да, правильно. Расскажи нам все. Мы хотим твердо убедиться, что Трэнт не сможет доказать фиктивность твоего алиби.

— Ах, этот лейтенант! — Дэфни пожала плечами.— Милый, да он не сможет доказать, что дважды два четыре! — Она спустила с шезлонга ногу в чулке и не глядя пыталась попасть ею в туфлю.— Впрочем, какое это имеет значение? Если уж вас так разбирает любопытство, пожалуйста, расскажу. Только, ради бога, не прикидывайтесь святошами. Честное слово, отец прочитал мне столько нравоучений, что больше я этого не вынесу.

— Мы не будем прикидываться святошами, моя дорогая,— пообещала Бетси.— Ты только расскажи.

Дэфни отказалась от попыток надеть туфлю и подвернула ногу под себя.

— По правде говоря, виноваты вы сами. Если бы не вы, ничего бы не произошло. Джейми уже надоел мне. Любому человеку со временем все приедается. Но тут вмешиваетесь вы только потому, что он напился и грубо обошелся со мной. Когда же из простого милосердия, как и подобает настоящей христианке, я решила его простить, вы набросились на меня чуть не с кулаками и потребовали, чтобы я с ним не встречалась, иначе вы все расскажете папе.— Она тряхнула волосами.— Больше всего на свете я ненавижу людей, которые вмешиваются не в свои дела.— Она бросила быстрый взгляд на Бетси.— А последней каплей, переполнившей чашу, моя дорогая, стал наш задушевный, как и водится среди сестер, разговор накануне твоей поездки в Филадельфию. После нудных, многословных и ужасно серьезных увещеваний старенькой мамочки Бетси я решила про себя: ко всем чертям! Мне говорят: «Боже тебя упаси выйти замуж за Джейми!» — а я вот возьму и выйду! Резонно, а? Только так и должна поступать уважающая себя девушка.

Что и говорить, именно так и должна была поступить Дэфни Кэллингхем.

На лбу Бетси появилась недоуменная складка.

— Следовательно, ты по-настоящему любила Джейми?

— Любила? А кто скажет, что такое любовь? Ты знаешь, ведь даже у самых скромных светских девушек может возникнуть желание. Он был красив, и я его хотела.

Из-за полуприкрытых ресниц Дэфни внимательно следила за Бетси, надеясь, что ей удалось ее шокировать.

— Правда, сейчас эта история даже мне самой кажется глупой, но тогда я рассуждала иначе. После того, как ты, слава богу, убралась в Филадельфию, мы с ним встречались по нескольку раз в день. Я прямо сказала ему, что хочу выйти за него замуж и что надо действовать. Теперь-то я вижу, каким тупицей он оказался — может, потому, что больше всего на свете любил самого себя. Он ответил, что нам не о чем беспокоиться, все будет так, как мы хотим. Недели через две, заявил он, все забудется, и вы с отцом снова будете носиться с ним и приползете на четвереньках на нашу свадьбу, да еще с веточками флердоранжа в зубах. Самонадеянность, мои дорогие! Наглая самонадеянность! Он верил, что способен заставить акулу выплюнуть собственные зубы, стоит ему только пустить в ход свои чары.

Дэфни повернулась ко мне и властно протянула руку. Это был обычный ее жест, вполне в стиле Ч. Д., и означал он, что ей нужно закурить. Я подал ей сигарету и поднес горящую зажигалку. Сквозь табачный дым она продолжала:

— Разумеется, я ответила ему, что он просто сопляк и совсем не знает тебя, а особенно папу. Если ты, Биль, сказала я ему, расскажешь папе, что он побил меня, папа не только не даст согласия на наш брак, но и с большим скандалом выгонит его из Нью-Йорка. Ну, а Джейми только ухмыльнулся, глупо так ухмыльнулся, и оттого показался мне еще более красивеньким и миленьким, и я, честное слово, готова была его съесть! Вот так обстояли дела до вчерашнего вечера.— Она посмотрела на свою сигарету.— Брр... До чего же противно это дерьмо с фильтром! Дай мне настоящую сигарету. Я же взрослая девица.

Других сигарет у меня не оказалось. Бетси порылась в своей сумочке и достала оттуда пачку. Ритуал закуривания повторился.

— Вчера вечером,— снова заговорила Дэфни,— я была здесь одна. Папа, слава богу, уехал в Бостон, о свидании мы с Джейми не договаривались. Кстати, я все на свете перепутала и почему-то считала, что вечеринка у Лиздонов должна была состояться именно в этот вечер и что за мной должен заехать Ларри. Он, само собой, не заехал, потому что вечеринку Лиздоны назначили на сегодня. Я уж потом сообразила, что к чему, и со злости хлопнула несколько бокалов вина. Насчет выпивки я ловко придумала, как обводить Генри вокруг пальца, чтобы он ничего не замечал и не наябедничал папе. Рассказать? На одной из полок в библиотеке, позади книг, у меня спрятаны бутылка джина и бутылка вермута, и когда здорово хочется выпить, я велю Генри принести льда и кока-колы. Потом тихонько... Боже, ну, не сумасшедшая ли я, раскрывать вам такие секреты!.. Одним словом, я выпила несколько бокалов и еще больше рассердилась и на Ларри за то, что он так меня подвел, и на вас, и особенно на Джейми, который оказался такой тряпкой. Потом, как-то внезапно, у меня возник план, и основан он был на том, что я хорошо изучила характер нашего милого папы. Да вы оба знаете его характер, так что нет необходимости заниматься тут всякими анализами. Наш папаша — мошенник из мошенников, но считает себя образцом добродетели. Что может ему не понравиться еще больше, чем нежелательный зять? Только одно.— Дэфни откинулась назад, приняла театральную позу и презрительно скривила губы, показывая маленькие белые зубы.— Обесчещенная дочь!

Дэфни хихикнула.

— Я прямо чуть не подпрыгнула от радости, когда эта мысль пришла мне в голову. Да она и сейчас мне нравится. Самая блестящая концепция двадцатого века! Я брошусь Джейми в объятия, безнадежно скомпрометирую себя, а потом поставлю папочку перед свершившимся фактом. «Послушай,— скажу я ему,— выбирай: или ты разрешишь мне выйти замуж за Джейми, или я созову так любящих тебя репортеров из конкурирующих изданий и расскажу им, как твоя обожаемая младшая дочка провела ночь наедине с молодым человеком в его однокомнатной квартире в самой немодной части Манхэттена». Получилось бы просто божественно! Получилось бы, как в «Давиде Копперфильде», и, несомненно, сработало бы.— Дэфни всплеснула руками, изображая бурный восторг.— Да, да, уж это-то подействовало бы на папашу, и я бы дорого дала, чтобы взглянуть в тот момент на его физиономию.

«Случается,— подумал я,— что даже легкомыслие перерастает порой в нечто великолепное!»

— И ты отправилась к Джейми? — спросила Бетси, не спуская с сестры глаз, полных глубокого беспокойства.

— Вот именно. Вывела из гаража машину и помчалась к нему. И можете себе представить, за каким занятием я его застала? Он торчал на своей кухне, грязной, маленькой, запущенной, и варил лапшу на ужин. Меня чуть слеза не прошибла. У него ведь и гроша ломаного за душой не было. Ну так вот. Я застала его в этой самой кухоньке голым до пояса, иначе тут можно было изжариться заживо. Я просто не могу выразить, как безумно захотелось мне иметь такого мужа! Потом я заметила, что он тоже не теряет времени, то и дело прикладывается к бутылке. Ну, я вытащила его из кухни, и мы принялись пить вдвоем, и я объяснила ему свой план.

— Когда это происходило? — спросил я.

— Примерно около семи. А в общем-то, я провела там несколько часов... Попивала мартини и объясняла свой план.— Дэфни затушила сигарету в пепельнице.— Каким же остолопом оказался этот Джейми! Вот вы без конца твердили, что он воплощение зла и разврата. Ну и ну! Да он оказался таким же целомудренным, как вы оба, вместе взятые, и даже больше, если только это вообще возможно. Сначала он ужаснулся. Как?! Совершить такой отвратительный поступок и вызвать гнев великого Ч. Д.?! Его следовало бы убить за одно это. Уж я уговаривала, уговаривала, уговаривала его — вы же знаете, я могу, когда нужно, проливать потоки слез. Только часам к десяти я его уломала. Жаль, вы не видели нас. Восхитительное зрелище! Я умоляю, а мой маленький Джейми с обнаженным торсом хлопает чудесными ресницами, идиотски улыбается и твердит: «О нет, о нет! Только не это...»

— Но он согласился с твоим планом? — прервала Бетси.

— В конце концов согласился, но с кучей оговорок. Все, видите ли, зависело от супружеской четы из соседней квартиры. Супруги ушли в гости, а он пригласил их по возвращении зайти к нему выпить по рюмке вина. Взять свое приглашение назад он не мог — квартиру-то ему предоставила во временное пользование их мать, да притом бесплатно. Так вот, никак нельзя было допустить, чтобы эти самые супруги увидели меня у Джейми: ему категорически запрещалось приводить женщин. Они наверняка устроят грандиозный скандал, вышвырнут нас на улицу и так далее и тому подобное. Послушать его, так это означало конец света. А мне-то казалось, что любой на его месте был бы только рад, если бы его вытурили из подобной квартиры. Но это между прочим. Джейми сказал, что у него есть один хороший приятель и мы спокойно могли бы воспользоваться его квартирой. Он предложил мне подождать его здесь, пока он пойдет и договорится с ним, приготовил мне еще один коктейль и умчался.

Слушая Дэфни, я настораживался все больше и больше: события, о которых она рассказывала, грозили затронуть и меня. «Другом» Джейми могла быть только Анжелика. В свое время он, безусловно, лгал ей, когда говорил о «непредвиденном возвращении хозяина квартиры», и Анжелика сразу это поняла.

Дэфни схватила сумочку Бетси и вытащила из нее сигареты. Я опять помог ей прикурить.

— К тому времени я уже основательно наклюкалась,— продолжала она,— и все представлялось мне чертовски забавным, особенно то, что Джейми оказался такой старой девой. Я даже подумала, что, наверно, насмерть перепугала его своим бесстыдным кокетством, и он скрылся во мраке ночи, как охваченная страхом лань. Но я ошиблась, он вскоре вернулся и сказал, что обо всем договорился со своим другом, тот согласился на время уйти из дому, и мы можем отправиться туда. Ну, мы и поехали.

— А где находится квартира, куда вы поехали? — спросила Бетси.

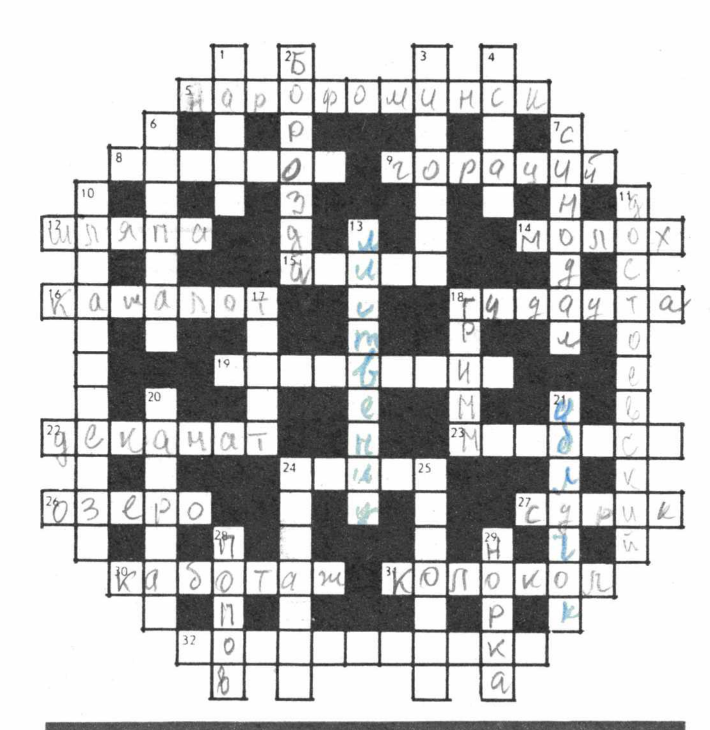
— Понятия не имею. По-моему, где-то на самой отвратительной окраине Гринич-вилледж. Машину вел Джейми. Боже, вы и представить себе не сможете, в какую трущобу он меня привез! Стены какого-то нелепого розового цвета, а кресло в комнате... Нет, я знаю, вы мне не поверите, но я говорю правду. Думаю, что говорю правду, если только в тот момент не страдала галлюцинациями, вызванными алкоголем. Кресло было целиком сделано из оленьих рогов. Вот сюда-то и притащил меня Джейми. Соседи, будь они прокляты, и тут не сходили у него с языка, но теперь я почти не слушала его, я уже стала раскаиваться в своей затее, Джейми всегда был милым нахалом, целовал меня, подбивал на... словом, делал все, что в таких случаях делается. А тут его словно подменили. Топчется вокруг меня — ни дать ни взять перетрусивший до смерти бойскаут, вроде Биля Гардинга.

Дэфни ласково улыбнулась мне.

— Нет, нет, милый Биль, я вовсе так не думала, просто я сочиняю, как противная старая сплетница! Ну вот. А Джейми все бубнил и бубнил. Часов в двенадцать, говорит, его соседи вернутся из гостей, зайдут к нему выпить, а его не окажется, поэтому ему надо срочно вернуться домой. Он разделается с ними за полчаса, потом снова примчится сюда, и мы начнем нашу восхитительную ночь любви. И он исчез. Было, вероятно, около половины двенадцатого. Вино уже кончилось, и я могла сколько угодно любоваться кошмарным креслом из оленьих рогов. И вот, дорогуши мои, произошло нечто прямо-таки позорное. Я почувствовала страшную усталость, решила на минутку прилечь и заняться духовным самосозерцанием. Когда я вновь открыла глаза, в окна уже пробивался унылый свет утра. Часы показывали половину седьмого, и я была одна-одинешенька в чужой квартире, сохранившая свою девичью честь, в измятом костюме, растрепанная, с похмелья и даже без зубной щетки.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город в Московской области. 8. Роман О. Гончара. 9. Римский поэт. 12. Головной убор. 14. Повесть А. И. Куприна. 15. Залив Красного моря. 16. Морское животное. 18. Курорт на берегу Черного моря. 19. Сборник избранных произведений художественной литературы. 22. Управление факультета. 23. Порт в Кении. 24. Сельскохозяйственная машина. 26. Естественный водоем. 27. Минеральная краска. 30. Прибрежное судоходство. 31. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 32. Коробка для сбора растений.

По вертикали:

1. Стихотворный размер. 2. Углубление между грядами. 3. Река во Франции. 4. Город в ОАР. 6. Кондитерское изделие. 7. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 10. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона. 11. Русский писатель. 13. Вечнозеленый кустарник. 17. Музыкальный ансамбль. 18. Братья, авторы сборников немецких сказок. 20. Победитель в конкурсе. 21. Место для возницы в санях. 24. Горный массив на юге Урала. 25. Персонаж трилогии К. Федина. 28. Изобретатель радио. 29. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

5. Стручкова. 8. Полтава. 9. Водолаз. 10. Купол. 13. Танго. 15. Атрек. 16. Варлаам. 18. Шоколад. 19. Аквамарин. 22. Антраша. 23. Такелаж. 24. Басня. 26. Гелий. 27. Посад. 30. Челеста. 31. Светлов. 32. Миллиметр.

По вертикали:

1. Осетр. 2. Гравюра. 3. Колонок. 4. Майор. 6. Конопля. 7. Качалов. 11. Уравнение. 12. Артемовск. 14. Гватемала. 17. Мокша. 18. Шрифт. 20. Архимед. 21. «Ледоход». 24. Бартоло. 25. Яковлев. 28. Ферма. 29. Шторм.

На первой странице обложки: Ирина Роднина и Алексей Уланов — чемпионы Европы 1969 года в парном катании.

На последней странице обложки: Ласма Кауниете, учительница из Риги,— чемпионка мира 1969 года по скоростному бегу на коньках.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00326. Сдано в набор 28/I-69 г. Подписано к печ. 11/II-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 500 экз. Изд. № 199. Заказ № 269.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

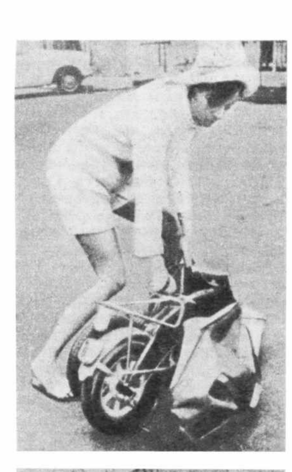
Без слов.

— Ты же пересолил!

Рисунки К. Мошкина.

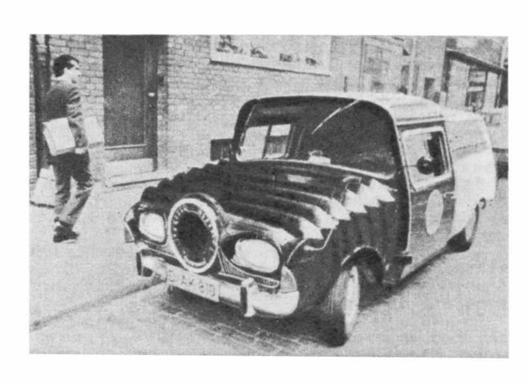
ПЕСТРЬЕ

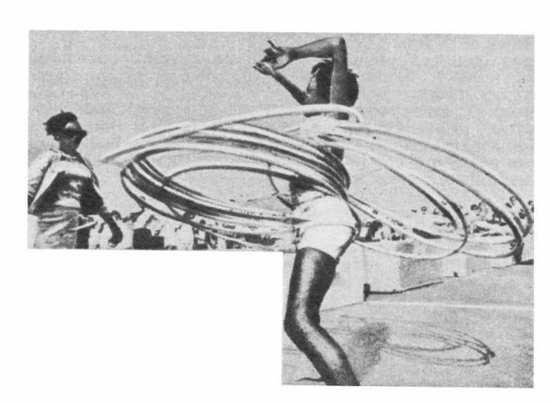
МОТОЦИКЛ В СУМКЕ

На выставке в Гамбурге внимание посетителей привлек мотоцикл, который легко вмещается в сумку размером 80×40×28 сантиметров. Машина, имея мотор мощностью 0,7 лошадиных силы, развивает скорость до 25 километров в час.

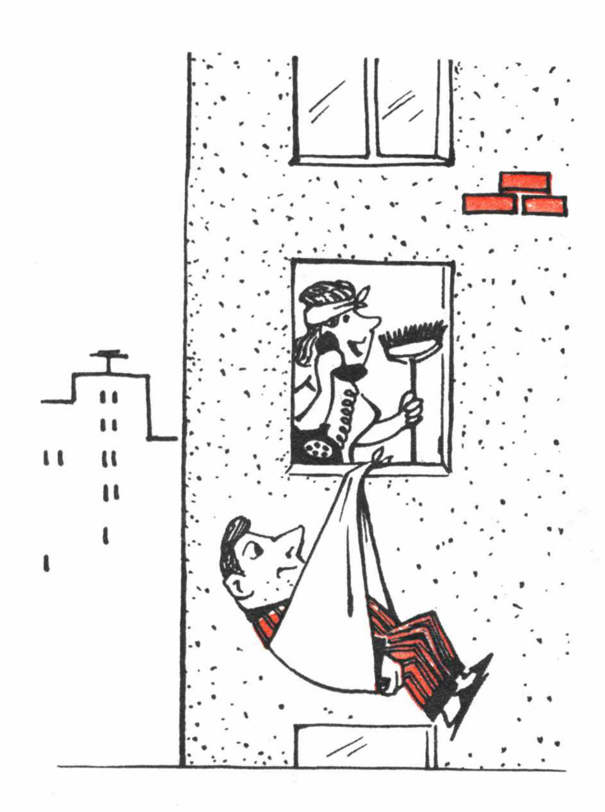
МАШИНА-ФОТОАППАРАТ

Этот автомобиль сделан по просьбе редакции норвежского иллюстрированного журнала «Актюэль». «Наши фоторепортеры,— говорит редактор журнала,— жаловались, что для съемок им приходится часто вылезать из автомашины. Теперь они могут снимать, сидя в автомобиле».

ЧЕМПИОНКА ОБРУЧЕЙ

Хула-хуп снова входит в моду в некоторых странах. На состоявшемся в Калифорнии состязании победу одержала девушка, вращавшая вокруг талии одновременно тринадцать обручей.

— А мне муж во время уборки не мешает, он находится на улице...

Рисунок В. Тамаева.

Без слов.

Рисунок В. Тильмана.

— Скажите: «Ш-а-а-а-айба!»

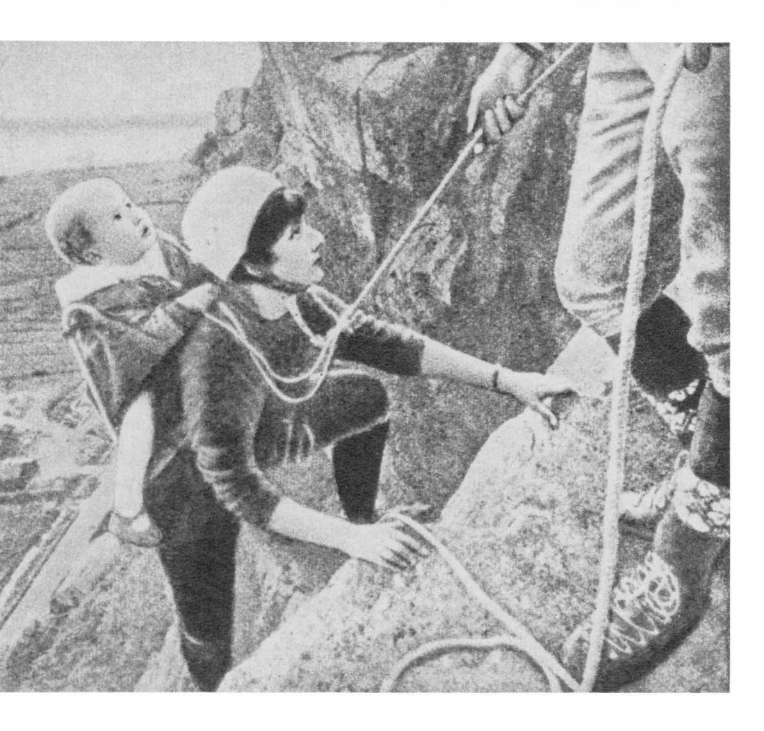
Рисунок В. Владова.

На свидание...

Рисунок Б. Боссарта.

СТРАНИЦЫ

АЛЬПИНИСТ В ПЕЛЕНКАХ

Англичане супруги Валлис—страстные альпинисты. Они покоряют горные вершины вместе со своим маленьким сыном, который отлично себя чувствует за спиной у матери.

НА ЗАВИСТЬ РЫБАКАМ

Один рыбак вблизи Флориды поймал специальной удочкой меч-рыбу, весящую более восьмидесяти килограммов. ▼

ЦВЕТЫ ИЗ ФАРФОРА

В Москве зима. Холодный ветер бросает в лицо пригоршни снега. Но павильон легкой промышленности ВДНХ встречает озябших людей огромным букетом свежих весенних цветов. На нежных бутонах капли росы. Кажется, что цветы только что сорваны с газона.

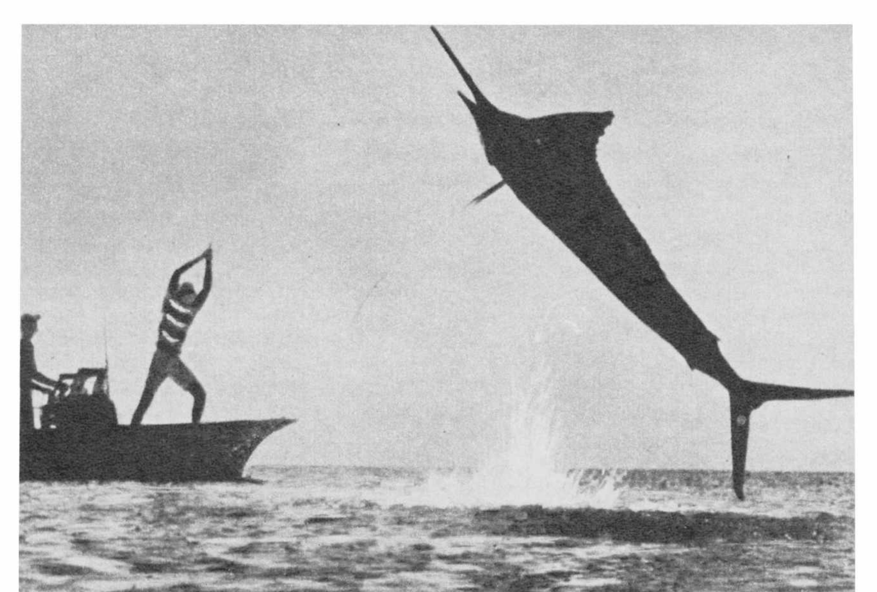
И каково же будет ваше удивление, когда вы узнаете, что эти прекрасные цветы — из фарфора. Их создали Николай и Элеонора Пименовы — работники Ленинградского фарфорового завода имени М. В. Ломоносова.

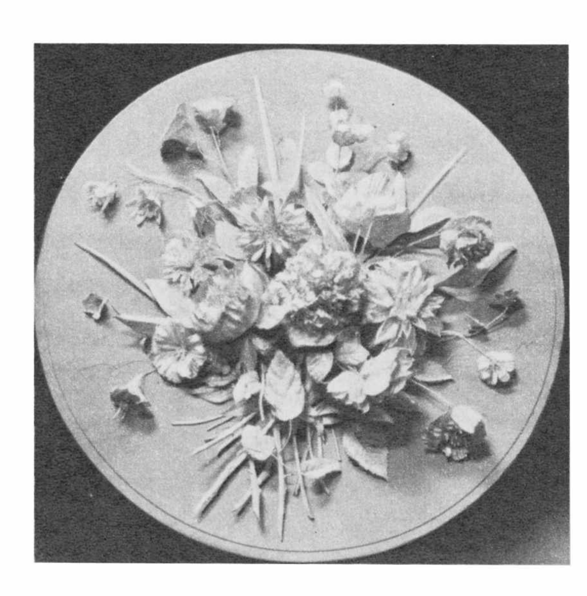
Уже полтора века специалисты стремятся разгадать тайну цветов из фарфора, которые делал при лучине русский крепостной мужик Иван Иванов. Его цветы дошли до нас, но время поглотило секрет их изготовления. И вот эта задача оказалась по плечу Пименовым. Муж и жена — еще совсем молодые люди. По профессии они химики. Много лет Николай и Элеонора работают над художественными изделиями из фарфора.

Букет Пименовых был представлен на Всемирной выставке в Монреале. Один американский бизнесмен, пораженный искусством русских мастеров, предложил за цветы двадцать тысяч долларов. Американцу вежливо ответили, что не все на земле продается и есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги.

Недавно в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР Николаю и Элеоноре Пименовым вручили авторское свидетельство на изобретение нового способа изготовления художественных керамических изделий.

Г. ЛЕЩИНСКИЙ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663